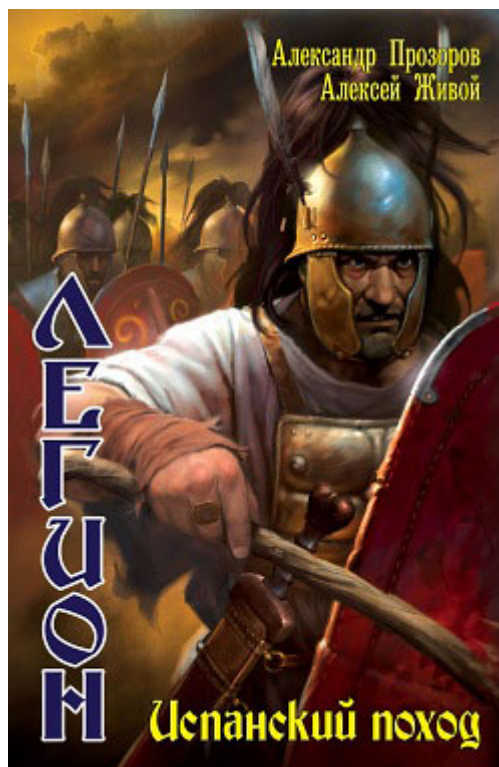

Александр Дмитриевич Прозоров Алексей Живой Испанский поход

Легион – 5

Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>

«Легион: Испанский поход»: «Ленинградское издательство»; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0230-2

Аннотация

Рим окружен. Ганнибал взял Сицилию, и теперь вся Южная Италия под его властью. Союз с Сиракузами принес новую возможность пополнить осадный обоз катапультами Архимеда. Получив долгожданные подкрепления, армия пунов готовится к последнему походу, который должен стереть с лица земли ненавистный Рим.

На восточном побережье высадились союзные македонцы царя Филиппа, с севера над Римом нависли скифские полчища, пробившие себе дорогу от Черного моря до Адриатики. Кажется, еще удар – и Карфаген утвердит свое владычество над всей Италией.

Но неожиданно союз начинает рушиться на глазах. Объединившись, перед лицом общего врага, греческие полисы наносят удар скифам в тыл, заставив Иллура повернуть свою конницу от самых границ Италии. Македонцы также вынуждены вернуться. В довершение всего Ганнибал узнает, что в Испании вспыхнул мятеж. Рим переправил туда морем несколько легионов под командой братьев Сципионов. Они уже отбросили войска Гасдрубала Барка назад, до самого Ибера. Если немедленно не остановить испанский поход римлян, то Карфаген может потерять всю Испанию и тогда осада Рима станет невозможной.

**Александр Прозоров, Алексей Живой
Легион: Испанский поход**

Глава первая Бодастарт

Медленно, словно торопиться было некуда, рассекая волны мощным килем, в гавань Тарента вошло огромное грузовое судно. Рассветный воздух, еще не успевший потерять ночную прохладу, донес до Федора скрип снастей и голоса матросов. Когда судно преодолело обширную гавань и пришвартовалось к одному из пирсов, командир двадцатой хилиархии окончательно убедился в том, что это «посылка» из Сиракуз. Прямо на палубе были закреплены огромные балки какого-то странного сооружения, видимые невооруженным глазом даже с большого расстояния. Станным, однако, оно могло показаться кому угодно, только не Федору, сразу же опознавшему в нем части гигантской катапульты, которую он ждал здесь уже который день как офицер, отвечавший за осадный обоз. Слишком уж хорошо запомнилась ему эта катапульта, крушившая римские корабли, чтобы не опознать ее изогнутый стан, пусть даже и в разобранном виде.

«Пятая, – удовлетворенно кивнул Федор, который рассматривал корабль и просыпавшуюся гавань с балкона собственного дома на склоне прибрежного холма. – Архимед слово держит».

Согласно договору между Гиппократом, правителем Сиракуз, и Ганнибалом, Архимед должен был создать не меньше двадцати таких катапульт для осады Рима и еще несколько десятков орудий поменьше. С той поры, как Федор вернулся из Сицилии, прошло уже почти три месяца, но осадный обоз новой армии, с помощью которого предстояло сокрушить римские укрепления, все еще не был укомплектован полностью. Дело требовало времени и выходило хлопотное, даже для лучшего геометра и механика всех времен и народов. Впрочем, Ганнибал, не слишком довольный задержкой, тоже не проводил время в праздности. Вся армия Карфагена, заметно возросшая за последнее время, готовилась к походу.

Недавно захваченный римский город, цитадель которого сопротивлялась дольше всего, теперь был просто наводнен солдатами Карфагена и не только финикийцами. Кроме африканцев Атарбала и конницы Магарбала, вставшей на постой в казармах римских легионеров, здесь также были частично расквартированы македонцы царя Филиппа, большая часть войска которого осаждала сейчас Брундизий. В этом городе на побережье Адриатики «окопался» и надеялся выстоять до подхода подкреплений двадцать пятый легион римлян. Впрочем, деваться им было все равно некуда. С моря римлян блокировал македонский флот, а город осаждала греческая пехота при поддержке метательных машин. Дни защитников Брундизия были сочтены, и Ганнибал не выказывал особенного беспокойства из-за того, что неподалеку от его нового и, пожалуй, главного опорного пункта в южной Италии еще есть столь значительные силы римлян. Днем раньше или днем позже, этот вопрос будет решен.

Кельты, а также самниты и луканы, которых Ганнибал в большом количестве набирал в свое новое войско, жили в специально выстроенном лагере неподалеку от стен Тарента. Узнав о решении главнокомандующего разместить вспомогательные войска вне города, Федор невольно подумал о его предусмотрительности. На случай внезапного нападения римлян они должны были стать первой линией обороны, а финикийцы – узнать об этом задолго до подхода противника.

Впрочем, теперь внезапное нападение римлян казалось Федору маловероятным. Ближайшие римские войска, если не вспоминать о Брундизии, по-прежнему стояли на северной границе Апулии, недалеко от Луцерии. Даже захватив Сицилию и получив подкрепления, Ганнибал не спешил отгонять их дальше, всецело занятый укреплением города и подготовкой армии к новому победоносному походу, который должен был решить исход затянувшейся войны.

Федор потянулся, распахнув хитон, и окинул взглядом стройные ряды финикийских кораблей, пришвартованных в военной гавани Тарента. Это были новехонькие квинкеремы из того самого флота, что был отправлен сенатом Карфагена на захват Сицилии, а теперь

пополнил боевой флот Ганнибала. Двадцать пять кораблей из восьмидесяти. Остальные, «приписанные» теперь к различным городам острова, бороздили сейчас Тирренское море и прибрежные воды Сицилии, время от времени отгоняя римских разведчиков. Флотоводцы были готовы отразить любую попытку нового римского десанта, но больше ожидали приказа блокировать Рим с моря. Однако приказа о массированном наступлении пока не поступало. Ганнибал готовился и собирал сведения о передвижениях противника, в том числе и на море. Римский флот, несмотря на подошедшие к Ганнибалу подкрепления, все еще превосходил финикийский количеством, представляя серьезную угрозу. Между тем армия и флот пунов находились в полной уверенности, что этот приказ поступит со дня на день.

Во время осады Тарента с суши блокировать гавань не удалось и большая часть римских кораблей, не считая тех, что сжег Федор во время своего тайного рейда, ушла в Рим. Никто не смог им помешать. С этим флотом ускользнули Марцелл и Памплоний, с которым Федор очень хотел встретиться и поговорить по душам. Разговор с мужем Юлии, как и встречу с «тестем» пришлось отложить до лучших времен. Но, Чайка был уверен, – ждать осталось не долго. Воздух Тарента был просто пронизан ощущением неизбежного похода. Нового. Победоносного и окончательного.

Вспомнив о том, как он тайком, через римские посты, пробирался сюда всего несколько месяцев назад, Федор слегка загрустил. В том рейде по вражеским тылам он потерял своего ординарца Териса, погибшего в самый последний момент, когда горящий брандер направился на скопление римских квинкерем.

«Жаль паренька, хороший был боец, таких мало», – подумал Чайка, переводя свой взгляд на казармы римских морпехов, где некогда сам начинал службу, оказавшись в этом мире. Сейчас там расположились на постой морпехи Карфагена, заняв опустевшие помещения. А Федор, глядя на выстроившихся вдоль каменного пирса солдат в темно-синих кожаных панцирях, готовых подняться на борт корабля, вдруг вспомнил своего сослуживца по манипуле деревенского болтуна и балагура Квинта. С его помощью он тогда входил в местную жизнь и знакомился с азами службы легионера. И ведь успел уже втянуться. Кто знает, как могла бы повернуться жизнь, если бы на его пути не встретилась золотоволосая дочь римского сенатора, которую ему любить никак не полагалось по рангу. А вот, глядишь ты, как оно все вышло.

Да и в морпехи можно было бы опять податься, ведь у Ганнибала снова был флот. Только положение Федора за эти годы уж сильно изменилось. Конечно, не было ничего невозможного, желающих покомандовать его хилиархией найдется немало. Однако, посетив послом Карфаген, а потом перебравшись кораблем на Сицилию, Федор как-то успокоился на эту тему. И без синего панциря морпеха служба у него выходила вполне насыщенная и полная приключений. В метрополии его дожидались несколько ящиков с золотом, на которые он мог бы приобрести себе сразу несколько кораблей вместе с командами, если бы захотел. А пока Чайка решил служить здесь, на суше. Да и его друзья-морпехи, Урбал и Летис, что начинали с ним вместе эту кампанию еще в Испании, тоже пообвыкли к жизни простых пехотинцев, которые видят море только с берега.

Грохот внезапно обвалившегося здания неподалеку от порта отвлек его от воспоминаний. Тарас невольно посмотрел туда и заметил, как солдаты из инженерных частей разбирают римский храм Юпитера-Фретерия на камни, которые затем пойдут на восстановление разрушенных стен. Штурм был мощный, римляне долго сопротивлялись, а потому строительного материала требовалось много. И Ганнибал отдал приказ разбирать все римские храмы, кроме тех, которые можно было без особых усилий перестроить в святилища Баал-Хаммона, Таннит или Мелькарта. Ведь с приходом финикийцев на эту землю сюда пришла и древняя вера карфагенян.

Пожив какое-то время в Карфагене Федор заметил, что финикийцы были терпимы к иноземцам, – как ни крути, финикийские купцы торговали по всему свету, да и сам Карфаген был просто перекрестком миров запада и востока. Кого в нем только не встретишь в базарный день: и ливийца, и эфиопа, и египтянина. Разве что грекам и римлянам путь туда

был заказан. Но после победы Ганнибала из Тарента вместе с римскими войсками должны были убраться и римские боги. Они не могли ужиться здесь под одним небом с владыками финикийского пантеона.

Оказавшись здесь, карфагеняне сразу же развили бурную деятельность по переустройству города под свои нужды. Они не только строили в Таренте свои храмы, заботясь о будущем для живых, но и вырубали в прибрежных скалах гробницы, думая о загробном мире. Первое финикийское кладбище вскоре появилось совсем близко от города. Сразу после сражений там уже похоронили многих финикийцев: и знатных воинов, и обычных солдат. По всему было видно, что Ганнибал пришел сюда навсегда.

Мало интересовавшийся до недавних пор этим вопросом Федор, тем не менее был удивлен, узнав, что финикийцы предпочитали гробницы, вырубленные в скале. Но иногда не брезговали и простыми могилами в земле, если рядом не было скал. В Таренте, по счастью, скал было предостаточно для того, чтобы позаботиться о мертвых героях. Оказавшись как-то в районе нового кладбища вместе со своими друзьями, Чайка с большим интересом наблюдал, как каменотесы рубят в скалах вертикальные шахты, некоторые из них достигали до десяти метров в глубину.

– Иногда мы сжигаем своих покойников. Этот обычай мы переняли у персов, поклоняющихся огню, и многим он нравится, – сообщил ему один из прибывших на новое место жрецов, когда Федор приносил дары Баал-Хаммону по случаю своего успешного возвращения, а указав рукой на ближнюю скалу, уточнил: – Вы желаете, чтобы я заранее позаботился о вашей могиле? У нас еще есть места. Я могу отправить туда каменотесов прямо сегодня.

Жрец нового храма Баал-Хаммона был бородат, носил на голове убор, похожий на платок, и простую неподпоясанную тунуку. Длинный шарф, испещренный странными узорами, был переброшен через левое плечо. В руках жрец держал патеру¹ и бутыл. Вскоре ему предстояла церемония в храме, и Федор, прибывший сюда обсудить важное решение, немного отвлекал его от дел. Но жрец терпеливо ждал.

Федор, хоть и давно уже приносил дары Баал-Хаммону, все же опешил. Как-то не привык он заранее готовить себе место на кладбище, хотя многие здесь поступали именно так. Особенно зажиточные финикийцы, а он уже мог себя отнести к таковым. Оторвав взгляд от лица бородатого священника, он в нерешительности посмотрел на скалу, где стучали кирками рабы-каменотесы.

– Пожалуй, – кивнул он, – но немного позже. Сначала обсудим другой вопрос.

– Да, я помню, – кивнул жрец, – вы хотели бы дать своему сыну новое имя.

Федор кивнул. Его сыну уже исполнилось четыре года и пошел пятый. Все это время он жил под именем Марк Акций Памплоний Младший. Пока он с Юлией скрывались от взора остальных в уединенном домике на берегу моря, это еще можно было терпеть. Но теперь настало время сделать его полноправным финикийцем.

Вернувшись из Сицилии с победой, Федор тут же получил от Ганнибала в подарок двадцать слуг и роскошный особняк на одной из улиц верхнего города, где селилась раньше местная знать. Да и теперь соседями Федора были не простые воины. Через несколько домов возвышался особняк, который отошел к Атарбалу, рядом поселились командиры африканских хилиархий и конных отрядов Магарбала. Да и сам главнокомандующий Карфагена жил теперь неподалеку, на вершине соседней горы. В обнесенном высокой стеной и больше напоминавшем своим видом крепость особняке. Впрочем, Федор не удивился, узнав, что раньше там располагался римский штаб и жил сенатор Марцелл. Ганнибал оценил это здание по достоинству, разместив там и свой штаб. В случае чего в этом особняке можно было долго держать оборону, да и спуск к морю имелся.

Едва осмотрев свой дом, выстроенный в греческом стиле из светлого известняка,

---

¹ Патера – низкий, неглубокий сосуд, который жрецы использовали для отправления ритуалов.

трехэтажный, с колоннами у входа, портиками и широкой террасой с видом на море, Федор понял, что без хозяйки тут не обойтись. Должен же кто-то управлять целой армией слуг, которую ему на радостях подарил Ганнибал. «Придется перевезти сюда Юлию с сыном, – рассудил он, выйдя на террасу и оглядывая гавань Тарента и сам город, охваченный суетой, – хватит ей взаперти сидеть. Пора начинать новую жизнь».

Услышав это предложение, дочь римского сенатора согласилась не раздумывая. Ей и самой уже порядком поднадоел уединенный дом на берегу апулийского побережья, где она ощущала себя затворницей. После того как Ганнибал обещал не преследовать их, Чайка уже не раз порывался вывести в свет свою тайную любовь, но подходящего случая не выпадало. Да и, честно говоря, побаивался безродный командир двадцатой хилиархии выставлять на всеобщее обозрение свою знатную римлянку, которая не была ему даже женой. Впрочем, под покровительством Ганнибала они могли теперь пожениться по финикийским обычаям или жить дальше, как им заблагорассудится. То, что Федор и Юлия происходили из разных народов, Великого Пунийца ничуть не смущало. Сам Ганнибал и его братья имели жен из знатных, но иберских родов, которые служили теперь Карфагену в Испании верой и правдой.

Со свадьбой они, однако, решили не торопиться. Подождать, пока станет ясно, как отнесутся к ним другие знатные финикийцы. Но дать новое имя сыну Юлиа не отказывалась.

– Вы уже решили, как назовете сына? – спросил жрец, оглянувшись на своих помощниц, облаченных в невесомый пеплум ², что позади него готовили церемонию, разводя огонь под ритуальными жаровнями. – В честь кого из богов?

Федор замялся, но жрец помог ему.

– Если проводить церемонию в ближайшие дни, – проговорил он, – пока идут праздники в честь верховного божества, то его можно назвать, например, Баалшиллек или Баалезор. Быть может, вам подойдет Элибаал.

Жрец помолчал, изучая реакцию Федора, и по его лицу сразу понял, что список следует продолжать.

– Через десять дней наступит праздник Мелькарта ³, вы можете назвать сына Абдмелькарт. А через четырнадцать дней начнутся празднования богини плодородия Астарты.

Когда жрец закончил перечислять все возможные имена в честь Мелькарта и Астарты, Федор услышал одно, которое ему понравилось. Это имя звучало как Бодастарт и посвящалось богине плодородия.

– Что же, – решил Юлиа после недолгих размышлений, погладив по голове черноволосого мальчугана, – пусть будет Бодастарт, раз тебе нравится это имя, а четырнадцать дней мы подождем. У нас есть чем заняться.

К тому моменту они уже неделю находились в Таренте, и Юлиа, как новая хозяйка имения, решительно взялась за дело. По ее разумению, очень многое здесь следовало перестроить и переделать. Вкус прошлых хозяев, явно тяготевших к стилю жизни купцов, ей не подходил. Юлиа немедленно отправила слуг на рынок, да и сама не побрезговала обойти в их сопровождении все уже открывшиеся лавки, чтобы найти нужные товары. Кроме того, несмотря на слабое незнание финикийского, она быстро разыскала мастеров-каменотесов, которым поручила почти полностью перестроить оба портика.

«Если так пойдет дальше, – невольно усмехнулся Чайка, глядя, как Юлиа распекает нерадивых слуг, – то я скоро не узнаю этого дома. Впрочем, я еще не успел к нему привыкнуть как следует».

По просьбе своей золотоволосой римлянки Федор приставил к ней переводчика из греков, который водил ее по лавкам финикийских купцов, поражаясь, с какой легкостью его

---

² Пеплум – верхняя одежда карфагенских жриц из легкой ткани без рукавов, надеваемая поверх туники.

³ Для нужного развития сюжета сроки проведения торжеств изменены.

госпожа сорит деньгами, даже не пытаясь торговаться. Грека, привыкшего торговаться до последней возможности, каждый раз, когда Юлия не глядя, покупала несколько корзин, бросало в дрожь, – ведь при желании с них можно было сторговать у финикийцев почти полцены. И переводчик, подавляя стон разочарования, переводил ее слова, с грустью вспоминая недавние времена, когда почти все лавки Тарента принадлежали его соплеменникам, несмотря на римское владычество. Теперь же все было иначе.

Сам Федор, пару раз посетивший рынок вместе с Юлией и сыном, отдавал должное своим новым соплеменникам, этому предприимчивому народу купцов и мореплавателей. Не успела армия войти в город, как из Карфагена уже приплыло несколько торговых караванов с товарами, хозяева которых не испугались даже боевых римских кораблей, которыми еще кишели окрестные воды. Еще не успели стереться из памяти недавние сражения за каждый квартал, а здесь уже разворачивали свою деятельность посланцы купеческого сообщества метрополии, занимая разрушенные лавки греков. Федор невольно вспомнил жадного Сандракиса, который теперь тоже, хоть и поневоле, стал одним из купцов «освобожденного» города. Чайка составил ему протекцию по старой памяти, как и обещал. Все-таки, если бы не его сгоревший корабль и личное участие, все могло бы обернуться куда хуже.

За две недели, прошедшие с момента решения судьбы Марка Акция Памплония Младшего, в доме на берегу залива многое изменилось. Юлия, явно обрадованная переездом, активно готовилась к новой жизни. За это время она смогла расширить, сломав одну из стен, и без того не маленький зал для приема гостей. Парадный зал, как она его называла. «Видимо, она надеется здесь устраивать приемы, – с опаской размышлял командир двадцатой хилярии, глядя, как проявляет активность его гражданская жена, – с меня бы хватило, если бы местная знать просто признала в нас ровню, а там посмотрим».

Но Юлию такие мелочи уже не волновали. И к тому моменту, когда следовало провести церемонию обретения нового имени мальчиком, парадный зал был уже почти готов. Места обрушения выровнены и заштукатурены, а кое-где даже успели нанести роспись. Простой рисунок, изображавший цветущее поле.

– Ну вот, – заявила Юлия, разглядывая свой первый успех, – теперь здесь может поместиться человек тридцать даже со слугами. Конечно, это не мое обширное имение под Римом, но тоже не плохо.

– Потерпи немного, дорогая, – обнял ее Федор, приблизившись сзади, – ждать осталось не долго. Пройдет месяц, может быть два, и ты вновь сможешь устраивать пиры в своем имении под Римом. Уверен, на днях Ганнибал отдаст приказ о наступлении. Мы быстро сломили сопротивление легионеров и станем хозяевами города, а с ним и всей Италии.

Услышав об этом, Юлия почему-то не очень обрадовалась.

– Я не хочу его больше видеть, – вдруг заявила она после недолгого молчания.

– Почему? – удивился Федор, нежно целуя ее в щеку. – Ведь там мы с тобой впервые встретились.

– Там пролилось слишком много крови невинных людей, – пробормотала Юлия, высвобождаясь из объятий и направляясь на второй этаж, где находилась спальня, – я больше не смогу там спокойно жить и растить сына.

– Тогда мне придется его разрушить, – также тихо проговорил Чайка вслед своей любимой, когда она уже поднялась на верхний пролет полукруглой лестницы, – чтобы оно больше не досаждало тебе.

Но Юлия его, к счастью, уже не слышала.

Церемония обретения нового имени прошла в новом храме Астарты на берегу залива, похожем на большинство других, – открытой площадке с алтарем и жертвенником в центре, окруженной стелами. Никого, кроме родителей, самого «новорожденного» Бодастарта и жрецов, на ней не было. Федор не хотел шумихи. Пока горел огонь и жрец произносил свои заклинания, Федор с некоторым страхом рассматривал большую, искусно отлитую из бронзы статую, изображавшую божество с вытянутыми вперед руками. Прямо под руками находился еще один очаг, который сейчас был потушен. Чайка видел несколько похожих

статуй в храмах Карфагена и не мог не знать, что в дни суровых испытаний было принято приносить своих детей в жертву, чтобы умиловить богов. Чаще всего это были младенцы. Их клали на руки статуи и разводили внизу огонь. Считалось, что только после таких жертв бог становился к людям милостивым.

Федор перевел взгляд на смышленного мальчугана, который держался за руку Юлии, одетой в цветную тунику, как обычная финикийская женщина. Бодастарт, а Чайка теперь старался называть его только так, похоже, ничего не боялся. Он не плакал, а уверенно смотрел прямо на жреца, сквозь огонь и дым, поднимавшийся от жаровни.

«Хорошо, что он уже не младенец», – невольно подумал Федор и поймал себя на мысли, что даже для того, чтобы умиловить верховное божество, он вряд ли бы смог пожертвовать собственным сыном. Скорее собой. Но взрослых финикийцы редко приносили в жертву. Разве что пленных воинов. Обычно богам жертвовали еду, питье, птиц и животных. А также деньги. Свои «твердые расценки» существовали на каждый ритуал.

Этому жрецу Федор заплатил десять мер серебра, а затем посвятил Астарте десять коров и двадцать коз и еще столько же Баал-Хаммону в другом храме, чтобы боги отныне охраняли и направляли его сына.

Когда церемония была закончена, они вернулись домой в сопровождении слуг, Федор первым делом поднял сына на руки и вышел с ним на террасу, с которой открывался отличный вид на вечерний город. Солнце уже садилось, обласкивая красными лучами побережье. Мальчик вел себя тихо, держась за шею отца.

– Смотри, Бодастарт, – нарушил тишину Федор, указав ему на город и гавань, полную кораблей, – теперь все это твое. А ты часть финикийского мира. Пройдет немного времени, мы все вместе сядем на большой корабль и отправимся в Карфаген, где у нас тоже есть дом. Ты должен увидеть этот город, лучший на свете. И твоя мать тоже должна его увидеть.

Сказав это, Федор обернулся к Юлии, стоявшей за его спиной в двух шагах. Бодастарт молчал, внимая словам отца, из которых понял еще не все. Он уже учился финикийскому языку, как и сама Юлия. Но кое-что еще не успел освоить. Впрочем, Федор не беспокоился об этом. Паренек подрастал смышленный. По всему было видно, из него выйдет толк и по военной линии и по ученой. Было в кого. Да и на то, чтобы разобраться, кем стать в этом бурном мире, время тоже еще было. Успеет, а уж учителей Федор ему выпишет из Карфагена самых лучших.

На следующее утро, едва Юлия с сыном отправились на прогулку к морю в сопровождении десятка слуг, в новый дом Чайки неожиданно явился Леха Ларин.

– Вот это встреча! – удивился Федор, спустившись по лестнице вниз, когда слуга доложил ему о госте. – Какими судьбами? Ты же давно должен был обосноваться в долине реки По и наводить дружбу с кельтами.

– Так я и навожу, – усмехнулся Леха, обнимая друга и проходя вслед за ним в дом, – только Иллур меня к тебе неожиданно послал с поручением. Утром только причалил, разыскал твой особняк и сразу сюда. Шикарно устроился, сержант.

– С поручением? – переспросил Федор с недоверием, посматривая на маячивших за Лехой пеших скифов, которые сверкали на солнце чешуей панцирей. – Ко мне? А почему не к самому Ганнибалу?

– Нет, – отмахнулся Леха, отряхивая пыль с доспехов, – именно к тебе. Ведь ты же за осадный обоз отвечаешь? Я ему так и сказал, надо сразу к Федору плыть, чего зря главнокомандующего беспокоить из-за такой ерунды.

– Вот оно что, – догадался Федор, – ну тогда пойдем во внутренний дворик, обсудим это дело, выпьем вина. Тем более есть за что.

Расположившись за массивным каменным столом под ветвями раскидистого дерева, которых здесь росло штук десять, давая хорошую тень даже в самое знойное время, друзья выпили вина. Появившийся из-за спины слуга-лиwieц – а Ганнибал подарил Федору исключительно африканских слуг – по первому жесту хозяина сбегал в погреб и принес два кувшина отличного красного вина и чаши. А затем поставил на стол изящную вазу с

фруктами.

Леха выпил вина, закусив его финиками, и, осмотрев стол, немного погрустнел. Федор, знавший своего друга слишком хорошо, сразу сообразил, что тот сильно проголодался с дороги, и приказал слугам зажарить барашка. А пока готовилось свежее мясо, им принесли немного вяленого, овощей и хлеба. Благодарный скифский адмирал немедленно набросился на еду, выслушав рассказ хозяина о том, как тот недавно «окрестил» своего сына.

– Бодастарт? – переспросил Леха, отправляя в рот первый кусок. – Нормальное имя, подходящее. Тоже полководцем вырастет, как его отец.

– Может быть, – кивнул Федор и криво усмехнулся, – а может быть, в политики пойдет, как его дед. Кровь позволяет.

– Это вряд ли, – сразу отмахнулся Леха, поедая оливки, и уточнил: – А Юлия что думает?

– Пусть сам решает, когда вырастет, – прикрыл тему Федор, почесывая стриженую бороду, – так, что у тебя за дело?

– Понимаешь, – начал говорить Леха и вдруг умолк на время, пока перед ним ставили блюдо с закопченным мясом, источавшим небывалый аромат. – Я, как вернулся, сразу рассказал своему кровному брату о том, какие замечательные орудия этот Архимед строит. Громадные. Не в пример нашему Калпакидису, хотя тот тоже молодец.

Федор помалкивал, давая другу выговориться и поесть. А Леха как раз с жадностью откусил и прожевал довольно большой кусок мяса, обильно запив его вином. Слуга немедленно наполнил чашу гостя. В чаше Федора еще оставалось вино. Он пил меньше. В скором времени ему предстояло появиться на совете у Ганнибала, а пьяным являться туда было не принято.

– В общем, – не стал ходить кругами Ларин, – Иллур просит у вас парочку таких же катапульта, чтобы топить римские корабли или уютжить укрепленные лагеря легионеров. Против нас там, на севере, как раз два таких выстроено, но мы пока не атакуем. Сигнала ждем.

– Катапульти говоришь? – прищурился Федор. – Ты же знаешь, что у нас их в обрез. Да и секретное это оружие, Леха. Ни у кого больше таких мощных нет. Вдруг римляне по дороге перехватят?

– Значит, не дашь? – искренне озадачился Леха. – А я уже Иллuru пообещал.

– Ладно, – усмехнулся Леха, – что с тебя взять. Сейчас к Ганнибалу иду, попрошу для тебя парочку. Надо же помочь союзникам.

– Вот и отлично, – просиял бравый морпех, вырывая кувшин из рук ливийца и разливая остаток вина по чашам, – давай, за молодое поколение! Чтобы твой Бодастарт здоровеньким рос, да и мой сын тоже! Давно его не видел.

Опрокинув чашу, захмелевший Леха даже погрустнел, предавшись воспоминаниям о своей крымской жизни.

– Жди меня здесь, – проговорил Федор, вставая, – мне пора идти. Я скажу слугам, чтобы они тебя в комнату проводили, где ты сможешь хорошенько выспаться с дороги. А твои люди...

– Не суетись, сержант, – ответил Леха, вставая, – людей я на корабль отправлю, чего им тут глаза мозолить. А сам здесь посижу. Мясо вон осталось и вино еще есть.

– Ну как знаешь, – кивнул Федор, – Но комнату тебе на всякий случай приготовят. Места хватает. А Юлия с сыном скоро вернутся с прогулки.

Когда Федор Чайка вернулся с военного совета, где он не услышал ничего нового, кроме приказа ускорить подготовку осадного обоза, Леха спал без задних ног на топчане, в отведенной ему комнате с окном на бухту. Адмирал ужасно храпел, а его панцирь и сапоги валялись прямо на мозаичном полу. «Устал, кочевник», – ухмыльнулся Федор и, решив не будить пока друга, посмотрел в окно. Там он заметил триеру, что быстро заходила в порт. Ее стремительные движения выдавали хорошо обученную команду, а по неуловимым деталям Чайка опознал в ней боевой корабль испанской эскадры, что воевала у берегов Нового

Карфагена под командой Гасдрубала. Сам когда-то там начинал службу. «Это еще что за гости пожаловали, – озадачился Федор, – давненько у нас не было новостей из Испании».

Развернувшись, он вышел из комнаты и провел несколько часов с Юлией, обсуждая последние новости по хозяйству. У неистовой римлянки появились новые идеи. Однако едва они успели поговорить о том, не стоит ли перестроить внутренний двор, как явился курьер от Ганнибала.

– Главнокомандующий немедленно требует, чтобы вы явились к нему во дворец, – сообщил пехотинец на словах, поклонившись, – появились важные новости.

– Сейчас буду, – кивнул Чайка, подумав: «Я даже догадываюсь, откуда эти новости. Похоже, сегодня весь день уйдет на совещания».

– Разбуди нашего гостя, – приказал он слуге-ливийцу, – пора поговорить. Дальше откладывать некогда.

Через пятнадцать минут Федор, облаченный в доспехи, стоял на ступенях своего особняка рядом с Лехой, также принявшим строевой вид.

– Катапульту я для тебя «выбил», правда только одну, больше Ганнибал не дает, – сообщил он еще заспанному другу, указав рукой в сторону порта, – придешь вон на те склады и скажешь, что от меня. Я уже предупредил всех офицеров. Они тебе помогут перегрузить ее на корабль, а там твои греки ее как-нибудь соберут.

– Ну одну так одну, – согласился Леха, ничуть не обидевшись, – зато какую. Только я тебя уже не дождусь, извини, сержант. Мне, как погружу, отплывать надо. Иллур только за этим меня и прислал. Велел сразу возвращаться.

– Ну тогда давай прощаться, брат. – Леха обнял друга, похлопав его по панцирю рукой. – Чует мое сердце, что начинаются серьезные дела. Бывай здоров, рядовой Ларин.

– Ничего, – отмахнулся Леха, поправляя ножны акинака и щурясь на солнце. – Скоро мы с тобой встретимся уже под стенами Рима. Не долго осталось. Зажмем этих легионеров в клещи с двух сторон и взгреем по первое число. А потом и посидим хорошенько, как у скифов принято. Недельку гулять будем.

– Идет, – кивнул Федор, вскакивая на подведенного коня. А когда отъехал метров на пятьдесят вверх по мощеной улице, то осадил скакуна и обернулся, посмотрев вслед товарищу. Отыскал глазами коренастую фигуру, что вышагивала в сторону порта, придерживая ножны меча. Проводил глазами до тех пор, пока Ларин не исчез за краем трехэтажного каменного дома у самых портовых сооружений. Вроде бы все шло нормально, к скорой победе над римлянами. И Лехин «план» должен был осуществиться без особых проблем. Но что-то говорило Федору, что теперь они не скоро увидятся.

Глава вторая Исилея

Катапульту Леха довез по адресу без особых приключений, если не считать того, что в Адриатике разыгрался небольшой шторм и триера, не имевшая специальных приспособлений для перевозки столь громоздкого груза, едва не перевернулась. Корабль, что привозил колоссальные катапульты из Сиракуз по частям, проектировал сам Архимед, предусмотревший все необходимые крепления заранее, а скифам пришлось выкручиваться на ходу. Но адмирал и тут не сплеховал. Все, что смогли, погрузили в трюм, разместив в проходах между гребцами. А что не пролезло в отверстия над лестницами, привязали прямо на палубе. У греков с виду крепление было похожим.

– Что я, глупее Архимеда, что ли? – решил Леха, осмотрев греческий корабль в гавани Тарента. – Мы и сами также сможем. Да, Токсар?

Бородатый воин посмотрел на хитроумную систему колышков и веревок, повсюду торчавших из палубы греческого корабля, и, потерев бороду, с сомнением пробормотал:

– Хорошо бы сюда кого-нибудь из наших греков. Гилисподиса или хотя бы его помощников. Те бы сразу сообразили, что делать.

– Сам знаю, – согласился Леха, немного погрузнев, – да где их тут взять? Крепим, короче, как я приказал. И на рассвете отплываем.

Уже в Адриатике, когда корабль вышел из Тарента и, обогнув мыс, оставил за кормой осажденный Брундизий, держась ближе к иллирийскому побережью, начался шторм. Корабль нещадно раскачивало. Его борта скрипели и трещали, грозя развалиться на части. От качки балки, что лежали в проходах на второй палубе, сорвались со своих креплений и насмерть придавили шестерых гребцов. Одна из них даже ударила в борт триеры изнутри, но корабль оказался крепким. Как смогли скифы закрепили сорвавшиеся балки и продолжили свой путь.

К счастью, ни одного римского корабля, которые еще во множестве бороздили эти воды у берегов средней Италии, им не встретилось, поскольку боеспособность триеры была почти на нуле. Эту триеру им одолжили македонцы, поскольку собственный флот скифов оставался на Истре-Дунае и в черноморских портах. О чем бравый адмирал уже не раз пожалел, оказавшись на Адриатике.

Союзники смогли выделить царю скифов только один корабль, сославшись на то, что весь остальной флот занят в войне с римлянами и участвует в блокаде Брундизия. Так что особой пользы на море, оттого что Иллур захватил все побережье от Эпира до самой долины реки По, для скифов пока не было. Разве что сухопутные войска могли теперь передвигаться там беспрепятственно. Да и то с оговорками. Поскольку скифы смогли «накрыть» не все лагеря иллирийских пиратов, а только те, что находились близко к берегу. Часть иллирийцев успели уйти в свои горные базы и успешно отбивали там атаки конницы. А иногда продолжали действовать в тылу, нападая на обозы.

Конечно, враг был разгромлен, но не до конца. Разбираться с мелкими отрядами Иллору было некогда. Пройдясь железным маршем вдоль побережья, скифы захватили его, отрезав римлянам возможность беспрепятственно действовать на обоих берегах Адриатики, и ушли дальше в сторону подвластных кельтам земель. А здесь Иллур оставил несколько мобильных отрядов, которые занимались тем, что мгновенно усмиряли иллирийцев, посмеявших высунуть нос из своих высокогорных убежищ. Полный разгром этих пиратов он оставил на более спокойные времена. Особой опасности для главного удара конной армии они, по мнению Иллора, не представляли.

Наконец спустя три дня скифские мореплаватели увидели «родной» берег. Первое время корабль носило по волнам, а когда ветер успокоился, он еще долго и осторожно пробирался вдоль иллирийского побережья, то и дело меняя курс, чтобы не налететь на подводные скалы. К счастью, все обошлось, и Леха привез обещанную катапульту своему царю.

Когда триера в сумерках причалила к небольшому пирсу, еще несколько лет назад выстроенному в укромном месте между двумя скалами инженерными частями армии Ганнибала, проводившей здесь первую зиму, Леха заметил, что в лагере царила непривычная суэта. Несмотря на поздний час, в хорошо укрепленном лагере скифов, что находился на обширном плато, простиравшемся над побережьем, передвигались массы всадников, многие из которых были с факелами. Ближайший лагерь кельтов находился в нескольких километрах левее.

– Это еще что такое? – удивился адмирал, первым спрыгивая на помост, едва триера притерлась бортом к шершавому пирсу. – Может, римляне напали?

Он даже обернулся назад и вопросительно посмотрел на Токсара, словно тот знал ответ. Но бородач промолчал, в недоумении наблюдая, как большой отряд всадников, несколько тысяч не меньше, на ночь глядя покидал лагерь. Миновав мощные ворота, скифы направились по узкой дороге вдоль побережья в сторону Иллирии.

– Что делать с грузом? – поинтересовался Токсар, отвлекая Ларина от созерцания лагерной суеты.

– Что? – удивился адмирал, обернувшись, словно только сейчас заметил корабль. – А, ты об этом. Привяжите покрепче к пирсу да охрану выставь человек тридцать. Лучше из

сотни Инисмея. Волнения здесь почти нет, не утонет, место толково выбрано. А разгружать все равно только утром будем. Слишком ценное оружие.

Скиф кивнул, отправившись выполнять приказание. А Леха в сопровождении нескольких бойцов направился вверх по дороге, которая вскоре разошлась на два рукава. Первый шел в обе стороны по берегу, а второй превратился в тропинку, петлявшую вверх меж каменных уступов. Одновременно по ней могли двигаться рядом только двое, не больше.

На пирсе, у самого начала тропы и на самом плато, Леху остановили пешие скифы-охранники, но, признав адмирала и кровного брата царя, пропустили в лагерь. Поднявшись наверх, Ларин остановился у самого края плато и бросил взгляд назад. Пришвартованная в узкой гавани триера была отсюда еле видна. В группе уже едва различимых в сумерках фигур Ларин разглядел Токсара, который суетился там, отдавая приказания стоявшим перед ним бойцам. С моря эта гавань тоже была почти не видна, а уж о том, чтобы разглядеть корабль, отойдя в сторону хотя бы на двести метров, и речи не было. Инженеры Ганнибала устроили эту пристань в очень укромном месте.

Дальше по берегу, насколько хватало глаз, тянулись высокие, поросшие лесом скалы, обрывавшиеся в море. Нападения римлян с этой стороны можно было особенно не опасаться. Вряд ли они были столь безрассудны, чтобы выбрасывать десант на голые скалы. Да и лагерь занимал единственное в этих местах широкое плато, нависавшее надо всем побережьем. Видимость отсюда, особенно в ясную погоду, была отличная. Правда и сам лагерь было не так уж трудно заметить, но Иллур особенно не прятался. Вот-вот должно было начаться наступление, в котором укрепленному лагерю отводилась роль опорной тыловой базы, не более того. Пока что, однако, этот лагерь был главной и самой дальней от Крыма ставкой царя Великой Скифии. Так далеко никто из предшественников Иллура в эти края не забирался.

Еще раз пожалев о том, что внизу не пришвартован весь его боевой флот, адмирал отогнал грустные мысли и направился сквозь главные ворота в лагерь, обнесенный мощным частоколом с башнями. Вообще этот лагерь был странным симбиозом скифского кочевья и финикийской инженерной мысли. Пологое место, на котором стояли сотни юрт и шатров, было обнесено деревянной крепостной стеной с воротами и башнями, за которой можно было пересидеть при желании несколько штурмов. Финикийцы построили стены давно, но не успели возвести бараки и казармы внутри, как поступил приказ наступать и армия ушла из долины реки По в среднюю Италию. Но Иллур, достигнув этих мест, оценил по достоинству незавершенное строительство своих новых союзников. Стены пришлось кстати, а бараки ему были и не нужны. Все свои дома скифы возили с собой в кибитках.

По дороге наверх Лехе попался еще один отряд, сотен пять всадников, проскакавший в направлении Иллирии. «Римлян там вроде бы не наблюдалось, – рассуждал сам с собою адмирал, проводив всадников взглядом и направляясь напрямиком в юрту царя для доклада. – Может быть, опять дарданы зашевелились? Да нет, вряд ли бы наш царь стал так распылять свои силы ради кучки пиратов. Скоро наступать, а он всех солдат в тыл отправляет. Что-то не нравится мне это».

Оказавшись возле юрты, вокруг которой горели костры, – Иллур не слишком заботился о маскировке, даже, напротив, хотел, чтобы римские солдаты знали, где его лагерь, и заранее боялись встречи с ним, – Ларин вступил в пятно света, представ перед охранниками. Человек тридцать широкоплечих скифских воинов, рядом с которыми даже адмирал не хлипкого телосложения казался малорослым, охраняли покой царя. Узнав прибывшего гостя, позади которого остановилась его свита, командир охранников проговорил с поклоном:

– Царь ждет.

Без лишних разговоров Леха шагнул внутрь юрты, откинув полог. Своих бойцов оставил дожидаться снаружи. Пройдя сквозь сумрак «тамбура», он оказался в главном шатре, посреди которого тлела жаровня. В неясном красноватом свете, который исходил от углей, Ларин не сразу заметил Иллура, облаченного в доспехи, несмотря на столь поздний

час; Иллур сосредоточенно рассматривал какой-то свиток с текстом и начерченной на нем картой. Царь сидел на полу, весь погруженный в размышления, и, казалось, не слышал, как вошел гость. Но ощущение было обманчивым. Едва Леха шагнул к жаровне, как Иллур, услышав шаги, приглушенные ковром, дочитал свиток, свернул и вдруг бросил его на угли. Папирус вспыхнул, мгновенно превратившись в тлен.

«С чего бы такая секретность?» – насторожился Леха, которому показалось, что он разглядел на краю бумаги печать с полумесяцем. Но Иллур, «разобравшись» с письмом, вдруг повеселел. Встал и даже шагнул навстречу своему кровному брату, раскрыв объятия.

– Ну здравствуй, Ал-лек-сей, давно тебя жду.

Указав на подушки рядом с низеньким столиком, где Ларин уже привык видеть вино и фрукты, Иллур уточнил:

– Ты привез то, о чем говорил?

– Привез, – кивнул Леха. Не дожидаясь, пока появятся слуги, он налил себе вина. – Только всего одну катапульту, зато какую.

Казалось, Иллур нахмурился.

– Ганнибал сообщил, что готовится к походу и каждое такое орудие у него на вес золота. У Федора в обозе их всего несколько штук, оказывается. Архимед работает медленно. Хорошо еще, что удалось получить одну. Но мы и с этой катапультой таких дел наделаем, римлянам мало не покажется. Вот завтра выгрузим ее и соберем. А потом проверим на прочность ближайший римский лагерь.

Слушая бахвальство кровного брата, Иллур снова повеселел. Он даже сел рядом и выпил вина из золоченой чаши. Но молча. А Леха не мог отделаться от ощущения, что Иллур что-то хочет ему рассказать, но не решается. Наконец властелин скифов отставил чашу в сторону и проговорил, усмехнувшись:

– Плохие новости, брат.

Леха напрягся, ожидая продолжения.

– Греки ударили нам в тыл.

– Греки? – переспросил Леха, словно не веря своим ушам. За последнее время он и думать забыл о том, что греки могут представлять опасность, воюя вместе с македонцами и солдатами Сиракуз против римлян. Опасность для него теперь жила только в Риме. А тут – греки. Вот это новость.

– И как это случилось? – подтолкнул он нерешительного, непохожего сегодня на себя Иллур, к разговору. Казалось, царь скифов действительно был обескуражен происшедшим. То, что случилось, было для него полной неожиданностью, и он старался не показывать это, хотя закипавшая ярость вот-вот должна была вырваться наружу. Леха слишком хорошо знал своего кровного брата.

– Я получил известия с берегов Истра, – нехотя поделился плохими новостями Иллур, – племена, что живут вдоль реки у Малой Скифии, взбунтовались. А греки из ближних колоний собрали армию и вошли в мои владения. В общем, побережье и часть реки снова в руках греков. Да и некоторые скифы из отрядов Палоксая опять переметнулись к ним.

– Не беда, – отмахнулся Ларин, начиная понимать, куда клонит Иллур, – пошли туда Аргима, он быстро порядок восстановит.

– Это еще не все, – «успокоил» его Иллур, – остатки гетов спустились с гор и напали на мою новую ставку, что в семи днях пути от реки. Я оставил там достаточно войск, но мне доносят, что армия гетов пополнилась местными племенами. Они решили, во что бы то ни стало отвоевать свою древнюю столицу. Но этому не бывать!

Царь скифов встал и в ярости бросил чашу на ковер, разлив остатки вина.

– Я сам отправлюсь туда завтра же, чтобы уничтожить последнее сопротивление гетов, – заявил Иллур, резко остановившись возле жаровни и скрестив руки на груди.

– Но, – пробормотал Леха в изумлении, – а как же наступление на Рим? Ведь Ганнибал ждет нашего удара с севера. Вместе с кельтами. Зачем же мы тогда пришли сюда.

– У Ганнибала теперь войск вполне достаточно, – отмахнулся Иллур, словно вспомнив

о чем-то, – а у меня их сейчас не хватает, чтобы держать в узде все народы, что мы завоевали. Ведь кроме того, что я уже рассказал, ты должен знать, что...

– Как, – изумился Ларин, даже не донеся новую чашу с вином до рта, – это еще не все новости?

– Узнав, что мы воюем заодно с македонцами и Карфагеном, остальные греки заключили союз против нас, который поддерживает римлян, – терпеливо разъяснил «непонятливому» брату Иллур. – Афиняне объединились с Аргосом, Аркадией, Коринфом и Фивами. Даже Спарта колеблется. Передовые части греков движутся через Балканы к берегам Истра, в земли трибаллов, а македонцы до сих пор не сломили сопротивление Эпира.

Леха опешил, услышав такое.

– Если они пробьют оборону македонцев и ударят на мою новую ставку, в самое сердце, на помощь восставшим гетам, то оставленных сил может не хватить. Поэтому я должен сам повести войска.

– А что делать мне? – обреченно поинтересовался Леха, понимая, что совместное наступление скифов и кельтов с севера на Рим откладывается на неопределенный срок. Иллур собирался сначала решить свои, неожиданно возникшие проблемы.

– Флот Аполлонии пришел на помощь Истру и Томам, когда они атаковали Малую Скифию. Если их немедленно не выбить оттуда, а позволить закрепиться и дожидаться наступления сухопутных армий греков, то мои новые владения могут быть расколоты сразу на несколько частей. А я этого не могу позволить. Не для того я так далеко зашел.

– Хорошая перспектива, – пробормотал бравый адмирал, все же опрокидывая чашу в себя.

– Поэтому ты завтра же... – начал Иллур, но Леха, недослушав своего кровного брата, оборвал на полуслове.

– Спартанцы? – неожиданно воскликнул Ларин, словно только что услышал это слово. – Но ведь я видел многих спартанцев в войске карфагенян!

– Наемники, – презрительно фыркнул Иллур, – Спарта сейчас не та, о которой слагали легенды. Ее воины, познав власть денег ⁴, продают свое умение всем, кто лучше заплатит.

– Значит, им кто-то хорошо заплатил, раз они пошли против нас, – пробормотал Леха, собираясь с мыслями, – интересно кто? Уж не те ли, с кем свел дружбу старейшина Иседон?

– Еще не пошли, но это уже не важно, – ответил Иллур, разворачиваясь к нему.

«Кому как, – подумал Леха, вспомнив предателя, продавшего его грекам, – если найду, своими руками задушу».

– Так вот, Ал-лек-сей, – снова нараспев произнес его имя царь скифов, – завтра на рассвете я вместе с Аргимом отправляюсь вдоль побережья в обратный путь со своей конницей. Здесь оставлю лишь малое число воинов, чтобы держать в повиновении иллирийцев до моего возвращения.

– А если римляне сами нападут? – не сдержался Леха, постепенно понимая, что с завтрашнего дня его жизнь покатится совсем по другому пути. Не так, как он себе

---

⁴ На протяжении нескольких столетий по законам Ликурга частным лицам Спарты полагалась смертная казнь за хранение у себя золотой и серебряной монеты. Деньги были практически запрещены. Каждый спартанец мог взять у другого совершенно безвозмездно все, что пожелает. Поэтому спартанцы называли себя «общинной равных». Роль денег выполняла очень мелкая и дешевая железная монета, для хранения которой строились целые амбары. Эти монеты в остальной Греции хождения не имели. Спартамцам же запрещалось использовать в расчетах «инострannую валюту», равно как хранить ее у себя дома и вывозить за рубеж. Это право имели только цари.

Однако к тому моменту, о котором идет речь в романе, в Спарте было разрешено хождение денег, что привело к подрыву основ военного государства и его быстрому разложению. Спартамцы стали стремиться к накоплению богатств, как остальные греки, и, будучи хорошими воинами, часто продавали свои услуги иностранным государствам. Карфаген часто вербовал военачальников своих войск из спартанцев. Учителем Ганнибала тоже был спартанец.

представлял.

– Это дело кельтов, они на своей земле, – отмахнулся Иллур, и Леха понял, что спорить с царем бесполезно. Ганнибалу они пока не помощники. Еще чего доброго на виселицу можно было угодить, и так он вел себя почти панибратски. Иллур терпел его выходки до поры до времени, но и он мог осерчать. А на кого похож скифский царь в гневе, лучше было не вспоминать. Слишком много было примеров перед глазами.

– Ты отправишься одновременно со мной, но другим путем, – настоял Иллур, – отсюда через горы и вниз по Истру.

– Но ведь там живут эти... – пробормотал Леха, у которого от неожиданности повылетали из головы названия всех ближайших народностей, населявших верховья Истра, – кельты...скордиски, кажется. С которыми ты еще воевать не хотел, чтобы македонцев не задирать.

– Все так, – подтвердил Иллур, уперевшись руками в бока, – ты перегрузишь свою катапульту на телеги, она тебе еще пригодится в Малой Скифии. Возьмешь еще часть осадного обоза и повезешь через горы к истокам реки. Там наймешь суда и доплывешь до крепости, которую отстроил перед походом к дарданам. Так быстрее будет. Вода в верховьях, как мне доносят, еще свободна от греческих кораблей, да и гетов там не слышно пока.

– Так как же я доберусь, – удивился Леха, – если мне через земли этих скордисков придется тащить катапульту. Она тяжелая, а я дороги не знаю. С боем пробиваться, что ли? Подмять под себя эти племена?

– Нет, – взмахнул рукой Иллур, делая шаг вперед, и пластины на его доспехах глухо звякнули, – воевать с этими кельтами не надо. Они и так теперь на нашей стороне, с тех пор как мы с македонцами в союз вошли. Македонцы дают мне проводников, они тебя уже ждут, завтра увидишь. Вот с ними до реки доберешься. Они тебе и с кораблями помогут. А дальше сам.

Леха кивнул, уже невольно начав обдумывать предстоящую операцию по переброске катапульты Архимеда совсем не в том направлении, на котором она должна была себя показать. «А ведь Федор был прав, – невольно усмехнулся Ларин, откусывая от сладкого яблока, – словно почуял неладное. Это „секретное оружие“ может и не в те руки угодить. Его же еще довести надо до места, да и там весело будет. Все может случиться. А Ганнибала мы, похоже, с подмогой „прокатили“. Прости, Федя».

– Когда доберешься до крепости, где твои корабли стоят, по воде, я уже буду там, – сообщил Иллур, – а если нет, то пришлю гонца. К тому времени будет видно, сам управлюсь в степях или понадобится. Если нет, то отправлю тебя с Аргимом сразу вниз по течению отбивать у греков побережье.

– А если афиняне с остальными туда раньше подоспеют? – поинтересовался Леха, вспомнив кое о чем. – Ты же говоришь, что они будто в земли трибаллов идут через горы.

– Не подоспеют, – пообещал Иллур, – путь вдоль побережья свободен. На перевалах македонцы. Я выступаю и буду у реки раньше греков. А там посмотрим, чего стоят эти хваленые гоплиты. Или ты испугался, брат? Что-то грустный стал.

– Я-то? – усмехнулся Леха, отряхивая крошки с бороды. – Да я любого спартанца порву, попадись он мне на дороге. Просто Федору обещал, что мы скоро у Рима встретимся, когда легионеров разобьем. А теперь вот неизвестно, что выйдет.

– Ничего, – уверенно заявил Иллур, – вот наведем порядок в наших новых владениях, греков отгоним, а там и сюда вернемся. Еще успеешь на развалинах Рима попировать. А этих хваленых спартанцев мы можем еще и не дожидаться...

Иллур посмотрел в сторону углей, на которых тлел невесомый пепел от неизвестного письма, и добавил:

– Спартанцы переменчивы...

«Да уж, – невесело размышлял Ларин, пропустив мимо ушей последние слова кровного брата, – чтобы греков усмирить, похоже, придется сначала всю Грецию завоевать. Стоит

только начать, увязнем по уши. Не скоро мы тогда сюда вернемся. Да делать нечего, я же скиф теперь, как ни крути. Не Ганнибалу служу. А Иллур прав, этот Пуниец – воин известный, как-нибудь и сам разберется. Жаль только, что с катапультой так неудобно вышло. Ну да он меня простит, надеюсь. На хорошее дело использую – греков бить. Потом верну».

Больше ничего серьезного Леха в тот вечер не узнал, если не считать сообщения, что царица Орития со своими амазонками тоже покинет лагерь завтра. Вместе с Иллуром сарматы отправятся добивать восставших из пепла гетов.

Просидев с царем в юрте еще часок, они распили пару кувшинов отличного вина. Леха немного захмелел и вскоре почувствовал усталость. Трехдневное плавание, полное опасностей и ничуть не походившее на развлекательную морскую прогулку, давало себя знать. Леха вдруг захотел побыстрее добраться до своей юрты, что стояла на дальней оконечности укрепленного лагеря, и лечь спать. Завтра предстояло начинать новый поход, а перед этим следовало набраться сил.

– Пойду я, – сообщил он Иллору и, получив разрешение, покинул шатер царя.

Пройдя мимо охранников, остановился, вдохнув напоенный морскими ароматами и можжевельником густой воздух, от которого еще больше закружилась голова. Осмотревшись, нашел глазами группу бойцов, поджидавших его возвращения, и, приказав им жестом следовать за собой, побрел между юртами привычной дорогой. Вскоре он добрался до места, где отдельной группой стояли шатры его трехсот воинов. Между ними горели костры, на которых скифы готовили ужин в огромных медных котлах. От котлов доносились такие ароматы, что у адмирала потекли слюнки, но спать он хотел больше, чем есть. А потому зашагал напрямик к своей юрте.

Отмахнувшись от подскочившего с докладом Уркуна, Леха заявил ему, прежде чем сотник успел открыть рот:

– Завтра доложишь. С утра будь готов выступать, а сейчас отдыхайте. Да и я посплю.

Но не успел он пройти оставшиеся двадцать шагов до шатра, как послышался конский топот и в отблесках костров показались длинноволосые силуэты сарматских воительниц. Леха застонал, остановившись у входа в юрту. О чем-то подобном он подумал сразу, едва услышав от Иллора, что амазонки завтра тоже уходят в степи. Но в глубине души надеялся, что обойдется. Не обошлось.

Исилея осадила коня, спрыгнув на каменистую землю.

– Я уже думала, что не увижу тебя, скиф, – произнесла воительница, снимая шлем и встряхнув гривой своих волос.

Сидевшие у ближайшего костра скифские воины, даже оторвались от еды, невольно залюбовавшись статной красавицей, прелести которой были обтянуты кожей доспехов. Но стоило Исилее повернуть свое точеное лицо в их сторону, как бы невзначай положив свободную руку на меч, как все восхищенные улыбки мгновенно потухли. Воины обратились к мясу и вину, стараясь не смотреть в сторону амазонок.

– Иллур приказал завтра уйти из этого лагеря в земли гетов, – добавила воительница, делая шаг навстречу скифскому адмиралу.

– Я уже знаю, – обреченно кивнул Леха, рассматривая ее узкое решительное лицо, на котором, словно уголья костра, ярко горели глаза, – завтра я тоже ухожу из лагеря, но другой дорогой.

Эта женщина обладала какой-то магической властью над ним, а может быть, он ее просто боялся. Поймав себя на этой мысли, brave морпех несколько загрустил – не любил он зависеть от женщин. Да и вообще раньше не любил долгих отношений, но тут ему выбирать не приходилось. Вся атакующая инициатива находилась в руках амазонки, которая по неизвестной причине никак не хотела от него отказаться. У Ларина уже давно возникло странное чувство, что он очарован против воли. Заколдован. Ведь куда бы он ни убежал от этой неистовой женщины, рано или поздно она все равно являлась следом с отрядом своих воительниц. Казалось, соберись он обогнуть Африку на квинкереме и спрятаться там

посреди эфиопов, она и туда доберется.

«А может, это и есть любовь? – подумал он, как-то отстраненно рассматривая лицо Исилии, хищной кошки, уже подобравшейся к нему совсем близко, – Хотя больше похоже на муку, а не любовь. Или на охоту, где я только дичь. Впрочем, есть в этом и приятная сторона».

– Значит, это последняя ночь перед походом? – произнесла Исилия, бросив взгляд на тонувший во мраке шатер адмирала. Он велел специально не разводять рядом костров.

– Да, – подтвердил Леха, решившись, – и мы не будем ее терять. Заходи!

Откинув полог, он пропустил вперед себя изумленную Исилию, ожидавшую долгих прелюдий и нерешительности с его стороны. И сам набросился на нее сзади, едва успев отстегнуть меч. В полумраке шатра – жаровня здесь давно горела, зажженная слугами, – Леха крепко прижал к себе привыкшую повелевать везде, даже в постели, Исилию и молча стал расстегивать крючки и застёжки на ее богатом доспехе. А затем, когда из-под брони показалось нагое тело прекрасной амазонки, толкнул ее на ковер и сам быстро сбросил с себя панцирь. Усталость как рукой сняло. О сне он уже и не помышлял. В нем проснулся вепрь и жеребец одновременно. Исилия умела будить такие чувства. Она никогда не успокаивала и не ублажала, она всегда возбуждала его, а потом выпивала без остатка. Но на этот раз Леха твердо решил вести.

– Ты ждал меня? – спросила она, когда Леха опустился на колени и без разговоров провел рукой по ее груди, сжимая сосок, а затем принялся лизать его и быстро набухавшую грудь.

– Ждал, – быстро ответил Леха, спускаясь ниже и покрывая поцелуями упругий живот, дав Исии обхватить свою голову руками.

И это была чистая правда. Он не соврал. Он ждал Исилию теперь всегда, в любое время дня и ночи, едва получал весть о том, что где-то рядом остановилось войско сарматов. Так уж она его приучила за последний год.

Он совсем недолго ласкал ее и без того разгоряченные от скачки на коне бедра. А затем резко раздвинул их и вошел, излившись почти мгновенно и застонав от наслаждения. Эта женщина действительно могла завести его так, как никто, и сама не любила долгих прелюдий. Уткнувшись в ее теплую шею, Леха невольно вспомнил Тарнару. «Жаль девочку, – подумал он и сквозь пелену наслаждения ощутил укол совести, – из-за меня погибла, а тоже была красотка».

– О чем ты думаешь? – тут же напряглась Исилия, словно прочитала его мысли.

– Ни о чем, – соврал Леха, откатываясь в сторону в желании немного передохнуть. Он был уверен, амазонка отпустит его только с рассветом, не раньше.

– Хочешь уехать со мной в Ерект? – вдруг спросила Исилия.

С Лехи мгновенно слетела вся истома. Он напрягся.

– Куда? – проговорил он, даже прекратив усталыми пальцами ласкать ее пупок.

– В Ерект и жить там со мной, – повторила амазонка, – у меня большой дом и много слуг. Тебе будет хорошо.

«Этого еще не хватало, – подумал Леха, – что она там задумала». Но вслух ответил другое.

– У меня тоже большой дом и много слуг, – проговорил он осторожно, – и золота хватает. Зачем мне ехать в Ерект? Да и царь меня не отпустит, я ведь на службе.

– У сарматов тоже есть царь, – как-то слишком осторожно проговорила Исилия, и Леха заметил сквозь полумрак, что воительница смотрит на него, словно изучает, – он ценит хороших воинов. Ты мог бы служить ему, а жить со мной.

– У меня уже есть царь, – ответил Леха, переворачиваясь на спину и, коснувшись плечом разгоряченного плеча Исии, ощутил словно разряд тока – так от нее полыхнуло обидой. Исилия замкнулась, погрузившись в свои мысли, но Леха сразу понял, что просто так от своих желаний она не откажется. Эта чертова баба привыкла получать все, что захочет.

«Вот ты чего желаешь, красавица, – молча думал Леха, глядя в потолок юрты, тонувший в темноте, – чтобы я, скифский адмирал, у тебя в доме жил. Да только кем, мужем или слугой? Ведь если мужем, то по нашим законам тебе придется подчиняться. А ты этого ой как не любишь. Не вынесешь. Я могу тебя к себе увезти, если захочу, зачем мне в сарматы подаваться и царю вашему служить. Своего кровного брата я предать не могу, да еще ради бабы, от которой спасу нет. А семья у меня уже есть, как ни крути».

Теперь ему вспомнились Зарана и сын, которого он уже долго не видел. «Так и вырасти успеет, пока я с войны ворочусь, – подумал Леха, мысленно переносясь в далекий Крым, – а война у нас, похоже, надолго затянется. Выпросить, что ли, у Иллуря отпуск на пару недель и смотаться в Крым, посмотреть на сына?»

Подумав так, он усмехнулся и даже развеселился. Этого Исилия вынести уже не могла. Она сама перешла в атаку, решив, что ее мужчина уже достаточно отдохнул, чтобы вновь попытаться удовлетворить желания амазонки. Без промедления девушка опустила свою ладонь вниз и сжала его мужское достоинство так, что Леха от боли даже вскрикнул. А затем отпустила и запрыгнула на него, обхватив бедрами.

«Опять начинается, – сдался Ларин, – ох уж мне эти наездницы». Но в этот раз амазонка «прокатилась» на нем сверху. Затем он снова взял власть в свои руки. Так они вырывали инициативу друг у друга до самого рассвета, оглашая юрту стонами, пока не забылись от усталости. Лишь когда первые лучи солнца окрасили скалы побережья в лазоревый цвет, Исилия выскользнула из шатра, облачившись в свои кожаные одежды. Перед тем как уйти, она наклонилась, шепнув ему на ухо:

– Подумай.

И растворилась среди шумов просыпавшегося лагеря.

Глава третья

Посланцы Гасдрубала

В особняк Ганнибала, схожий своим видом с настоящей крепостью, Федор прибыл довольно быстро. Служба командиром хилиархии давала ему привилегию по необходимости пользоваться лошадью, хотя он и считался пехотинцем. Что он и сделал, ведь Ганнибал не любил опозданий. По дороге, что вела вокруг холма на самый его верх, петляя между помпезными зданиями, в которых раньше обитала римская знать, а теперь генералитет финикийской армии, Федор Чайка успел подумать, зачем его вызывает командующий. И даже успел прийти к некоторым выводам, которые наводили его на странное предположение.

Командир двадцатой хилиархии участвовал в военных советах только в случае крайней необходимости, обычно когда его собирались отправить на разведку боем, как уже бывало под Капуей. Или в глубокий тыл к римлянам всего лишь с одной своей хилиархией, чтобы потоптать недавно созревший урожай и навести шороха позади обороны консулов, разгоняя отряды фуражиров. Все остальные вопросы он решал с Ганнибалом при личной встрече, как чуть раньше, например, выпрашивая катапульту для скифов. И сейчас особой необходимости в участии Федора, на первый взгляд, не было. Римские войска напрямую не угрожали Таренту, даже напротив, после хорошего пинка, что они получили на Сицилии, зализывали раны и готовились к отражению массированного наступления на свою столицу. Флот противника, хоть и сохранил свою боеспособность, тоже находился недалеко от берегов средней Италии. Значит, новости могли прибыть только на той триере из испанского флота, что он заметил сегодня через окно. Несмотря на то что последние месяцы Федор больше отвечал за подготовку осадного обоза, чем за разведку, он был уверен – сенат Рима занят укреплением всех подступов к городу и помышляет только об обороне. Как вскоре выяснилось, он недооценил римлян.

Подскакав со звоном по вымощенной каменными плитами дорожке к самым воротам, Чайка осадил коня перед шеренгой африканских пехотинцев, спрыгнул вниз и бросил поводья одному из охранников.

– Ганнибал ждет вас, – сообщил ему командир охраны, поджарый финикиец с коротким, но широким шрамом у виска. Мельком отметив, что этого офицера он никогда не встречал на поле боя, Федор прошел сквозь расступившихся воинов в кожаных панцирях и поднялся по лестнице в главное здание. На каждом пролете широкой и длинной лестницы он тоже заметил по охраннику. Все они были в нарядных панцирях и сверкавших на солнце шлемах с плюмажами из белых перьев. «Что-то слишком много стало охраны, – удивился Федор, – раньше наш главнокомандующий не так переживал за свою жизнь».

«Впрочем, – подумал Чайка, останавливаясь в приемной у одной из римских статуй, до сих пор украшавших замок, – в последнее время он, похоже, ощутил себя настоящим властелином Южной Италии и стал трепетно относиться к свите. Иначе зачем здесь столько помпезно разодетых гвардейцев».

Закончив рассматривать статую, Федор поправил ножны фалькаты и шагнул сквозь открытые двери в следующее помещение. Это был протяженный зал для совещаний, где не так давно встречался со своими подчиненными Марк Клавдий Марцелл, а теперь высшие офицеры финикийской армии ожидали своего главнокомандующего. Среди столпившихся вокруг массивного стола, также доставшегося в наследство от римлян, был командир африканской пехоты, начальник конницы Магарбал, парочка новых офицеров из флота, имен которых Чайка не знал, и четыре командира хилиархий, двое из которых его старые знакомые по рейдам в глубокий тыл римлян – Адгерон и Карталон. Не хватало только нумидийского всадника Угурты, и компания, некогда предпринявшая первое наступление на Рим, была бы в полном составе. Федор едва успел окинуть взглядом всех собравшихся и поприветствовать, – оказывается, он прибыл последним, – как из открывшихся в дальнем конце зала дверей появился Ганнибал в сопровождении трех незнакомых офицеров.

Главнокомандующий армии Карфагена был вне себя от ярости – это было видно сразу. «Что-то стряслось, – догадался Федор, рассматривая лица незнакомцев и пытаясь понять, что за вести они привезли Ганнибалу, – причем что-то очень серьезное. Иначе сюда не стали бы собирать командиров сразу четырех хилиархий, не говоря уже об остальных».

Сделав приветственный жест, который показался Федору слишком нервным, Ганнибал разрешил всем ожидавшим его офицерам сесть за длинный стол, расположившись на стульях с невысокими, но широкими спинками, походившими на скамьи римских сенаторов. Эти стулья, как догадался Федор, не раз видевший такие раньше в домах римских граждан, тоже остались от прежних хозяев. «А Ганнибал не спешит распрощаться с римской мебелью и остальными украшениями», – удивленно отметил Федор, скользнув по статуям, которыми были уставлены все углы зала.

Сам Великий Пуниец остался стоять, упершись руками о стол, как и прибывшие с ним офицеры, замерев за его спиной. Это были смуглолицые ливийцы, затянутые в металлические кирасы, поверх кожаного нагрудника со свисавшими до колен ламбрекенами. Шлемы, которые они держали в руках, как водится, были украшены «ирокезами» из красных перьев. Все трое казались опытными вояками, правда, немного уставшими от сражений. По их суровым и напряженным лицам чувствовалось, что они привезли Ганнибалу с испанского фронта не слишком добрые вести как раз перед наступлением на Рим.

«А этого я, кажется, знаю, – рассматривая самого низкорослого из них, напрягал память Федор, расставшийся с частями Гасдрубала несколько лет назад, но успевший повоевать с ними на Пиренеях, во время стычек с васконами и кантабрами, – если память мне не изменяет, его зовут Хират, он служил где-то при штабе брата Ганнибала».

– Готовы ли к походу твои солдаты, Атарбал? – нарушил наконец напряженную тишину главнокомандующий, поправив черную повязку, закрывавшую отсутствующий глаз.

– Да, Ганнибал, – ответил командир африканцев, – солдаты расквартированы в римских казармах, хорошо отдохнули и готовы выполнить любой приказ.

– Хорошо, – кивнул Ганнибал и, скользнув взглядом по лицу Магарбала, произнес, слегка усмехнувшись. – В коннице я тоже не сомневаюсь.

– Только прикажи, – тут же откликнулся финикиец, – и конница ударит по римлянам,

где бы они ни прятались. Мы сокрушим любую преграду. Ты же знаешь, испанцам нет равных.

Ганнибал, довольный таким ответом, перевел взгляд на флотоводцев и вновь нахмурился.

– Где еще двенадцать триер, Гетрамнест, которые Аравад обещал прислать еще пять дней назад? – спросил Ганнибал, уперевшись недобрым взглядом в одного из морских офицеров.

– Аравад отправил их на Липарские ⁵ острова, – нехотя сообщил Гетрамнест, поднимая глаза на главнокомандующего, – там в последнее время часто появляются римляне. Мне он сообщил об этом только вчера.

Услышав об этом, Ганнибал еле сдержался. Вообще в отношениях этих двух военачальников уже долгое время сохранялась напряженность. Аравад, командующий так своевременно прибывшей на Сицилию новой армии пунов, вел себя как-то слишком независимо, скорее как полновластный хозяин огромного острова и больше подчинялся прямым приказам сената, чем указаниям Ганнибала. Нет, действовали они заодно, Аравад прислал часть своих солдат, слонов и кораблей в Тарент в качестве обещанной помощи, но на большее не шел, оставив основную армию на Сицилии. И Ганнибал никак не мог на него повлиять, что заставляло Великого Пунийца, привыкшего к почти неограниченной власти, нервничать. Федор, будучи свидетелем этих событий, понимал, что-то тут не так. Либо сенат уже не слишком доверяет Ганнибалу, несколько лет находившемуся вдали от метрополии, либо наоборот, Великий Пуниец не спешит выполнять все директивы сената. Впрочем, в точности об указаниях сената Федору известно не было, сенат перед Чайкой не отчитывался, а Ганнибал в детали не посвящал, и все это могло оказаться лишь догадками.

– Что же, – проговорил Ганнибал, и в голосе его звякнул металл, – сообщите ему немедленно, что я жду эти корабли, как только угроза ослабнет. Липарские острова не стоят того, чтобы держать на них большой флот. Сицилия важнее. А кроме того, есть еще много других направлений, где мне в ближайшее время понадобятся корабли. Все, какие есть.

– Я сообщу, – наклонил голову Гетрамнест.

– Чайка, – произнес Ганнибал, и все взгляды вдруг обратились на Федора, – как идет подготовка нашего осадного обоза?

Командир двадцатой хилиархии едва не встал, вытянувшись по стойке смирно, так грозен был тон, которым произнес эти слова Ганнибал. У всех возникло чувство, что Федора сейчас казнят или отправят в ссылку. Но, к счастью, виновником такого настроения главнокомандующего был не он.

– Я уже получил из Сиракуз пять гигантских катапульта и ядра к ним, вытесанные из камня, – отрапортовал Федор, встретившись взглядом с главнокомандующим, – одну из них, правда, мы ...

– Я помню, – оборвал его Великий Пуниец, видимо, решив, что не стоит посвящать всех собравшихся в детали отношений со скифами.

– Кроме того, позавчера от Гиппократы пришло судно, на котором греки привезли сорок три баллисты увеличенных, по сравнению с обычными, размеров. Восемьдесят стрелометов, похожих на римские «Скорпионы», и еще две сотни гастрафетов. ⁶ Все это оружие я приказал перегрузить в пятый склад, что у военной гавани.

– Сколько еще орудий должен изготовить Архимед по договору с Сиракузами? –

---

⁵ Липарские острова находятся на небольшом удалении от берегов Сицилии к северу. В разное время у этих островов неоднократно происходили сражения между римскими кораблями и флотом Карфагена.

⁶ Гастрафет – усиленный «брюшной лук», предтеча арбалета. Назывался так, потому что имел полукруглый упор у основания, на который опирался стрелок, производя зарядку. Был изобретен около 400 г. до н. э. в Сиракузах для Тирана Сиракуз Дионисия, готовившегося к отражению нападения Карфагена. Бил почти вдвое дальше обычного лука.

уточнил Ганнибал, бросив взгляд на стоявших за спиной ливийцев.

– Еще пятнадцать больших катапульт и несколько кранов с зацепами для обороны Тарента с моря, – закончил отчитываться Федор, – также я жду в ближайшие десять дней два корабля с каменными ядрами для них из каменоломен Сиракуз.

– Этот Архимед не слишком торопится, – выразил свое недовольство Ганнибал, но тут же добавил: – Впрочем, его орудия того стоят. Надеюсь, они помогут мне овладеть Римом. Придется подождать еще...

Он вновь обернулся, посмотрев на ливийцев, и перешел к главному:

– С недавних пор у нас появилась новая забота, весть о которой принес мне Хират, помощник Гасдрубала.

«Значит, я не ошибся насчет него, – с удовольствием отметил Федор, – это тот самый ливиец».

– Войска моего брата, которые двигались к нам на соединение, – начал вводить в курс дела своих офицеров Ганнибал, – были остановлены у самого Родана неожиданно появившимися там римлянами. Сенат Рима, чтобы помешать мне соединиться с армией брата, недавно, несмотря на положение в самой Италии, морем перебросил туда несколько легионов, которые с ходу вступили в бой.

Ганнибал немного помолчал, чтобы сообщить собравшимся самое неприятное.

– Этими легионами командуют консул Публий Корнелий Сципион и его брат Гней, которые еще до начала войны планировали вторжение в мои испанские владения, но быстрое продвижение армии Карфагена в Италию нарушило их планы. И вот теперь братьям наконец удалось нанести мне ощутимый удар.

Федор невольно отметил, каким тоном Ганнибал произнес «мои владения», прежде чем тот продолжил рассказ. Он говорил об Испании так, словно эта страна принадлежала ему лично.

– Легионы отбросили армию Гасдрубала от Родана почти до реки Ибера, вся территория к северу от которой сейчас вновь контролируется Римом. Наши владения в Испании уменьшились почти на треть. И есть сведения, что братья Сципионы продолжают наступление.

Сказав это, Ганнибал посмотрел на Хирата, который стоял справа, положив руки на пояс, словно разрешая тому вступить в разговор.

– Они уже захватили Нарбонн и Эмпорий с помощью своего флота. А теперь осадили Тарракон, также блокировав его с моря, – сообщил Хират. – Наш флот провел несколько сражений, но блокаду разорвать не удалось – у римлян втрое больше кораблей.

Слушая Хирата, Федор невольно вспомнил о том, как начинал войну в тех самых местах. В Новый Карфаген он прибыл из Африки еще «зеленым» морпехом, а после сражения с римлянами оказался на берегу уже пехотинцем и прошел с армией Ганнибала весь трудный путь от Испании до Италии, пробивая себе дорогу через горы и реки, а когда требовалось и сквозь шеренги римских легионеров. Он отлично помнил Тарракон, после окружения и осады признавший власть Карфагена, и Нарбонн, неподалеку от которого месил ядовитые болота рядовым солдатом. Еще вчера это казалось давно забытым воспоминанием, но теперь вдруг вспыхнуло с новой силой. Ведь это были первые впечатления Федора Чайки от жизни под символом Карфагена.

– Римские корабли уже замечены неподалеку от бухты Нового Карфагена, – нехотя признал Ганнибал. – Сегодня утром я получил приказ сената отправить в Испанию половину своего флота.

Все собравшиеся офицеры напряглись, едва сдержав вздох разочарования. Все они понимали, что хотел сказать Ганнибал, – немедленное наступление на Рим, которого все они ждали так долго, откладывалось. Хотя сам Ганнибал ничего об этом не сказал, но было ясно, что без поддержки флота полное окружение Рима невозможно. Однажды Ганнибал уже пытался это сделать и почти добился успеха даже без подкреплений. «Но второй раз он вряд ли на это решится, – подумал Федор, осторожно посмотрев на своего главнокомандующего,

облаченного в черную кирасу с золотым орнаментом, – даже с катапультами Архимеда. Хотя кто знает... не зря же его прозвали Великим Пунийцем».

– Аравад приказал сообщить тебе, – неожиданно вставил слово Гетрамнест, будто только что вспомнил об этом, – что и ему приказано отправить туда большую часть кораблей. А также пять тысяч пехотинцев из Агригента, Солунта и Мессаны.

Но эта информация уже не удивила и не привела в бешенство Ганнибала. Он лишь слегка улыбнулся, будто знал или ожидал чего-то подобного.

– Я слышал об этом, – удивил он Гетрамнеста и остальных своей осведомленностью, – порты Сицилии, особенно Массана, вновь будут ослаблены перед возможным римским вторжением. Но там все же останется достаточно солдат, чтобы удержать все главные крепости. Это меня не так беспокоит, как возможность потерять другую половину Испании.

Ганнибал распрямился, скрестил руки на груди и стал расхаживать вдоль стола.

– Слишком долго мы покоряли просторы этого благодатного полуострова, чтобы просто так отдать его римлянам, жаждущим реванша за потерю Сицилии. Поэтому мы выполним приказ сената и поможем армии Гасдрубала сдерживать натиск римлян. Я тоже отправлю часть своих солдат в Испанию, поэтому вы здесь.

Говоря это, Ганнибал обвел взглядом командиров хилиархий. «Так вот оно что, – смекнул Федор, – интересно, меня Ганнибал оставит завершать подготовку осадного обоза или отправит вместе с остальными?»

– Атарбал, – начал излагать свой новый план главнокомандующий, остановившись недалеко от окна и даже не смотря на того, к кому обращался, – ты немедленно подготовишь к отправке четыре хилиархии, командиры которых находятся здесь. Они должны быть в полной готовности к рассвету завтрашнего дня, когда пятнадцать квинкером отправятся к берегам Испании.

– Я немедленно начну подготовку солдат, – ответил старый воин. Он слегка подался вперед, чтобы поклониться, и сморщился от боли. Левая рука Атарбала висела на перевязи – эту рану он получил во время сражения за Тарент. Римский пращник поразил его со стены, когда бесстрашный командир африканских пехотинцев лично осматривал позиции.

– Командовать этим отрядом будет Федор Чайка, – закончил Ганнибал и, обернувшись посмотрел на него, – а обозом вместо него пусть займется другой офицер. Это задача не требует большого усердия, только исполнительности. А Чайка уже зарекомендовал себя как дерзкий военачальник в Италии, и теперь ему предстоит проявить себя также в Испании.

Слегка удивленный Федор, который едва успел перебраться в Тарент, кивнул и невольно посмотрел на своих сослуживцев. Адгерон и Карталон, с которыми он уже не раз воевал плечом к плечу, тоже казались удивленным. Они, как и все в этой комнате, скорее ожидали услышать от Ганнибала приказ наступать на Рим. А вместо этого завтра отправлялись в Испанию. Но такова уж доля солдата.

Двух других подчиненных Чайки в этом рейде звали Атебан и Абда. Это были толковые военачальники, которые тоже служили под началом Атарбала командирами двенадцатой и тринадцатой хилиархий. В общем строю с этими хилиархиями Федор стоял только в битве при Каннах, а с тех пор на войне почти не выполнял совместных операций. Но слышал, что ребята боевые и уничтожили немало римских манипул. При штурме Тарента две эти хилиархии отличились. Видимо, потому Ганнибал и отобрал их для выполнения нового задания.

Флотоводец Аравада Гетрамнест, прикомандированный к эскадре Тарента, судя по всему, тоже должен был отправиться с ними. Правда, из других соображений. Ганнибал недолюбливал тех, кто открыто выражал подчинение Аравату.

– Но с кем же мы будем наступать? – не выдержал Магарбал. – Из солдат Атарбала останется едва ли половина, а одной конницы, пусть и такой сильной, не хватит, чтобы захватить Рим. Кроме того, едва узнав, что мы ослабили оборону Сицилии и даже Тарента, они наверняка попробуют атаковать нас здесь.

– Не забывай про кельтов и луканов, – напомнил Ганнибал, – а кроме того, война в

Испании не продлится слишком долго. Получив подкрепления, Гасдрубал отбросит и разобьет римлян, их там всего четыре легиона, а затем сам поспешит сюда. Уверен, он прибудет со своей армией в нужный момент.

Магарбал был не слишком доволен таким ответом, но выбора у него не было. Начальник конницы умолк, изучая статую, стоявшую напротив стола.

– Что касается флота, – закончил Ганнибал, – то, приняв на борт африканские хилиархии, завтра отсюда уйдут пятнадцать квинкерем, в том числе и твоя, Гетрамнест. Ты будешь командовать этой эскадрой и отведешь ее в Лилибей, где тебя дожидаются корабли Аравада. Оттуда вы все вместе отплывете в Новый Карфаген и уже на месте получите от Гасдрубала приказ, как действовать.

Гетрамнест просиял, он и не ожидал, что Ганнибал оставит ему общее командование эскадрой. Но, радость его была несколько преждевременна.

– Правда, не все, – добавил вдруг Ганнибал, – из Лилибея ты отправишься дальше только с тремя кораблями. Остальные Федор Чайка поведет другим курсом.

– Но, – попытался возразить обескураженный Гетрамнест, бросив взгляд на не менее озадаченного Федора, – ведь Чайка не флотоводец. Вряд ли Аравад доверит ему вести корабли.⁷

– Аравад останется на Сицилии, – проговорил Ганнибал с нажимом и, пристально взглянув в глаза Гетрамнеста, добавил: – А кроме того, не Аравад отдает здесь приказы. Поэтому из Лилибея Чайка поведет эскадру дальше, туда, куда я ему укажу. С ним будет достаточно опытных моряков, и я уверен, он справится. Его флагманом станет «Агригент», капитан которого, Бибракт, хорошо знаком Чайке как бывалый моряк.

Федор, на которого сыпалась одна новость за другой, предпочел молчать. Если уж Ганнибал задумал услатить его к черту на рога, то помешать сделать это ему никто не в силах. Ни римляне, ни Аравад, ни даже сенат Карфагена.

– С тобой на корабле поплывут послы Гасдрубала, – заявил главнокомандующий, посмотрев на Чайку, несколько изумленного таким поворотом событий, – которых ты должен доставить обратно к моему брату целыми и невредимыми.

– Я буду стараться, – проговорил Федор, не придумавший ничего более умного.

На этом аудиенция закончилась, но Ганнибал, отпустив даже послов, приказал Чайке остаться и проследовать за ним в кабинет. Там он открыл один из потайных ларцов и, вынув оттуда запечатанный с двух сторон свиток, протянул его новоявленному флотоводцу.

– Этот папирус ты должен доставить лично моему брату, – заявил он, став серьезным, как никогда, – и передать так, чтобы никто тебя не видел. Хират повезет другое письмо, но главное содержится здесь. Поэтому, что бы ни случилось, ты должен достигнуть берегов Испании и встретиться с моим братом. После того как он прочтет письмо, будешь действовать так, как он прикажет.

Федор кивнул, несколько озадаченный тоном, которым ему отдавали этот приказ. Получалось, что просто доплыть до Испании и найти Гасдрубала представлялось Ганнибалу более трудной задачей, нежели вся последующая война на Пиренеях. У Федора зашевелилось неприятное предчувствие, что его могут по дороге просто попытаться убить, как тогда перед самыми переговорами с царем скифов. Кто подослал к нему убийц, узнать ведь так и не удалось. Оставались лишь одни догадки, ничем не подтвержденные. Впрочем, судя по тому, что писем к брату было сразу два, послов могла ждать та же участь. «Опять без меня меня женили, – раздосадованно подумал Федор, которому не нравилось, что его снова, против воли и не сообщая деталей, втягивали в какие-то интриги, совсем небезопасного свойства, – ох уж мне эти игры». Ему даже захотелось отказаться, но, взглянув на Ганнибала, который мог подумать, что Федор просто струсил, Чайка еще раз кивнул и проговорил:

---

⁷ Строго говоря, управление армией и флотом в Карфагене осуществлялось из разных источников (министерств), и зачастую корабли действовали обособленно от военных действий на суше. В данном романе мы несколько изменили эту традицию.

– Письмо будет доставлено, Ганнибал.

– От твоего плавания будет зависеть очень многое, – сообщил на прощание Великий Пуниец, – и, если все пройдет так, как я задумал, ты получишь очень хорошую награду.

– Лучшая награда для меня – это участвовать в штурме Рима и увидеть, как падет этот город, – не смог сдержать эмоций Федор, которому показалось, что все самое интересное теперь произойдет в Италии без него. А кроме того, ему не хотелось так скоро покидать Юлию и сына.

– Будь уверен, Чайка, – успокоил его Ганнибал, – Рим падет, и ты сможешь принять участие в этом. Но то, что ты должен сделать, сейчас для меня гораздо важнее, чем падение Рима, который все равно обречен. Отправляйся в путь.

О том, когда ему будет разрешено вернуться в Италию к своей любимой женщине и ребенку, он не стал даже спрашивать. По всей видимости, не раньше чем будут рассеяны легионы братьев Сципионов, так некстати вторгшиеся во владения Баркидов.

Глава четвертая

На марше

Перегрузить гигантскую катапульту на телеги оказалось ничуть не легче, чем с берега на непригодный корабль. Одна из балок даже упала с пирса в воду, едва не зашибив тащивших ее солдат. Но, к счастью, вся конструкция была обвязана веревками, и ее вскоре вытащили. А бойцы, нахлебавшись воды, сами выбрались на берег.

– Эх, – сокрушался Леха, глядя на свои неуклюжие приспособления и вспоминая целые системы и обвязки из разнокалиберных блоков, устроенных Архимедом на стенах Сиракуз и в порту, – мне бы хотя бы парочку из них, управился бы мгновенно.

Бородач Токсар молча взирает на эти усилия, стоя рядом. Когда последняя балка была поднята на крутой берег и уложена на телеги, большинство из которых приходилось сцеплять между собой, делая подобие платформы, караван из двенадцати возов был готов. Кроме гигантской катапульты Архимеда здесь было еще восемь баллист из осадного обоза, которые предстояло применить против греков или всех, кто осмелится встать на пути.

«Да, сюда бы тягач на гусеничном ходу с прицепом, – размышлял Леха, разглядывая хозяйство, которое ему предстояло тащить по горным дорогам до самой реки, и вспоминая прошлую жизнь, – и пару БТРов для комплекта. Но... придется обходиться своими молодцами. Ничего, как-нибудь доберемся до крепости кельтов, а там и корабли найдутся».

Леха бросил взгляд в сторону на пятерых рослых волосатых бойцов с размазанными рожами. Все они были одеты в кольчуги, трое тащили на себе длинные мечи и щиты, а двое предпочитали из оружия громадные обоюдоострые топоры. Они стояли сейчас чуть поодаль, опустив их на землю и облокотившись на длинную рукоять. С интересом наблюдали за погрузкой странного оружия, о силе которого даже не догадывались. Ларин видел однажды, как эти ребята управляют с топорами, и остался под впечатлением. Он не отказался бы иметь среди своих людей небольшой отряд, хотя бы человек пятьдесят, таких вот удалцов с топорами. Но сейчас эти «дровосеки» были его проводниками из племени кельтов-скордисков, которых прислал Иллур, а тому «одолжили» македонцы.

При них был еще переводчик из македонцев по имени Эвбиад – одетый в застиранную тунику жилистый старик, с изуродованной ногой, на которую он сильно прихрамывал во время ходьбы. Однажды, когда тот умывался у ручья, Леха обратил внимание на его спину. Там имелись многочисленные багровые полосы, следы от палок и плетей. Из чего Ларин сделал заключение, что этот ученый старик происходит из рабов приславшего его Плексиппа, который не слишком милостиво обращался со своим переводчиком. Едва увидев, как тот ковыляет по тропе, Леха решил, что Плексипп посмеялся над ними и старик не дойдет до ближайшего перевала, но выбирать не приходилось.

– Выступаем, – махнул рукой Леха, когда последние приготовления в обозе были

закончены, и, взобравшись на коня, тронул его шагом, выехав на петлявшую вдоль побережья дорогу.

Там его поджидали три сотни собственных воинов и еще две приданные Иллуром. Этим солдат должно было хватить для охранения небольшого осадного обоза, который им предстояло перетащить через горы к Истру. Боеприпасов с собой почти не взяли. Большой войны, по прогнозам скифского царя, в верховьях реки не ожидалось. Обитавшие там кельты-скордиски и другие племена к македонцам относились вполне по-дружески, считаясь их данниками. Да и к скифам, которые пока не вторгались на их земли, особой вражды не питали. Не все, конечно, но Лехе и не нужно было со всеми мир-дружбу наводить, главное добраться до реки беспрепятственно и сплавиться по ней до собственной крепости, воссоединившись с основными силами. А там видно будет.

Три дня они двигались по дороге вдоль побережья, без особых проблем, встречая лишь собственные разъезды да посыльных, которых Иллур слал с дороги в оставленный основными войсками лагерь. Несколько раз Леха, разглядывая морскую гладь, видел в море корабли, очень похожие на римские квинкеремы. Он даже был готов к неожиданному сражению с легионерами. Но корабли, едва приблизившись к берегу, тотчас отворачивали от него и вновь пропадали среди волн, не сделав ни единой попытки высадить десант на подконтрольное скифам побережье Иллирии. Впрочем, этим утром над морем висела легкая дымка, и адмирал не поручился бы за то, что это не македонские или карфагенские корабли, совершающие обход приграничной территории.

«Чем там Федор, интересно, занят, – подумывал Леха, покачиваясь в седле, – наверное, уже к Риму движется со своими баллистами. А я вот в обратную сторону. Что поделать, армия».

Переведя взгляд с моря на поросшие лесом скалы, Леха стал беспокоиться о том, что они уж слишком долго продвигаются вдоль побережья. Путь к большой реке должен был явно увести их куда-то в сторону. Но проводники упорно шли вперед день за днем.

Наконец продвигавшиеся в голове колонны кельты свернули с основной дороги на боковую, устремившись по ней вверх. Движение сразу замедлилось, поскольку эта дорога больше походила на тропу.

– Сколько еще до реки добираться? – уточнил адмирал, поравнявшись через некоторое время со стариком, который присел на одну из телег в голове колонны. В нее проводники-кельты сложили свои топоры и мечи, а сами продолжали гордо шествовать рядом, как показалось Лехе, даже «свысока» поглядывая на скифских всадников, словно были здесь лучшими воинами.

Грек что-то пробормотал, обратившись к ближайшему кельту, рослому длинноволосому парню, на котором Ларин увидел шлем с фигуркой птицы на самом верху. Тот остановился, провел рукой по усам и ответил на своем языке короткой фразой, махнув рукой в сторону ближайших гор, поросшие лесом вершины которых терялись под облаками. Утро было прохладным для этих мест.

– Если пройдем тот перевал спокойно, – перевел грек, погладив уставшую ногу, – то дней через пять.

– А что там? – уточнил Ларин по-гречески, подучивший язык за время пребывания в Сиракузах – на этом перевале.

– Недалеко находится деревня ардиев, – сообщил Эвбиад, с удивлением посмотрев в глаза адмиралу, – а за ними уже близко земли скордисков, где мы будем в безопасности. Но здесь они могут напасть на нас. Тогда придется драться.

– Иллур уже давно привел к покорности этих ардиев, – хвастливо заявил Леха, хотя и не имел о том точных сведений, – но даже если кто и осмелится на нас напасть, то это ему очень дорого обойдется.

Выслушав грека, кельты переглянулись между собой, и парень вновь выразил общее мнение.

– Твои воины почти так же хороши, как и кельты, – осторожно перевел Эвбиад,

поглядывая на грозного адмирала, – мы отобьемся.

Леха еле сдержался, чтобы не сбить спесь с этого самоуверенного наглеца в кольчуге, и, лишь смерив его взглядом, молча поехал вперед. А про себя подумал: «Тебе повезло, парень, что Иллур пока не решил присоединить ваши земли к своим. Ведь, сколько бы там вас ни было, умельцев работать топорами, вам все равно была бы одна дорога – или в подданные, или в сырую землю. Так что радуйся, что мы пока добрые соседи».

Часа через четыре, объезжая холмы, вдоль которых петляла дорога, они втянулись в горы. Затем еще почти полдня, пока не поднялись на перевал. К этому моменту море окончательно пропало из глаз за лесными склонами. Подъезжая к пологому перевалу, Леха слышал шум воды. Множество ручьев стекало с окрестных гор, сливаясь в некое подобие двух речек, что текли вниз по обе стороны от размокшей дороги. То и дело здесь попадались больше лужи, и телеги стали вязнуть в ямах и промоинах, проседая под грузом. Вязли и копыта лошадей. Без того небystрое, движение еще замедлилось.

– Здесь есть македонские посты? – поинтересовался Федор, остановив коня у телеги Эвбиада, которая застряла в размокшей глине, и посматривая по сторонам. Эти горы уже не были голыми скалами. На них было много земли, рос лес и текли ручьи. Вероятно, водилась и живность. А где живность, там и охотники. Очень уж место было удобное для засады.

– Нет, – ответил старик, стоявший рядом с телегой и наблюдавший, как возница и солдаты выталкивают ее из ямы, – этой дорогой наши войска пользуются редко. Все посты, что выставил мой хозяин Плексипп, находятся дальше по дороге у моря. На тех перевалах, что почти у самой границы с Эпиром.

– Зачем же тогда эти кельты повели нас сюда? – насторожился Леха.

– Вероятно, эта дорога короче, – ответил Эвбиад, пожав плечами с таким видом, словно говорил «мол, мое дело только переводить, а дорога меня не касается», – ведь другой путь ведет в Македонию и дальше в земли других греческих полисов.

– Ну что же, – кивнул Леха, придерживая дернувшегося неожиданно коня за поводья, – спроси тогда у них, тот ли это перервал, о котором они говорили?

Впереди обоза шел авангард из сотни Уркуна, который проводил разведку, и от него пока никаких тревожных вестей не поступало. Но адмирала все равно грыз червячок сомнения, пока он осматривал сдавившие дорогу горы, поросшие плотным лесом. Конных туда не пошлешь, а за этими соснами могло укрыться немало лучников. «Чего это я задержался, – пристыдил себя бравый адмирал, – только из лагеря уехали, можно сказать, а мне уже за каждым кустом враги мерещатся. Да Иллур тут уже давно всех повывел».

И он отъехал, не дождавшись перевода, хотя грек уже приблизился к проводникам, которые тоже нервно вглядывались в окрестные горы, не слишком удаляясь от телеги с оружием.

– Они говорят... – начал Эвбиад, но Ларин проехал мимо, махнув рукой.

Однако не успел он проскакать и десяти метров, как услышал свист стрелы и за его спиной раздался сдавленный вопль. Почуввав неладное, Ларин развернулся и увидел, как один из кельтов опустился на колени, пытаясь выдернуть застрявшую в его шее стрелу. Еще через мгновение, окровавленный, он упал лицом в мокрый песок. А рядом с ним и второй, которого тоже нашла стрела, прилетевшая из леса. Те, кто пускал их, явно знали, кого нужно уничтожить первыми.

– Твою мать! – выругался Ларин, услышав свист новых стрел и резко поднимая щит, в который тотчас вонзились сразу две.

Развернув коня, он крикнул гарцевавшему в двух шагах Токсару, которому ради этого похода тоже пришлось сменить корабль на коня.

– Охраняй проводников! Головой отвечаешь. Инисмей, за мной! – И, выхватив меч, поскакал к тому холму, откуда их обстреливали, увлекая за собой сотню Инисмея.

Обстрел велся плотный, за деревьями засело немало лучников. И, пока Леха доскакал до леса, уклоняясь или отбивая стрелы щитом, от них polegло человек десять скифов. Когда он первым влетел в лес, проносясь между валунами, то успел заметить, что проводники,

которых он надеялся удержать рядом с обозом под защитой всадников, похватили свое оружие и несутся следом, издавая крики ярости.

Идя в атаку, Ларин надеялся сразу же заставить замолчать лучников, но этого не вышло. Атаковать широким фронтом здесь не получалось, между деревьями скифы тотчас растеклись на отдельные потоки и ручейки, уязвимые для «снайперов». А когда еще пришлось заставлять коня карабкаться по скользкому, замшелому склону вверх, положение атакующих и вовсе стало уязвимым. Ларин уже видел бойцов в темных кожаных куртках и еще в каких-то белых, возможно, козьих шкурах, которые били наступающих скифов почти в упор, ссаживая их с лошадей и даже не думая отступать.

– Хорошо стреляют, сволочи, – сплюнул Леха, когда пригнулся под нависавшей сосновой веткой, чтобы не вылететь из седла, и слышал как стрела, едва не чиркнув по шлему, вонзилась в ствол.

Теряя людей, скифы все же взобрались по склону и достигли места, где засели ардии. А в том, что это могли быть только они, Леха уже не сомневался. Он заставил своего коня проскочить в узкую щель между валунами и оказался позади двух бойцов, посылавших стрелы навстречу его воинам. Леха уже собирался рубануть по незащищенной голове ближнего, в козьей шкуре, но на его пути вновь встала ветка сосны, на которую храбрый адмирал со всего маху налетел грудью. В последний момент Ларин успел отбросить щит и схватиться за нее рукой, сжав изо всех сил меч, чтобы не выронить. Его конь поскакал дальше, а Леху выдернуло из седла. Понимая, что у него есть лишь секунда, чтобы уйти от прямого попадания лучника, находившегося буквально в трех шагах, Ларин спрыгнул на землю. Еще в полете увидел, с каким удовольствием заросший бородой пират натягивает тетиву, и буквально на мгновение раньше успел метнуть в него свой меч.

Нет, не зря его когда-то тренировали в морской пехоте метать тяжелые клинки и топоры. Попал. Скифский меч пробил шкуру, служившую этому ардию доспехом, и лучник упал в яму между камнями. А второго убил кто-то из проскакавших мимо скифов. Леха нырнул в яму, выдернул из тела мертвеца свой окровавленный меч, поднял щит и огляделся.

Справа и слева от него скифы, спешившись, теперь вели перестрелку на равных с ардиями и начинали теснить их, отжимая вверх по склону. Кое-где противники уже схватились на мечах. Но всю картину было не окинуть взглядом, мешали деревья. Однако, перед тем как на него напали сразу трое ардиев с мечами в руках, он увидел, как с дороги в лес вбежали трое оставшихся в живых кельтов, размахивая оружием. «Не сидится им на месте, – в раздражении подумал Леха, отбегая в сторону, чтобы сохранить возможность для маневра, – вот убьют их, кто меня тогда к Истру выведет?»

Впрочем, пока следовало подумать о себе. Трое рослых бойцов в кожаных рубахах, отбросив луки, напали на него с клинками. Рассмотрев то, что было у них в руках, Леха решил, что это не мечи, а скорее кинжалы, похожие на охотничьи. Впрочем, прирезать человека такими тоже было вполне реально. Крутанув головой, Ларин понял, что на этот раз подмоги ждать неоткуда. Скакавшие за ним скифы уже прорвались чуть левее по склону, а его закрывал от взглядов валун, к которому он был прижат. «Придется выкручиваться самому, – прикинул Леха, быстро оценив шансы, – их трое, но без луков. А у меня есть щит и меч. Значит, повоюем».

– А ну-ка, – прокричал адмирал, вскидывая меч, – опробуйте-ка это!

И не став дожидаться, пока на него нападут, сам пошел в атаку. Сделав резкий выпад, он рубанул мечом и отсек кисть ардию, слишком далеко выставившему свой нож. Тот взвыл от боли, схватившись за обрубок здоровой рукой, запрыгал на месте, а потом упал на траву и стал кататься по ней, оглашая окрестности дикими воплями. Двое его товарищей, на мгновение опешив, продолжили атаку, не дав Лехе воспользоваться их замешательством. Он сразу попытался резким выпадом поразить в шею второго, но тот оказался проворнее. Уклонившись от меча, сверкнувшего в сантиметре от его кадыка, боец ударил адмирала по ноге, умудрившись провести подсечку. После нее Леха рухнул на спину и едва успел отразить щитом удар ножа, но после мощного удара ногой остался и без щита.

Новый удар в бок заставил его едва не взвыть от боли и выронить меч. Перекатившись в сторону, Леха ударился о дерево, но все же успел подняться на ноги, пока его не прирезали лежащим. Метать ножи эти ардии, к счастью, не стремились, видимо, решив, что добыча уже никуда от них не денется. Увидев, что враг повержен и обезоружен, ардии словно играли с ним, давая шанс еще немного подергаться перед смертью. Однако Лехе совсем не улыбалась перспектива быть разделанным на части пусть и хорошими ножами. Не для того он здесь оказался.

Притворившись, что потерял силы, он дал приблизиться одному из них и, когда тот оказался рядом, предвкушая, как вонзит нож в ослабшего врага, нанес короткий удар по лодыжке ногой. Боец взвыл, согнувшись. А Леха подскочил, словно разогнувшаяся пружина, и нанес еще один удар по колену. Когда раздался хруст и боец согнулся от боли, он ударил его кулаком в лицо, оглушив, а через мгновение уже летел головой вперед на второго противника. Руку с ножом он успел перехватить.

Но этот ардий тоже оказался крепким. Почти задохнувшись от удара головой в грудь, — шлем Леха потерял, еще когда падал с коня, — ардий не выпустил ножа. Сколько времени они катались по траве, одной рукой стараясь задушить друг друга, а другой вскрыть горло ножом, Ларин не запомнил. Наконец Лехе удалось крепко приложить затылком о камень своего противника, а когда тот на секунду ослабил хватку, вырваться и нанести удар кулаком в кадык. Отпустив его, ардий захрипел. А Леха сбросил с себя противника и, выхватив нож, в ярости воткнул лезвие ему прямо в грудь, пронзив кожаный доспех. Ардий затих.

Быстро отыскав свой меч, Леха добил остальных — сначала того, которому сломал ногу, пригвоздив его мечом к траве, едва боец попытался подняться. А затем и другого, которому отрубил руку. Этот ардий еще скулил и даже попытался убежать, увидев адмирала, но не успел. Короткий удар, и еще одним ардием на этой земле стало меньше.

Расправившись с врагами, Леха осмотрел сначала поляну у валуна, а затем, поднявшись на него, и остальное поле боя, насколько смог. Скифы уже оттеснили ардиев далеко на вершину. Стрельба по обозу, который был виден отсюда сквозь деревья, почти прекратилась, но бой еще не закончился. Со своего места, ухватившись за дерево, чтобы не упасть вниз, приходивший в себя адмирал разглядел жестокую схватку, похожую больше на избиение младенцев.

Метрах в пятидесяти от него, между камней несколько ардиев точно так же, как минутой раньше его самого, пытались окружить одного из его кельтских проводников. Присмотревшись и заметив в их руках те же кинжалы, Ларин даже рассмеялся. Кельт был один, а его противников шестеро, но у него в руках был топор.

— Идиоты, — усмехнулся Леха, даже немного повеселев, — идти на кельта с ножиком это все равно, что на медведя. А у этого «медведя» еще и топор.

Все происшедшее следом полностью подтвердило его предположения. Ардии попытались наброситься на него сразу со всех сторон, чтобы использовать численное преимущество, но из этого ничего не вышло.

Проводник, а это был тот самый молодой парень, с которым он беседовал сегодня утром, с размаху нанес удар своим чудовищным оружием первому подскочившему и буквально сшиб его с ног, едва не разрубив напополам. Попавший под удар так и не поднялся. Затем кельт перехватил топор в другую руку и рубанул острием в плечо второго ардия, видимо, проломив грудину. Боец упал замертво, а кельт продолжал вращать топором вокруг себя, не подпуская остальных ближе чем на несколько метров. Он даже что-то кричал им, наверное оскорбления. Но ардии не слишком торопились отпробовать его отпора на собственной шкуре, видя, что сделал этот парень с их товарищами.

Наконец проводник не выдержал и сам пошел в атаку, решив отомстить за своих убитых сородичей. Хлестким ударом он едва не отсек голову широкоплечему ардию, в последний момент нырнувшему в щель между камней. А когда отводил топор назад, то вторым лезвием достал другого бойца, вспоров тому живот. Потом изящным движением — Леха даже залюбовался, позабыв про окружавшую его со всех сторон опасность — подсек

ногу третьего воина, заставив рухнуть на траву. Когда тот упал, пытаясь отползти в сторону, приволакивая окровавленную ногу, кельт подскочил к нему и в ярости нанес завершающий удар страшной силы, расколов череп ардия, как арбуз.

Увидев это, остальные бросились врассыпную, а кельт устремился следом за тем бойцом в козьей шкуре, что едва избежал его удара. Успел проводник догнать свою жертву или нет, Леха не увидел. Со стороны дороги вдруг слышались крики, и новая волна ардиев скатилась с горы, обрушившись на охранение обоза. Конные скифы встретили их тучами стрел, но расстояние от кромки деревьев до обоза было невелико, и к тому моменту, как ардии смогли его пересечь, погибли не многие. Леха с удивлением увидел, как пешие воины с мечами – на сей раз это были действительно мечи – и луками атакуют конницу, которой было не развернуться для ответной атаки в узком пространстве.

– Ах вы, суки. – взревел Леха, разыскивая глазами своего коня, – засаду мне устроили с отвлекающим маневром. Ну я вам сейчас покажу, как надо гостей встречать!

Он свистнул на особый манер и вскоре услышал знакомый стук копыт, приглушенный землей.

– Жив, бродяга, – с радостью воскликнул Леха, увидев своего коня, пробиравшегося между сосен, – не закололи тебя эти горцы. А ну, давай еще потрудимся.

И вскочив с камня в седло, он потянул за поводья, направив коня обратно вниз.

– Давай за мной! – крикнул Леха, пролетая мимо сотника, который только что выпустил стрелу куда-то в лес. – Надо обоз отбить! А здесь уже все в порядке.

И не обращая внимания на еще не затихший в лесу бой, устремился вниз, вскинув меч. Когда он оказался на дороге, где кипела жестокая схватка, за ним выскочило из леса человек пятьдесят. Не дожидаясь остальных, Леха ударил во фланг многочисленных ардиев, которые пытались отрезать его отряд от леса и окружить обоз. На первый взгляд их было здесь человек двести. «Большая же тут должна быть деревня, – усмехнулся Леха, влетая в гущу сражения за обоз, – и богатая, если такое воинство выставила».

Ардии, напав неожиданно вдоль всего обоза, смогли в двух местах даже потеснить конных скифов, и Леха с замиранием сердца увидел, как несколько бойцов в козьих шкурах вскочили на телеги, к которым были привязаны балки гигантской катапульты Архимеда. Скифы тут же убили их стрелами, но вскоре туда взобрались новые ардии, как и кельты, вооруженные топорами. Некоторые даже зачем-то держали в руках факелы, хотя в лесу еще было светло. И Ларин, нанося удары мечом по всем подвернувшимся головам, сразу понял зачем. В пылу схватки ардии не только отбивались от скифов, но и старались разрубить и поджечь то, что лежало на телегах. Кое-где телеги уже горели. Увидев, как эти пираты уничтожают его осадный обоз, который еще не сумел даже добраться до Истра, адмирал рассвирепел.

Прорубившись сквозь строй ардиев с мечами и копьями, он подскочил к телеге, на которой один из пиратов, убив возницу, пытался запалить разобранную на части баллисту, и рубанул его мечом по спине. Тот охнул, выронил факел на мокрую землю и сам упал под копыта скифских коней. Факел потух, издав злобное шипение.

– Дави этих свиней! – орал Леха, разворачивая своего коня и бросая его в толпу козьих шкур. – Бей! Не давай подойти к обозу!

Воодушевленные появлением своего командира, скифы оттеснили ардиев от обоза по всему фронту и стали выжимать их с дороги к лесу. Все же оборонявшихся на невыгодной позиции скифов было больше чем нападавших. А когда в самый тяжелый момент с перевала вернулась назад сотня Уркуна и ударила горцам в тыл, сражение было выиграно. Ряды ардиев дрогнули, войско пиратов было смято, и они побежали в лес, стараясь спасти свои жизни.

– Добить всех! – приказал Ларин, сам бросаясь в погоню. – Чтобы ни один не ушел!

Когда между еще недавно сражавшимися воинами появилось расстояние, скифы тотчас усилили обстрел, накрыв последние шеренги бежавших тучами стрел. Десятки ардиев остались лежать на дороге. А остальных загнали в лес и преследовали до тех пор, пока кони

могли подниматься в гору. Лишь окончательно рассеяв ардиев, Ларин вернулся к обозу.

– Ну что тут у нас? – буркнул адмирал, приблизившись к уцелевшему в этой суматохе Эвбиаду. – Жив?

– Я уцелел, – кивнул старик, признавшись, – как начали пускать стрелы, я забился под телегу, да так и пролежал весь бой. Куда я убегу, хромой.

– Молодец, – неожиданно похвалил его Ларин, – твое дело переводить. Воинов у меня пока хватает. А с этими что?

Он указал в сторону кельтов. Двое из них, в окровавленных кольчугах, стояли над трупами своих соплеменников, опершись на боевые топоры, и что-то бормотали. Лехе показалось даже, что пели или читали посмертные молитвы своим богам. Старик только подтвердил, то что Ларин и так уже увидел своими глазами.

– Троих проводников убили при нападении, – сказал Эвбиад.

– Если так дальше пойдет, – огорчился Ларин, глядя на скорбь кельтов и пуская коня шагом вдоль обоза, – то я и до Истра не дойду. Уркун, беречь этих двоих! Отряди специальных людей. Головой отвечаешь. Только осторожно, а то уж больно они резкие, сразу в бой бросаются. Так мне проводников надолго не хватит. И грека тоже охранять надо лучше.

Сотник, ехавший рядом в седле, кивнул.

Они медленно проехали метров двести, рассматривая нанесенный ущерб. Повсюду валялись убитые пираты и скифы, которых погибло, на первый взгляд, вдвое меньше. У почти сгоревшей повозки Ларин остановился, пытаясь понять, что именно уничтожили ардии.

– Две телеги сожгли, – доложил адмиралу подъехавший к ним Токсар.

– Что? – крикнул Леха, приходя в бешенство. – Эти ардии уничтожили катапульту, которую мы привезли из Тарента?

Ни о чем другом он сейчас и думать не мог.

– Нет, – поспешил «успокоить» его бородач, – только две обычные баллисты и еще какой-то походный скарб.

– Посчитать потери и немедленно двигаемся дальше, – приказал Леха, слегка остыв, – ночевать мы должны уже за перевалом.

Глава пятая Лилибей

День был солнечный, но бодрый. Свежий соленый ветер раздувал плащ за спиной Федора, заставляя ощутить прохладу. Облаченный в доспехи, он стоял на корме квинкеремы, вцепившись в ограждение, чтобы его не смыло за борт, и наблюдал за морем. Волны то вздымали корпус «Агригента» вверх, на гребень, то опускали его вниз, так что пенные буруны на мгновение становились вровень с линией горизонта, поглощая его. Минут десять назад Федор разглядел справа по курсу какие-то корабли, и вот теперь вместе с Бибрактом, они пытались определить, кто же это – свои или римляне?

– Вряд ли это римляне, – поделился соображениями Бибракт, – наш флот навел на них страху.

– Но не смог уничтожить совсем, – заметил на это Федор, продолжая обшаривать глазами неровную линию горизонта, то и дело пропадавшего за белыми бурунами, – а это значит, что римляне могут попытаться вновь прорваться через пролив.

– Но там же Сиракузы, – резонно заметил Бибракт, – а с тех пор, как мы стали союзниками, лучшего места, чтобы преградить путь всем желающими обогнуть Сицилию, проскользнув сквозь пролив, и не найти. Мы же сами вчера в этом убедились.

– Да, пожалуй, – вынужден был согласиться Федор, – флотоводец Ферон свое дело знает. Даже если наш флот вдруг каким-то чудом проморгает корабли врага, он не позволит римлянам продвинуться дальше Сиракуз. А Гиппократ не даст им возможности высадить десант или, в крайнем случае, уничтожит его. Так что, оставив Сиракузы за спиной, можно

быть спокойными, что нас не нагонит неожиданно римский флот.

– Быть может, те корабли, что вы разглядели, это наши торговцы, что идут в южную Италию, – предположил Бибракт, так никого и не увидев, – а может быть, охранение из самих Сиракуз, ведь мы еще не так далеко отошли.

Федор не стал спорить. Бибракт был прав. Во всяком случае, немедленного сигнала к бою давать не стоило, да и не его это был пока вопрос. До прихода в Лилибей эскадрой из пятнадцати квинкером командовал Гетрамнест, который находился на флагмане. Корабль Федора, на котором по приказу Ганнибала плыли в Испанию послы его брата, шел пятым, в середине колонны, и никаких сигналов к отражению атаки с флагмана пока не получал.

– Пойду отдохну, – сообщил капитану Федор, – разбуди, если случится что-нибудь интересное.

Он прошел нетвердым шагом по раскачивавшейся палубе, отвечая на приветственные жесты солдат собственной хилиархии, размещенной частично здесь же, и, ухватившись за мокрые от воды поручни, стал спускаться по лестнице вниз в небольшую каморку на корме. Спал он прошлой ночью не много. Выйдя из Тарента, караван уже обогнул край италийского «сапога», миновал пролив и теперь обходил южную оконечность Сицилии, оставив справа Сиракузы, где карфагенская эскадра провела ночь на рейде. Огромный порт был и без того переполнен. Здесь были сосредоточены сейчас все корабли самого сиракузского флота, который за последнее время значительно вырос, – в связи с началом войны против Рима Ферон убедил Гиппократа и народ, что нужно построить еще двадцать триер для усиления и без того не самого слабого в этих местах флота. А кроме хозяев, в Сиракузах стояла эскадра из двадцати триер Аравада, временно прикомандированная им сюда для усиления флота союзников. Хотя Федору показалось, что корабли финикийцев здесь скорее для того, чтобы иметь возможность в любое время действовать в этом «обитаемом» районе моря и также наблюдать за происходящим в гавани Сиракуз. Союз с греками – это хорошо, но несколько сотен лет враждебных отношений со счетов просто так не сбросить.

Впрочем, на приеме кораблей из Тарента это никак не сказалось. Гиппократ, который находился в городе, едва узнав о прибытии еще одной карфагенской эскадры, с которой приплыл его старый знакомый Федор Чайка, немедленно захотел его увидеть. Да не просто увидеть, а отпраздновать эту встречу. Как ни крути, пришлось повоевать вместе. Отдав приказ принять гостей и выделить место для стоянки, он пригласил Федора к себе в особняк. Чайка явился не один, а с друзьями Летисом и Урбалом. Там они пили до утра отличное красное вино и вспоминали о войне с Марцеллом, закончившейся изгнанием римлян с острова и его позорным бегством. Гетрамнест, кстати, на этот пир приглашен не был, чем был несказанно обижен. И потому наутро решил поспешить в Лилибей, до которого оставался еще день пути при хорошей погоде.

– А что Архимед, – спрашивал Федор накануне вечером у греческого военачальника, глядя, как очаровательная служанка в прозрачном хитончике подливает ему вина, – уже выполнил наш заказ?

– Работает. Но, честно говоря, – поделился Гиппократ, – этот заказ его очень тяготит.

– А что случилось, – удивился Федор, делая глоток терпкой жидкости и заедая его засахаренными фруктами, – мне казалось, что он любит создавать.

– В том-то и дело, что этот взбалмошный старик опять увлекся какими-то расчетами и его сильно раздражает, что нужно тратить время на изготовление давно понятных вещей, – сообщил Гиппократ, – он мне не раз уже жаловался на это и просил передать часть работы подмастерьям. Мы подрядили ему в помощь лучших корабельных плотников и дали нескольких инженеров, но Архимед, едва познакомившись, обозвал их неучами и выгнал вон. А других не нашлось. Так что пришлось ему самому продолжать работу.

– Теперь понятно, – кивнул Федор, глядя, как Урбал и Летис, не участвуя в разговоре, молча потягивают вино, рассматривая пышное убранство особняка главнокомандующего Сиракуз, – а Ганнибал меня постоянно спрашивает, почему обоз заполняется так медленно.

– Я же отправил на днях грузовой корабль с баллистами и катапультами, – удивился в

свою очередь грек, – а следом и корабль с каменными ядрами из наших каменоломен. Разве они не прибыли в Тарент?

– Да нет, все в порядке, – поспешил успокоить его Чайка, – прибыли. Но нас интересуют главные изделия Архимеда.. – Он чуть не сказал «главный калибр». – Те, которые остальные «неучи» без него сделать не смогут. Для похода на Рим они просто незаменимы. Так что даже Ганнибал согласился подождать.

Пирушка у хозяина Сиракуз затянулась почти до утра, и сильно захмелевший Федор, вместо того чтобы завалиться спать, был вынужден в сопровождении друзей брести в сторону порта. В предрассветной мгле они едва не заблудились, вызвав подозрение у проходившего патруля греков и даже едва не подравшись с гоплитами. Летису не понравилось, как с ним разговаривали греческие солдаты. И хотя он не понял ни слова, все равно решил, что его обидели, и оттолкнул от себя одного из них. Греки схватились за мечи, но Чайка дипломатично разрешил готовую возникнуть ссору между союзниками, сославшись на Гиппократ, имя которого оказало необходимое действие. В конце концов они добрались до порта и поднялись на борт своей квинкеремы. Хорошо еще улицы были знакомые, немало римской крови было на них пролито.

Прибыли они вовремя. Капитан Бибракт встречал их буквально у трапа.

– Я только что получил приказ покинуть гавань, – сообщил он Федору, – просто не знаю, что бы мне пришлось сделать, если бы вы не объявились.

– Все в порядке, – успокоил его Федор, слегка опирающийся на плечо Летиса, – мы проводили переговоры с местным командованием. В случае чего пришлось бы немного задержаться, все равно Гетрамнесту командовать осталось всего один день. Потерпит. А потом мы станем флагманом.

Бибракт, как оказалось, не посвященный во все детали, был приятно удивлен.

Плавание до Лилибея не принесло никаких неожиданностей, если не считать того, что Федор увидел в проплывавшей мимо эскадре римлян. Но в конечном итоге никто их не атаковал. Плыть вдоль южной оконечности большого острова было не так опасно, как вдоль северной. Здешние воды, «зажатые» с одной стороны африканским берегом, на котором стояла столица метрополии, а с другой сицилийским, где находилась целая россыпь карфагенских городов-крепостей, считались, по сути, внутренним морем Карфагена. Конечно, римляне и сюда могли проникнуть, но, потеряв Сицилию, давно так не рисковали, – до ближайшего «дружественного» берега было довольно далеко.

Перед тем как вздремнуть, Федор долго отдыхал на жесткой лежанке, слушая скрип снастей отплывающего корабля и вспоминая, как прощался с Юлией и Бодастартом, сообщив им о внезапной разлуке.

– Что же, – сдержав слезы, сказала римлянка, одетая в яркую желтую тунику, Федор заметил, что в последнее время она стала одеваться как финикийская женщина, – здесь я хотя бы буду жить в городе среди людей, которые будут напоминать мне о тебе, а не на пустынном берегу. Да и дом здесь гораздо больше, я найду чем заняться, пока ты будешь в дороге.

– Если бы ты знала, – пробормотал Федор, теребя кожаный ремень, – как я не хочу уезжать. Но я солдат и должен воевать там, куда пошлют. Я даже не могу сказать тебе, куда плыву.

– Главное, возвращайся скорее, – ответил римлянка, одарив на прощание долгим поцелуем, – мы будем тебя ждать.

– Возьми меня с собой, – вдруг отчетливо проговорил сын, глядя снизу вверх на закованного в доспехи отца, – я тоже хочу на войну с римлянами. И у меня есть меч.

Он продемонстрировал Чайке свой деревянный клинок, которым рубил траву во дворе.

– Еще успеешь, Бодастарт, – ответил Федор, присев на корточки рядом и стараясь не смотреть на вздрогнувшую при этих словах Юлию, – для этого тебе придется немного подрасти. А пока охраняй маму.

Бодастарт кивнул, поднял свое оружие и с серьезным видом встал рядом с Юлией, взяв

ее за руку. А Федор, развернувшись, зашагал сквозь рассветную суету на улице в сторону близкого порта. Такими, державшимися за руки, Федор их и запомнил, отпечатав в своей памяти. Впервые в жизни ему, едва обретшему не только новый дом, но и соединившемуся с семьей, действительно не хотелось уходить на войну. Но Ганнибал не оставил ему выбора. Рим еще не был повержен, и требовалось отсечь все сопротивлявшиеся конечности, чтобы, в конце концов обезглавить тело.

Пока Федор спал, караван военных судов обогнул мыс Пахин и прошел Камарину. Затем, когда Чайка инспектировал личный состав, они миновали Гелу и печально знаменитый мыс Экном, где почти сорок лет назад карфагенский флот потерпел сокрушительное поражение. А теперь приближались к Агригенту, городу, где был построен и назван в его честь тот самый корабль, палубу которого сейчас топтали подошвы башмаков Чайки. Живописный берег Сицилии, видневшийся неподалеку, постепенно таял в вечернем сумраке.

– Разве мы не сегодня прибудем в Лилибей? – удивился Чайка, которому доложили, что крепостные стены на горизонте – это Агригент. Федор был уверен, что путешествие подходит к концу.

– Только завтра, – почти не скрывая своей радости, подтвердил Бибракт, который был ко всему еще и родом из Агригента и надеялся посетить этим вечером родных. – Мы двигаемся медленнее, чем рассчитывали, из-за бокового ветра. Я получил приказ ошвартоваться на пирсе Агригента.

– Ну что же, – нехотя подтвердил Чайка, – выполняй.

Эта ночь прошла спокойно. Бибракт с разрешения Чайки сошел на берег, порекомендовав судно своему помощнику. Федор, которому отвели помещение в одном из домов на берегу, решил не покидать корабль и отправил туда вместо себя всех ливийских послов. Те с радостью восприняли это предложение. По всему было видно, что Хират и остальные не относились к завязтым морякам. Они предпочитали твердую землю палубе, постоянно качавшейся под ногами. Федору же было все равно. Он одинаково хорошо ощущал себя и на земле и в море. Сказывалась закалка морского пехотинца. Поэтому, несмотря на корабельную суету и доносившиеся снаружи шумы, выспался он хорошо. Даже не заметил, как корабль вновь вышел в море.

– Где мы сейчас? – поинтересовался Чайка у Бибракта, когда наконец выбрался на палубу, отметив, что все ливийцы вернулись на корабль. Они стояли сейчас группой на носу корабля, упершись руками в ограждение, и наблюдали за морем, что-то оживленно обсуждая. Их кирасы поблескивали в лучах дневного солнца.

– Прошли уже треть пути до места, – отпартовал Бибракт, который после встречи с родственниками еще не твердо держался на ногах. Впрочем, Федор сделал вид, что не заметил. Бибракт и в таком состоянии был способен привести корабль куда угодно. На то он и моряк.

Оторвав взгляд от гористого сицилийского берега, Федор бросил взгляд вперед, на далеко оторвавшуюся от остальных флагманскую квинкерму, на которой плыл Гетрамнест. Между ним и кораблем Федора рассекали волны квинкеремы, на которых были размещены бойцы Адгерона и Карталона, с которыми он толком не успел ничего обсудить перед отправлением. Затем Чайка взглянул назад, где на нескольких кораблях разместились солдаты из хилиархий Атебана и Абды. «Успеем еще поговорить, – решил он, – дело долгое».

Закончив осматривать море и корабли, Чайка подошел к послам Гасдрубала, решив прояснить для себя несколько вопросов, не дававших ему покоя.

– Доброе утро, – поприветствовал он низкорослого Хирата и остальных, пройдя через весь корабль и останавливаясь в нескольких шагах от ливийцев, – как провели ночь?

– Отлично, Чайка, – поблагодарил его словоохотливый ливиец, – дом был очень просторным, да и в погребках кое-что водилось, зря ты не стала там ночевать.

– Привыкаю к жизни моряка, – отшутился Федор, – нам ведь еще долго плыть.

– Не очень, – сообщил Хират, – всего несколько дней. Если, конечно, римский флот не помешает нашим планам.

– А куда вы собирались отправиться из Лилибея? – уточнил Федор, вспомнив о том, что Ганнибал велел ему перед отплытием решить этот вопрос с послами прямо на корабле и без лишних ушей. – В Тарракон?

– Мы собирались плыть оттуда в Сагунт, – сообщил ему Хират, и Федор заметил, как он осторожно посмотрел по сторонам. Но, кроме четырех человек, принимавших участие в разговоре, рядом никого не было. Ближайшие матросы находились сейчас у мачты и возились со снастями. Ветер был сегодня попутный, и корабль шел на всех парусах.

– Почему не прямо к Тарракону? – удивился Федор. – Ведь, насколько я знаю, город осажден и ожидает нашей помощи?

– Это так, – наклонил голову Хират, – город почти блокирован с суши легионерами Публия Корнелия Сципиона и с моря большими силами римского флота. А потому Гасдрубал, который находится там же, приказал нам высадиться в Сагунте, чтобы не подвергаться лишней опасности.

– Хотя мы можем встретить римлян повсюду, – вставил слово бородатый ливиец со щербатым лицом, – стоит только отчалить от берегов Сицилии и выйти в открытое море.

– Ты прав, Зета, – заметил на это Хират, – они обнаглели настолько, что стали наведываться даже на Балеарские острова, где мы набираем своих прашников. Несколько раз даже высаживали там десант и пытались захватить наши колонии. Хвала Баал-Хаммону, безуспешно. Но они не прекращают попыток.

– Ясно, – кивнул Федор Чайка, схватившись за ограждение, оттого что корабль резко накренился, провалившись между двух волн, – значит, в море до сих пор они почти что хозяева. А что же наши корабли, ведь я слышал, что из столицы в Испанию уже отправляли большой флот.

– Не такой уж большой, – подтвердил Хират, – всего сорок пять квинкером, половина из которых охраняет Новый Карфаген и казну испанской армии. А большая часть остальных погибла в боях с римлянами. Кораблей у нас совсем не много, а вот братья Сципионы, по слухам, обладают минимум сотней квинкerm, часть которых участвует в осаде Тарракона, а остальные почти свободно курсируют вдоль нашего берега.

Этой информацией Федор был немного озадачен. Пребывание с Магоном, братом Ганнибала, в столице и общение с сенатором оставили у Чайки впечатление, что все военные ресурсы метрополия делит между Итальянским и Испанским фронтами, причем почему-то в пользу последнего. Видимо, в сенате были уверены, что Ганнибал настолько хорош, что справится своими силами. Был, конечно, еще и Африканский фронт, «тыловой», на котором то и дело приходилось наводить порядок. Многочисленные нумидийские и ливийские царьки то и дело поднимали восстания в тылу карфагенских владений, опустошая плодородные земли. Происходило это обычно в самый неподходящий момент, когда все военные силы требовалось отправить в совершенно другой район. Как сейчас, например.

Чайка также припомнил, что этот «внутренний» сухопутный фронт был особенно дорог давнему врагу семейства Баркидов сенатору Ганнону, который выступал против заморской колонизации, считая, что расширение сухопутных владений на Африканском континенте должно быть главным направлением политики Карфагена.

«В чем-то этот сенатор даже прав, – подумал Федор, надолго замолчав, чем озадачил собеседников, – в Африке богатств хватает, только она еще не такая развитая, как Средиземноморье. Да и финикийцы – народ мореплавателей, что ни говори. Без моря жить не смогут. Неужели Ганнон оттянул туда все свободные вооруженные силы? Ну пехота, конница и слоны, еще понимаю. Но корабли-то там не нужны. Разве что побережье Нумидии патрулировать, да только зачем. Впрочем, мог и не использовать, а просто задержать под каким-нибудь предлогом. Сенаторы – время тянуть мастера».

– А что, нет ли сейчас каких-нибудь волнений в Африке? – поинтересовался Федор, нарушив молчание.

Хират обменялся удивленным взглядом со своими спутниками, как будто не понимая, о чем это Федор, – сам-то он хоть и был ливийцем, но служил верой и правдой Карфагену, – но все же ответил.

– Какие-то волнения там всегда есть, – проговорил Хират, – не всем племенам нравится служить Карфагену. Да Рим в последние годы стал отправлять туда своих посланников, которые обещают местным царькам золотые горы, возмущая народы к неповиновению. Их, конечно, отлавливают и казнят, но спокойствия в провинции это не прибавляет.

Хират умолк, почесал бороду, словно пытаясь что-то припомнить.

– За последние годы, что я повел в Испании, никаких серьезных восстаний за морем не было. Если бы что-нибудь случилось, Гасдрубал бы узнал об этом первым. Советники из метрополии бывают у него в штабе регулярно.

– Самое серьезное происходит сейчас у нас в Испании, – вставил слово Мета, невесело усмехнувшись, – где консулы хотят отобрать наши земли.

– Понятно, – кивнул Федор, не особенно удовлетворившись ответом. Почему Карфаген не высылает флот в достаточном количестве, чтобы разрушить римское превосходство на море, ему было непонятно. Ведь верфи работали исправно, да и деньги, несмотря на затяжную войну на нескольких фронтах, имелись. Этим Карфаген славился всегда, и город мог вполне успеть построить необходимое количество кораблей, чтобы дать решающее сражение на море. Но этого почему-то не происходило. Значит, основной флот, скорее всего, если и был построен, то оставался в самой столице, повинаясь чьему-то приказу. А уж повод оставить флот поближе к берегам метрополии найти было нетрудно. Например, возможное нападение римлян, несмотря на то что Ганнибал сам стоял буквально у ворот их столицы. Параллельная высадка десантов на побережье противника уже не раз бывала как в истории этой войны, так и в войнах Карфагена с Сиракузами.

Узнав все, что пока было необходимо, Федор закончил разговор и отправился на вторую палубу, чтобы разыскать Летиса и Урбала, в сопровождении которых собирался сойти на берег. Тем более что на горизонте уже показался какой-то город. Возможно, это и был Лилибей.

Федор не слишком ошибся. В Лилибей они прибыли через четыре часа, под вечер, когда солнце начало уже понемногу опускаться. Это был большой портовый город-крепость, обнесенный высокой зубчатой стеной. Гавань Лилибея, в которой скопилось огромное количество военных и торговых кораблей, тоже была хорошо защищена. Два мола, что охватывали ее, были увенчаны стеной с башенками, полными солдат и метательных машин, которые были призваны воспрепятствовать высадке десанта на них. А вход в гавань, как и в самом Карфагене, осуществлялся через ворота, перегороженные двумя массивными цепями на некотором расстоянии друг от друга.

– Ого, да здесь, похоже, собрался тот самый флот, о котором я думал, – невольно воскликнул Чайка, разглядывая корпуса многочисленных квинкерем и триер, выстроившихся вдоль внутренних пирсов, когда его корабль преодолел главные ворота и вошел в акваторию порта, – интересно, сколько их уйдет отсюда в Испанию.

– Даже если половина, – заметил на это Урбал, стоявший рядом и тоже считавший взглядом корабли в гавани, – это уже будет неплохая помощь. Их здесь немногим меньше сотни, считая триеры.

– Да, похоже, – подтвердил Федор, закончив свои наблюдения, – только мне кажется, что часть из них останется охранять город. Ведь Лилибей – мощная крепость и лакомый кусочек для римлян. Ты помнишь, как долго армия Аравада не могла его взять?

Урбал кивнул. Бой, в котором им не пришлось принимать участия, по рассказам пунийского полководца, был очень жарким. Прежде чем Лилибей вновь перешел в руки финикийцев, когда-то основавших его, здесь погибло множество солдат. Да и укрепления пришлось потом отстраивать чуть ли не заново. «А кроме того, – вспомнил вдруг Федор, – где-то здесь погиб человек моего благодетеля сенатора Магона. Как он здесь оказался и не с ним ли должен был встречаться Кассий, декурион шестой турмы двадцать второго легиона,

вот что мне хотелось бы знать. Кассий тоже убит и концы в воду. Убит тихо, но в Сиракузах, значит, предатель был все время где-то поблизости и получал сообщения от своих хозяев. Только вот где его хозяева, в Риме или, не дай бог, в Карфагене?»

Эти размышления навели Федора на мысль разыскать место, где погиб человек Магона – посланцем Федор пока не торопился его называть, все же речь шла о сношениях с римлянами, – и посмотреть на него. Глупость конечно, но вдруг что-то там сохранилось. Медальон, личное оружие или еще что-нибудь, за что мог бы зацепиться пытливый ум Чайки, которого уже против воли тянуло докопаться до истины. Не любил он, когда его используют втемную.

Корабли эскадры Тарента прошли к дальнему от входа в гавань пирсу и пришвартовались у внутренней стены. Неподалеку Федор заметил узкий проход в каменной кладке, ведущий, судя по всему, в следующую внутреннюю гавань, – карфагеняне были мастера обустройства прибрежные земли сооружениями подобного типа. Чего стоили портовые сооружения Карфагена, от которых Федор до сих пор находился под впечатлением. Римский порт, который ему тоже довелось увидеть, не так впечатлял. «Не удивлюсь, если там спрятана гавань еще на сотню кораблей, – усмехнулся Федор, уже собравшийся спускаться по сходням на пирс, где их поджидали какие-то офицеры. – Хотя снаружи больше похоже на проход в котон⁸».

– Что мне делать? – уточнил Бибракт, едва заметив, что Федор собирается покинуть корабль. – Ведь вы теперь командир эскадры.

– Жди приказаний, – ответил Чайка, – для начала надо обсудить все детали с Гетрамнестом и остальными. После чего я проведу несколько часов в городе и вернусь. Все равно отплывать будем не раньше, чем завтра утром, а может быть, и задержимся на денек.

На берег он сошел в сопровождении послов испанской армии, Урбала и Летиса. Встречавшие эскадру офицеры, оказавшиеся посланцами Аравада, пригласили всех в большой особняк в верхнем городе. Там Чайка, к большому неудовольствию нынешнего командира эскадры, еще раз передал им волю Ганнибала, сообщив, что дальше двенадцать кораблей эскадры поведет он сам. К своему удивлению, он не услышал никаких возражений, к которым привык за последнее время натянутых отношений между двумя командующими.

– Вы получите все необходимые припасы и отплывете, как только будете готовы, – кивнул комендант порта, – а Гетрамнест отправится с остальными кораблями в Новый Карфаген. Таков приказ сената, который нам передал Аравад.

Сам Гетрамнест, уже успевший обмолвиться парой слов с комендантом по прибытии, казался удивительно спокойным для флотоводца, который лишился власти над флотом с завтрашнего утра. По его хитрой самодовольной ухмылке Федор заподозрил неладное, но виду не подал.

– У меня нет вопросов, – ответил он, рассматривая через узкое окно портовые сооружения и мачты квинкером, – кроме одного. Сколько кораблей Гетрамнест завтра поведет в Новый Карфаген?

Комендант Лилибея обменялся многозначительным взглядом с Гетрамнестом и нехотя произнес.

– Тридцать восемь, включая триеры.

– Ого, – не сдержал эмоций Чайка, даже обернувшись, чтобы увидеть торжествующую ухмылку своего неожиданного конкурента. – Похоже, сенат на этот раз действительно решил позаботиться об испанских владениях. Отправляет туда пятьдесят кораблей.

Лица послов Гасдрубала тоже невольно растянулись в ухмылке.

– Сенат всегда заботится о своих владениях, – строгим тоном проговорил комендант, словно напомнил Федору и ливийцам о недопустимости таких разговоров.

---

⁸ Котон – внутренняя гавань с одним входом, в котором карфагеняне также могли ремонтировать корабли. Чаще небольшого размера, прямоугольная, выложенная камнем по всему периметру.

– Ну что же, – подвел итог Федор, не давая втянуть себя в крамольные беседы, – с меня довольно и двенадцати квинкерем.

По его подсчетам, даже после того, как названный флот покинет гавань Лилибея, здесь останется еще немало сил для отражения любого нападения.

– Желаю удачно добраться до места. Встретимся в Испании, – сообщил он Гетрамнесту и, решив, что все сказано, направился в сторону дверей. Дойдя до них, Чайка, остановился и добавил, обращаясь на сей раз к коменданту: – Пусть припасы начинают грузить немедленно и работают, если понадобится, до утра. На рассвете я отплываю, а сейчас хочу пройтись по городу.

– Все будет погружено вовремя, – не стал спорить комендант.

– Куда ты направляешься, Чайка? – произнес ему вслед Гетрамнест, не вытерпев. – Разве не с нами, в Новый Карфаген?

– Ганнибал не разрешил мне рассказывать об этом, – позволил себе небольшую месть Федор и покинул особняк вместе с ливийцами.

Оказавшись на улице, он нашел там порядком заскучавших друзей.

– Я собираюсь пройтись по городу, – сообщил Федор остановившемуся рядом Хирату, – у меня здесь есть небольшое дело.

– А мы, чтобы убить время, осмотрим котон, который, по слухам, искусно сделан, – ответил Хират за всех, – и вернемся на корабль. У нас нет других дел в Лилибее.

– Хорошо, тогда до встречи на борту «Агригента», – отсалютовал Чайка ливийцам и, сделав жест друзьям следовать за собой, пошел по направлению к казармам, где на одной из башен, по рассказам, был убит человек Магона. Казармы находились на каменистых холмах, чуть в стороне от основного города, который предстояло пересечь.

– Если прогулка предстоит долгая, хорошо бы поесть, – предложил Летис, нехотя вышагивая позади Чайки по выложенной шлифованными камнями главной улице, что вела почти от самого порта до вершины холма, где располагался восстановленный храм Мелькарта.

– Некогда, – отмахнулся Федор, придерживая рукой ножны колошматившей по бедру фалькаты, – мне нельзя задерживаться в этом городе, а до захода солнца я должен кое-что отыскать. Если, конечно, хоть что-нибудь здесь сохранилось с того времени.

Здоровяк обиженно засопел, а сообразительный Урбал проследовал за ним, не задавая лишних вопросов. Если Федор считает нужным разговаривать недомолвками, значит, сам еще не уверен в успехе. Но по большей части интуиция его не подводила. За это Чайка и любил своих друзей – их можно было просить о помощи, не посвящая во все детали, хотя бы в первое время.

Никакого эскорта из отряда морпехов с «Агригента» новоиспеченный командующий эскадрой не взял. Город все же свой, а не римский. Не хотел привлекать лишнего внимания, да из памяти еще не стерся эпизод с охранниками в Тире. Чем меньше человек будет знать о его интересах в Лилибее, тем лучше. С некоторых пор подозрительность к окружавшим его людям у Федора стала расти. Особенно после нескольких нападений и даже убийств «свидетелей», которые просто не могли быть роковой случайностью. Слишком уж вовремя они случались. Вот и сейчас, ему показалось, что от форума, который они миновали несколько минут назад и где еще шла бойкая торговля, за ними увязался какой-то оборванец в лохмотьях.

Несколько раз Федор оглядывался, стараясь проверить свои подозрения, но после того как некоторое время шедшие по одной улице с ними ливийцы свернули в переулок, ведущий в сторону котона, исчез и оборванец. Впрочем, был он или нет, Федор уже не поручился бы, – слишком пестрая толпа запрудила все подходы к форуму. В Лилибей, сразу после освобождения от римлян, вернулась масса торговцев, а вместе с ними и множество слуг, резко увеличивших население прибрежного города. Сейчас, особенно в центре, было не протолкнуться. К счастью, Федор с друзьями вскоре миновали рынок и прилегавшие к нему кварталы с лавками.

Главная улица рассыпалась на множество узких улочек, петлявших вокруг двух– или трехэтажных особнячков, жавшихся к подножию холма. Город все же был построен прежде всего как военная база, главными сооружениями в которой были крепость и порт. Свободного места для жизни на этих скалах было не очень много. А потому городские кварталы росли больше вверх, чем вширь. Впрочем, для финикийских строителей было не в новинку осваивать скалы. Многоэтажные дома Федор видел в Карфагене неоднократно.

Поднявшись на очередной холм, Чайка обернулся и даже остановился, привлеченный зрелищем. Внизу, в гавани, под лучами опускавшегося солнца виднелось множество военных кораблей, изящные корпуса которых до сих пор радовали глаз Федора, так, словно он только недавно их увидел в первый раз. А рядом с побережьем, за крепостной стеной, прямо между вытянутыми зданиями складов, взору открылся небольшой, выложенный камнем, прямоугольник. Это и был котон, внутренняя гавань, в которой, даже будучи осажденными, жители Лилибея могли держать несколько кораблей и ремонтировать их. Котон был очень узким. Сейчас там стояло всего лишь две квинкеремы, да и воды со своего места Федор почему-то не разглядел. Скорее всего, ее уровень поддерживался искусственно, с помощью плотины. А при необходимости воду можно было и вовсе спустить. Чайка слышал о том, что в котоне мастера могли ремонтировать корабли «на сухую», даже не вытаскивая их на берег, благо в нем имелись все необходимые приспособления.

– Что-то я не вижу отсюда наших послов, – поделился соображениями Федор, – они собирались посмотреть на местный котон.

– Наверное, уже отправились на корабль, – вставил слово Летис, останавливаясь рядом и вытирая пот со лба, денек был жаркий, – или в кабак зашли. Я слышал, здесь знатные харчевни есть.

– На обратном пути заглянем, – не выдержал Федор.

– Вот это дело. – Летис даже просиял.

В казармы они прибыли спустя десять минут. Это было приземистое трехэтажное здание из серого обтесанного камня с узкими окнами-бойницами, примыкавшее задней стеной к скале. В нем имелось всего два входа по бокам, которые закрывались массивными дверями. При случае здесь вполне можно было держать оборону. В казармах размещались пехотинцы, имя командира которых Федору было известно от самого Аравада, и не подозревавшего о том, что Чайка так интересуется судьбой убитого приближенного сенатора Магона.

Звали его Метар – у командира двадцатой хилиархии была хорошая память на имена – и служил он здесь с того самого дня, как финикийцы отвоевали город обратно. Направляясь в Лилибей, Федор надеялся, что Метар еще никуда не переведен, ведь сил на острове было не так много. Особенно учитывая предстоящее плавание в Испанию, которое должно было лишить город некоторой части солдат. Впрочем, Лилибея, как припомнил Федор, не было в списке городов, откуда Аравад набирал экспедиционный корпус. Ни на что особенное, впрочем, Чайка и не рассчитывал, ведь прошло уже несколько месяцев. Так, интуиция.

Стоявшие на часах охранники, услышав, кто решил посетить их казармы, без особых задержек послали за своим командиром.

– Так он здесь? – обрадовался Федор, который побаивался просто не застать его на месте и уйти ни с чем, и, обернувшись к Урбалу, добавил: – Повезло.

Вскоре из казармы показался широкоплечий офицер, лет тридцати пяти, с загорелым и даже смуглым лицом. Шлема на нем не было, а панцирь едва не расходился под давлением накаченных мышц, таким крепким казался этот финикиец. Даже Летис с уважением посмотрел на его руки, похоже, способные согнуть саунион.

– Зачем меня ищет Федор Чайка? – громко поинтересовался Метар. – И что понадобилось в этом городе посланцу самого Ганнибала?

– Я здесь лишь по своему желанию, – поспешил отвести подозрения Федор. Слишком уж много слухов могло пойти после этой встречи, но делать было нечего. Он назвал себя, не ожидая, что слава командира двадцатой хилиархии африканцев, который на короткой ноге с

самим главнокомандующим, докатилась и сюда.

Метар молчал, изучая троих стоявших перед ним воинов.

– Я слышал, что ты служил здесь, когда из города выбивали римлян, и захватывал эти казармы лично, – перешел к делу Федор, понизив голос и посмотрев на охранников у дверей, которые теперь не могли слышать разговора.

– Да, – не стал отнекиваться Метар, закончив наблюдения, – я служу в Лилибее с того самого дня, как со своими солдатами вышвырнул отсюда римских легионеров и убил последнего.

– Я слышал, что после штурма на одной из башен этих казарм нашли финикийца, – продолжил Федор и, прищурившись на солнце, осторожно добавил: – Который не был пленным, как оказалось.

– Ты говоришь об одном из подручных сенатора Магона? – спросил напрямик Метар, которому было не до словесных игр. Похоже, он не слишком любил мудреные речи.

– Да, – нехотя признал Федор и, бросив взгляд на своих друзей, заметил на их лицах удивление. – Не помнишь ли ты случайно, где его нашли?

– Его нашли вон в той башне, – махнул рукой Метар на угловую башенку, венчавшую собой левое крыло казармы, – но, когда мы ворвались, добывая на ходу последних легионеров, он был почти мертв.

– Что значит почти? – удивился Федор, не знавший таких подробностей. – Я думал, его нашли мертвым.

– Когда я взбежал по лестнице, заколов их центуриона, он уже еле дышал, – подтвердил командир пехотинцев, ничуть не желая скрывать подробности того дня, на радость Федора, – из спины торчал нож, но не римский кинжал, а нашей, карфагенской работы. Я в оружии знаю толк.

Федор молчал, боясь прервать собеседника. Но Метар вдруг умолк, словно позабыв, о чем говорил.

– Он что-нибудь сказал тебе? – немного надавил Федор, не выдержав.

– Что-то про корабль... – выдавил наконец из себя Метар, схватившись обеими руками за ремень, – и еще про письмо и какую-то птицу.

– Птицу? – удивился Федор, отметив про себя, что при нем было письмо.

– Да, – кивнул с растерянным видом Метар, – прохрипел «я потерял птицу» и умер.

Федор помолчал несколько секунд, обдумывая услышанное, и вдруг спросил:

– Я могу осмотреть место, где он умер?

– Если желаешь, – согласился Метар, – но вряд ли найдешь что-то интересное. В той башне у нас теперь устроен склад оружия, так что там каждый день шляется масса народа.

Командир пехотинцев направился в казармы, а Федор, Летис и Урбал следом за ним. Уже когда они прошли два этажа казармы, заполненной потным запахом сотен солдатских тел, и оказались в нужной башне, Метар вдруг спросил:

– А почему этот мертвец тебя так интересует?

– Это был мой друг. Он был слугой важного лица, с которым я тоже знаком, – сообщил полуправду Федор. – Я должен кое-что уточнить по его просьбе.

– Сам сенатор Магон прислал тебя? – с восхищением проговорил Метар, даже останавливаясь на одном из пролетов лестницы, под узким окном, сквозь которое едва пробивался свет. – Это великий человек. Если увидишь его скоро, Федор Чайка, замолви за меня словечко.

– Непременно, – кивнул Федор, поневоле останавливаясь в проходе, где мог пройти только один человек. Летис с Урбалом замерли позади. – Только я увижу его еще не скоро. Сенатор в столице, а я плыву в Испанию. Но обещаю не забыть. Карфагену нужны хорошие солдаты. Долго еще идти?

– Мы уже на месте, – ответил Метар, указав рукой под окно, – вот здесь он и лежал, на боку. Но смотреть тут нечего.

Тем не менее Федор шагнул вперед, протиснувшись мимо Метара, и, нагнувшись, стал

пристально вглядываться в каменные ступени, так плохо подогнанные друг к другу, что между ними виднелись широкие щели. Некоторое время он молча изучал поверхность, отполированную солдатскими башмаками, как вдруг в одном из проемов что-то блеснуло.

В этот момент Метара снизу окликнули.

– Я здесь, наверху, – крикнул он, и, обернувшись к Федору, добавил, как бы извиняясь: – Спущусь на склад, а вы можете вволю смотреть на эти ступеньки. Все равно здесь ничего нет. Но, когда я вернусь, вам придется уйти, поскольку мне нужно выдавать пароли ночным патрулям.

– Хорошо, – кивнул Федор, не веря своему счастью, а когда тот ушел, посмотрел на Летиса и приказал глухим шепотом: – Дай кинжал!

Ничего не понимающий здоровяк вынул и протянул узкое лезвие, а Федор, схватив его, присел на корточки и быстро выковырял из щели между плитами какую-то цепочку. В этот момент снизу вновь слышались шаги. Федор, не глядя, засунул ее за панцирь и встал, вернув кинжал другу.

– Это я, – сообщил Метар, поднимаясь, – прибыл посыльный от коменданта, я должен заниматься службой.

– Мы уже уходим, – ответил Федор, окинув на прощание нарочито безразличным взглядом узкую лестницу, – ты был прав, здесь нет ничего интересного.

– Сколько времени прошло, – подтвердил Метар, разводя руками.

– Но при случае я напому о тебе Магону, – добавил Федор.

Выйдя из казарм, они прошагали метров двести. Свернув за угол ближайшего дома, Федор остановился на пустынной улице и вытащил из-за панциря свою находку. В вечернем свете блеснула тонкая цепочка, но не та, что в глубине души боялся увидеть Федор. Птицы с обломанным крылом на ней не было. Зато на ней была подвешена небольшая монета, на которой с одной стороны он разглядел дельфина, плывущего по волнам, а на другой совы. Вместо глаз совы зачем-то были просверлены два отверстия. Монета была карфагенская.

– Тоже птица, – пробормотал Федор, пряча находку обратно и еще не зная, что с ней делать. – Ладно, возвращаемся на корабль. – Но, посмотрев на разочарованное лицо Летиса, добавил: – Через харчевню.

– Вот это дело, – подтвердил Летис правильность решения, – а то у меня в животе уже урчит от голода. Нельзя же ложиться спать голодным. Завтра ведь весь день в море болтаться.

И он первым пошел вперед.

– Что мы ищем? – не выдержав, все же спросил Урбал, приблизившись к Федору, когда они зашагали вниз по пустынной улице постепенно погружавшегося в сон города.

– Еще и сам не знаю, – признался Чайка, – так, хотел кое-что уточнить.

– Командир пехотинцев назвал убитого человеком Магона. Это его цепочка?

– И насчет цепочки не уверен, – ответил Чайка, пристально взглянув в глаза другу, – Метар ведь прав, народу там проходила тьма с тех пор. Мог и кто-то другой обронить.

– Но ты так не думаешь? – продолжал задавать вопросы Урбал, и Федор уже пожалел, что взял друзей с собой. Поначалу все шло хорошо. Но Урбал явно заинтересовался этой историей, связанной с Магоном. Да и кто бы на его месте не заинтересовался.

Они прошли по пустынной улице молча еще метров пятьдесят. И Чайка уже придумал, что ответить Урбалу, как вдруг из переулка навстречу им вышли пятеро человек с обнаженными мечами в руках. Все они были в лохмотьях, под которыми, однако, наметанный глаз Федора заметил короткие кожаные панцири. Да и в движениях чувствовалась выучка. Эти ребята только хотели казаться бродягами, а на самом деле были воинами. Или бандитами. В любом случае оружие держать умели.

«Значит, я не ошибся, – вынужден был признать Федор, вспоминая того бродягу, что исчез недалеко от котона, – это по нашу душу».

Летис, шедший первым, от удивления даже остановился. А Федор, услышав шорохи за спиной, обернулся и заметил, как сверху улицу перекрыли еще семеро с мечами и

кинжалами в руках.

– Нет, поесть мне сегодня, похоже, не дадут, – выругался Летис, выхватывая фалькату, и рывкнул: – Ну, кто рискнет подойти первым?

Глава шестая **Деревня ардиев**

Две баллисты тоже были ощутимой потерей, но с ней ему было легче примириться, чем с потерей орудия, изготовленного самим Архимедом. Да еще с таким трудом выпрошенного у Федора. Поэтому Леха быстро успокоился и, сделав все необходимые распоряжения, был готов выступать. Но, прежде чем снова тронуться в путь, чтобы заблаговременно разыскать место для ночлега, он успел узнать еще одну новость.

– Мы тут захватили одного из вождей этих ардиев, – доложил ему подъехавший Инисмей, – может пригодиться.

– Вот подарок, так подарок, – окончательно пришел в хорошее расположение Ларин и сделал повелительный жест рукой, – давай его сюда! Сейчас мы с ним потолкуем. И грека позови.

Когда упиравшегося широкоплечего воина в козьей шкуре с разбитым в кровь лицом и связанными за спиной руками приволокли к головной телеге, Эвбиад, оставив кельтов, был уже там.

– Хорошо тебя отделали, – проговорил Леха без всякого сожаления, рассматривая волосатого воина в изорванной одежде. У этого пирата была рассечена бровь и разбита скула, бока ему тоже намали основательно. Впрочем, пленный ардий был жив, на ногах стоял и даже огрызался, бросая полные ненависти взгляды в сторону своих конвоиров, словно совсем не боялся смерти. Шестеро скифов на конях, к одному из которых был накрепко привязан пленный, окружили его с трех сторон, чтобы не вздумал бежать.

– Он убил своим топором пятерых наших воинов, – пояснил Инисмей такие меры предосторожности, – пока его не скрутили. Бился вместе со своим отрядом, человек пятьдесят их было, значит, местный вождь.

– Вождь, говоришь, – усмехнулся Ларин, слезая с коня и останавливаясь напротив пленника.

– Ты знаешь язык ардиев? – обратился Леха к Эвбею, а когда старик неуверенно кивнул, приказал: – Спроси, как его зовут.

Грек пробормотал какую-то тарабарщину. Ардий, судя по всему, понял, что от него хотят. Повел плечами и, злобно посмотрев на своих конвоиров, буркнул что-то в ответ.

– Он не хочет называть своего имени, – обернулся к Лехе переводчик, – пока его не развяжут. Он вольный человек.

– Может, тебе еще и топор дать? – не выдержал Леха и, шагнув к ардию, впери в него полный злости взгляд. – За то, что ты положил в бою столько моих людей, вольный человек, я тебе могу голову отрубить без затей. Так что ты меня еще благодарить должен за то, что я с тобой тут разговариваю. А время даром я терять не хочу. Так что выбирай – или будешь говорить со мной, или...

Немного успокоившись, Леха вновь повернулся к Эвбею.

– Пусть скажет, сам он додумался напасть на обоз или ему кто-то подсказал? А заодно далеко ли отсюда находится его деревня?

Была у Ларина мыслишка до наступления темноты навестить эту деревеньку с ответным визитом и «зачистить» всех, кто еще не успел сбежать. Вечерело. И шанс был слабый, но пока был, если это недалеко. Надо было торопиться. А то ночевать придется прямо на дороге.

– Он не скажет, где его деревня, – перевел Эвбиад, – даже под страхом смерти.

В этот момент позади раздались крики ярости, и Ларин, обернувшись, увидел, как к месту допроса пытается прорваться один из кельтов. В руках он держал меч и, судя по всему,

очень хотел побеседовать с вождем ардиев. Наверно, одним из убитых этим вождем был кто-то из его соплеменников.

– Не подпускайте его! – приказал Ларин и приказал переводчику: – Объясни ему, что это мой пленник и, пока я с ним не разберусь, он останется в живых.

Грек смерил кельта опасливым взглядом, но подчинился. Едва выслушав то, что попытался разъяснить ему Эвбиад, он оттолкнул старика в сторону, намереваясь пройти, но дорогу ему преградили конные скифы, направив на него свои копья. Обругав всадников на своем языке, кельт все же смирился с судьбой, в ярости отбросил меч в сторону и сел на придорожный камень, ожидая, чем закончится допрос. Уходить и терять из вида этого ардия он явно не собирался.

– Значит, не скажет, где его деревня? – уточнил Леха, возвращаясь к разговору.

Грек отрицательно помотал головой.

– А мне и не надо, – неожиданно отмахнулся Леха и, обернувшись к переводчику, добавил: – Сами найдем. Кельты ведь знают, где эта деревня?

– Думаю, да, – понял ход его мыслей Эвбиад, посмотрев на кельта, который, словно почуяв, что разговор вновь зашел о нем, вскочил и стал мерить шагами дорогу. Даже подобрал свой огромный меч. – Ведь земли скордисков лежат немногим дальше. До них всего около дня пути. Завтра уже должны войти в их владения.

– Отлично, – решил Леха, недобро усмехнувшись, – тогда объясни этому вольному человеку, что я его последний раз спрашиваю, сам он сюда пришел или послал кто?

Грек перевел. И Ларин, ожидая, что пленник вновь будет отмалчиваться, был несказанно удивлен, когда того вдруг словно прорвало. Ардий долго что-то говорил, брызжа ядовитой слюной. И адмиралу показалось, что тот изрыгал все возможные проклятия на голову скифов. Когда переводчик донес до него смысл сказанного, Леха понял, что был недалек от истины.

– Он говорит, что ардии – вольные люди и никому не будут подчиняться. Ни македонцам, ни скифам, захватившим окрестные земли. А потому они всегда будут биться с ними, убивать и помогать их врагам. В этот раз они согласились помочь римлянам, которые сообщили им о скором прибытии обоза в их земли и пообещали большую наживу, если ардии уничтожат его. Но они не смогли и теперь не получают от консулов обещанного золота.

– Так значит, это не пиратская вылазка, – усмехнулся очень довольный услышанным адмирал, словно ничего другого и не ожидал услышать, – римляне навели. Да еще золота обещали. Ай да консулы, и тут достали. Ганнибала на них нет. Ну ничего. Недолго осталось ждать Риму, пока машины Архимеда сотрут его с лица земли.

Леха отвернулся от пленника.

– Теперь мне все ясно, – проговорил он, отходя в сторону и словно мгновенно позабыв о существовании вождя ардиев.

– А что с ним делать? – поинтересовался Инисмей. – Убить?

– Зачем, – обернулся Леха, – у меня есть идея получше. Я хочу посмотреть, как он дерется. Отдайте его нашему проводнику. Пусть сам с ним разделается. Развяжите этого ардия и топор верните.

Некоторое время ни пленник, с которого сняли путы, ни кельт не верили в такой исход. Но когда перед вождем ардиев бросили на землю его оружие, а скифские всадники разъехались в стороны перед кельтом, открывая ему дорогу, обоим стало все ясно. Не теряя ни мгновения, вождь ардиев подхватил с земли топор и, вскинув его, приготовился к бою. А кельтский воин, подняв над головой меч, бросился вперед с таким яростным воплем, словно ждал этого мгновения всю жизнь.

Перед тем как они сошлись на битву, ардий что-то громко прокричал, обращаясь явно к адмиралу, который, взобравшись на коня, вместе с остальными скифами, оцепившими небольшое пространство, ожидал начала смертельной схватки. Всем было ясно, что выяснять отношения эти ребята будут не до первой крови.

– Что он сказал? – спросил Леха у переводчика, который стоял неподалеку.

– Он поблагодарил вас, – ответил грек.

– За что? – не понял Леха.

– За то, что дали ему возможность умереть как воину, – пояснил Эвбиад.

– Мы тоже воины и чтим традиции, – быстро нашелся Леха, на самом деле удивленный тем, что нечаянно смог оказать этому пирату услугу. Зато перед своими бойцами он выказал благородство, увидев в их глазах одобрение. Любой из них предпочел бы смерть на поле битвы позорной казни.

Кельт и ардий сошлись в поединке. Кельт нанес удар первым, с разбегу взмахнув своим длинным, почти двухметровым мечом, которым метил в голову своего противника. Но того не зря охраняли шестеро воинов. Парень был крепкий. Он увернулся от удара и тут же оттолкнул от себя кельта рукоятью топора, ощутимо приложив по ребрам. От толчка кельт отлетел на пару метров и, зацепившись за торчавший из земли корень дерева, упал. Ардий сразу же бросился в атаку и нанес мощный удар своим исполинским топором, который должен был расколоть голову его проводнику. Однако кельт уже откатился в сторону и даже вскочил на ноги, держа в руках свое оружие.

Бой сместился с дороги на край леса. Скифы немного подались назад, освобождая пространство, но Ларин сделал знак следить в оба. «Кто их, этих пиратов, разберет, – размышлял командир осадного обоза, – может, он тут только прикидывается, что решил расстаться с жизнью. А сам топор бросит, и бежать в лес. Но я ему такого удовольствия не доставлю. За кровь скифов этот римский наемник должен ответить».

– А разве мы не хотели сберечь проводника? – осторожно поинтересовался Инисмей. – Я ведь должен был охранять его от опасностей.

– В крайнем случае, – успокоил скорее себя, чем сотника, Леха, – у нас останется последний. До Истра, говорят, не так чтобы далеко. Как-нибудь доберемся. Не впервой.

Кельт заревел, как разъяренный кабан, и вновь махнул мечом. Ардий отшатнулся, – меч прошел буквально в миллиметре от его плеча, вспоров козью шкуру. Новый удар топора должен был отрубить кельту правую ногу, но тот вовремя убрал выставленную вперед стопу, и острие лишь отбило щепку со ствола дерева. Топор ардия был не такой, как у кельтов, он имел только одно широкое лезвие, зато какое. Им можно было перерубить средней толщины дерево. Впрочем, виденное адмиралом кельтское оружие не уступало этому. Но проводник оказался у места допроса именно с мечом, хотя Леха был не прочь увидеть, как они разрешили бы спор на топорах.

Ардий продолжал теснить своего противника, который, отбивая удары более тяжелого оружия, отступал, осматривая дорогу. Уклонясь и взмахивая изредка мечом, длинноволосый кельт то кружил по дороге, то прятался за деревьями, но пока так и не нанес точного удара. Это продолжалось несколько минут. Поединок начинал затягиваться, а Ларин даже заскучал. Он рассчитывал, что все решится быстрее, за несколько хороших ударов. «Он, что, решил измотать противника, – подумал Ларин, увидев, как его проводник в очередной раз пригибается и отступает, уклоняясь от удара, – ждет, пока тот сам не рухнет от усталости?» Его так и подмывало крикнуть кельту, словно гладиатору, – добей его!

Но ардий и не думал уставать. Он был какой-то двужильный. Все махал и махал топором. Однако закончилась схватка неожиданно. После очередного взмаха, когда ардий взметнул топор над головой, чтобы обрушить его на своего противника, кельт вдруг резко поднял меч горизонтально земле, оттолкнулся, словно хотел прыгнуть вперед, и нанес быстрый колющий удар в грудь. Противник, уже привыкший к одним рубящим ударам, явно не ожидал выпада. Это было так просто и быстро исполнено, хотя удар требовал большой силы, что Ларин даже не успел удивиться. Вождь ардиев был пронзен насквозь – огромное лезвие пробило шкуру и вышло из спины, по которой заструилась алая кровь, стекая ручейками на землю.

Вождь, поняв, что убит, прохрипел что-то, выронил массивный топор и рухнул на камни. А кельт опустился рядом и, отбросив ненужный теперь меч, вытащил из-за пояса кинжал. Над дорогой тут же зазвучала его громкая победная песня. Кельт пел так

самозабвенно, что казалось, ничто больше его уже не интересует.

– Я видел все, что хотел, – проговорил адмирал, разворачивая коня, едва кельт взялся за волосы убитого ардия.

Леха не хотел видеть, как кельт отрезает голову поверженного противника, чтобы прибить ее потом на стену своего жилища как военный трофей. Но и мешать этому не хотел. Его просто не поняли бы собственные воины. Такие уж в этом времени бытовали нравы.

– Разыщи второго, – приказал Леха переводчику, – и расспроси, где находится деревня.

Спустя пятнадцать минут Ларин уже знал все, что нужно. Деревня ардиев стояла километрах в десяти отсюда, если двигаться в обход по дороге. И почти половину можно было срезать, если двигаться через лес.

– Успеем еще до захода солнца, даже по дороге, – решил Леха, натягивая поводья, – покажем этим недоноскам, что такое скифская конница.

После нападения на обоз адмирал недосчитался без малого полсотни бойцов. Это его не радовало, – потерять столько солдат, еще даже толком не отдалившись от побережья Адриатики. Бой они, конечно, выиграли и ардиев положили вдвое больше, но, если считать две сгоревшие и две поврежденные баллисты, римляне все равно могли записать себе в актив этот день. Отряд Ларина стал меньше. А сами они, натравив ардиев на скифов да еще не расплатившись с ними, остались только в выигрыше. И теперь Леха хотел отомстить тем врагам скифов, кто ушел от его меча. Пусть не многих он там найдет, но зато в тыл ему сегодня и завтра уже никто не ударит.

«Надо будет отправить гонца к Иллuru, чтобы получше „зачистил“ потом эти места, – размышлял Леха во время бешеной скачки по узкой дороге, – а пока я сам поработаю».

Двое оставшихся кельтов с радостью вызвались показать им деревню. Леха дал им коней, которых у него теперь был даже излишек, а грека-переводчика оставил у обоза. В бою и так все понятно будет, без перевода.

Обогнув заросший лесом холм, дорога пошла вниз по лесной просеке, словно специально прорубленной в этой чащобе, и привела их к мосту. Переправа, шириной в несколько бревен, нависала над бурливой рекой. Скалистые берега обрывались вниз отвесно, бродом здесь и не пахло. Едва выскочив на открытое пространство, Ларин, скакавший впереди двухсот скифов, которых взял с собой на это дело, увидел в сумерках силуэты нескольких ардиев, что торопливо разбирали мосток. Двое воинов, забросив луки за спины, с натугой подняли огромное бревно, скинув его в реку на глазах подоспевших скифов.

– Вовремя мы сюда успели, – обрадовался адмирал, – еще чуток, и не видать бы нам другого берега. А ну, остановить их!

Повторять команду не стоило. Скакавшие первыми всадники мгновенно сдернули луки и быстро перебили тех, кто находился на мосту, расстреляв их почти в упор. Последний ардий попытался убежать, но получил стрелу в спину и, покачнувшись, упал в бурный поток.

– Вперед! – приказал Ларин. – Еще до того как стемнеет, мы должны быть в этой чертовой деревне!

Скифы по одному переправились на другой берег и, не дожидаясь остальных, устремились дальше. Однако Ларин приказал Инисмею оставить здесь человек двадцать для охраны. Неизвестно было, сколько ардиев еще бродит по окрестным лесам.

С остальными он преодолел еще несколько километров по тропе, что теперь пошла вверх и была такой узкой, что было ясно, конница здесь редко появлялась, а сами ардии предпочитали передвигаться по лесу пешком. У развилки они вынуждены были остановиться, но подоспевший кельт махнул рукой направо, и все скифы устремились следом за ним. Тропа шла вдоль берега реки, петляя между деревьями. Откуда тот знал дорогу, Ларина не интересовало, главное – чтобы вывел точно. Ведь ночь была уже не за горами. Там, где они скакали, силуэты людей уже начинала съедать вечерняя мгла. Леха опасался, как бы вновь не напороться на засаду из лучников, но они передвигались так быстро, что скорее рассеянным в недавнем бою ардиям следовало бояться гнева разъяренных скифов.

Деревня появилась неожиданно. Выскочив из леса на полном скаку, они оказались у подножия плоского безлесого холма, почти сплошь застроенного хибарами и землянками. На первый взгляд деревня казалась пустынной, но Ларин чувствовал, что ардии здесь. И немало. Он оказался прав. Стоило ему заметить передвижение людей на южной оконечности деревни и направить туда своих воинов, как в воздухе засвистели стрелы.

– Эти лесные жители не хотят сдаваться без боя, – усмехнулся Леха, отбивая щитом прилетевшую откуда-то из-за обветшалого забора стрелу, – хорошо, тогда мне придется наказать их сильнее. Инисмей!

Когда сотник оказался рядом, гарцуя под стрелами ардиев, Ларин крикнул ему:

– Что-то стало темно. Поджечь деревню!

Едва сотник ускакал, скрывшись среди домов, в небо над деревней устремились горящие стрелы. Они веером, напомнив Лехе трассеры из прошлой жизни, рассыпались в небе и обрушились на дома. Вскоре на холме занялся пожар. Сразу стали видны многочисленные скифы, растекшиеся по всем деревенским улочкам, и ардии, яростно отстреливавшиеся из-за домов. Их было действительно немногим меньше сотни. Однако ни женщин, ни детей Леха среди них не заметил – видимо, уже успели сбежать, – а потому с легким сердцем отдал приказ окружить деревню и перебить всех, кто оказывал сопротивление.

Сам он, дождавшись возвращения сотника, устремился на тот дальний край, где заметил группу солдат и даже телег, что пыталась уйти от преследования по лесной дороге. Видимо, хотел сбежать еще какой-то вождь, прихватив с собой казну. Судя по охране и повозкам, он был покруче того, что попал к ним в руки. Каково же было удивление Ларина, когда, пробившись сквозь лучников, он догнал колонну и в изменчивом свете, что отбрасывал горевший неподалеку дом, разглядел римские панцири.

– Вот это номер, – радостно вскрикнул Леха, перехватывая покрепче свой меч, – сами римляне у нас в руках. Инисмей, возьми человек тридцать и отсеки их от леса, а я нападусь сзади.

Перед ним было около трех десятков римских легионеров, изумленных неожиданным нападением, но тем не менее перегородившим дорогу и доступ к закрытым повозкам. На одной из них, позади строя, Леха заметил офицера. Сомкнув skutумы, римляне приготовилась к отражению атаки, хотя понимали, что против конницы, да еще такой многочисленной, им не устоять. И все же центурион – Леха сразу узнал его по шлему с поперечным гребнем – крикнул что-то ободряющее своим солдатам, чуть приподняв короткий меч.

– Он хочет умереть героем, – пробормотал Леха и махнул рукой, – так пусть умирает, мне некогда с ними переговоры вести.

Пока Инисмей завершал окружение, сминая по дороге разрозненные очаги сопротивления ардиев, Леха, не вступая в переговоры, тоже атаковал арьергард римлян. Скифы провели короткую «артподготовку» из луков, скосив человек пять легионеров, несмотря на доспехи и щиты.

– Командира взять живьем! – едва успел крикнуть он, врубаясь в шеренги римлян.

Очень ему захотелось знать, кто именно подбивал ардиев на сопротивление. Конь адмирала ударом копыт свалил переднего легионера, а Леха приголубил по шлему другого. Правда, сам едва не получил удар гладием в бок. Отбил щитом, меч римлянина только скользнул по кольчуге, и ответил ударом на удар. Угодил в лицо. Звякнув по нащечнику, его меч поразил легионера в глаз, и тот, свалившись с дикими криками, скрылся где-то внизу, обливаясь кровью. А Ларин, протаранив последнюю шеренгу, оказался уже рядом с повозкой.

Осадив коня, он поискал глазами римского офицера, но не смог в сгущавшихся сумерках разыскать его. За это время сразу трое легионеров оказались рядом. Один нацелился рубануть мечом ногу адмирала, но чуть промахнулся и, пробив попону, ранил коня. Еще двое нанесли свои удары с другой стороны и тоже промахнулись, вспоров бок

животного. Лишь один все же смог задеть Ларина по ноге, которую обожгла резкая боль, несмотря на защитные поножи. Леха в ответ рубанул его по шее и достал. Но тут раненый конь из последних сил прыгнул вперед, ноги его подкосились, и Ларин, перелетев через холку, оказался в канаве.

Еле встав на поврежденную ногу, Леха приготовился к отражению новой атаки сразу нескольких легионеров, но к нему успел подбежать только один. Другого зарубил своим топором проводник-кельт, проскакавший у него за спиной. В падении brave адмирал потерял щит. Но и легионер бросился на него с мечом, после того как отшвырнул свой тяжелый skutum, мешавший наступать. Он не обратил на смерть своего товарища никакого внимания и стремился лишь к одному – убить командира скифов, чтобы подороже продать свою жизнь. Но в планы Лехи никак не входило умирать сегодня вечером, и он, преодолевая боль, скрестил свой меч с гладием римского легионера.

Наступая, тот нанес несколько мощных ударов. Скрещиваясь, их мечи вышибали искры. Леха из-за ранения в ногу, хоть и легкого, вынужден был все время отступать и пятиться. Сделав еще один неловкий шаг, он зацепился за какую-то корягу и упал навзничь. Но римлянин, в пылу атаки не заметивший коряги, тоже задел ее и полетел за ним. В последний момент Ларин успел выставить клинок, и легионер рухнул прямо на острие, с треском прорвавшее кожаный панцирь чуть ниже пластины, прикрывавшей сердце. А меч римского солдата воткнулся в землю в сантиметре от головы адмирала.

– Извини, парень, – оттолкнул от себя мертвеца командир скифов, поблагодарив богов за спасение, – я еще должен до Истра добратся.

Когда он встал, рядом уже гарцевали несколько скифских всадников, один из которых был сотником.

– Вы живы? – крикнул Инисмей.

– Жив, только немного оцарапал ногу, – кивнул Леха, который не ощущал еще боли, пребывая в пылу сражения.

Прихрамывая, он подошел к Инисмею и погладил его лошадь по холке.

– Всех римлян перехватили, никто не ушел?

– Похоже, всех, – подтвердил скиф, – когда мы отрезали эти повозки от леса, туда смогли убежать лишь несколько ардиев. Мы не стали преследовать их и повернули сюда.

– А где командир этих посланцев Рима? – спросил Ларин, окинув взглядом поле боя, по которому то и дело проносились скифские всадники. Однако большинство из них уже перестали сражаться и собрались поблизости, охватив полукругом повозки.

– Вон там, – указал рукой сотник на переднюю повозку, у которой валялись трупы римских легионеров.

– Живой? – с сомнением уточнил Ларин. – Я же приказал взять живым.

– Когда он увидел, что ему не вырваться, то выхватил меч и набросился на одного из моих воинов, – как бы извиняясь сообщил Инисмей, – и тот убил его.

– Отлично, – проговорил Ларин, – теперь не с кем будет потолковать о римской помощи. Хотя... туда ему и дорога. Мне все и без его признаний ясно.

Леха сделал несколько неуверенных шагов по направлению к повозкам и ощутил, как заболела нога. Ходить ему становилось все тяжелее.

– Смотрели, что в повозках? – поинтересовался адмирал, кое-как доковыляв до одной из них.

– Еще нет, – ответил Инисмей, поглядывая на пылавшую деревню ардиев, где уже было подавлено последнее сопротивление. Леха присел на боковину и потрогал массивный замок, запиравший деревянный короб, с виду напоминавший передвижной сейф. Его стенки были обиты металлическими полосами, а сам он сделан из крепкого дерева, которое даже гореть должно было очень долго. «Что же там скрывают римляне, – подумал адмирал, понемногу теряя силы, кровь из ноги продолжала сочиться при каждом движении, – раз так хотели увезти, что даже не бросили при моем появлении».

– Сбей! – приказал он сотнику.

Тот подал знак, и двое крепких скифов обрушили удары своих топориков, что был на поясе у каждого, на замок, выбив его в два счета. Поднапрягшись, они откинули крышку. Ларин заглянул туда, уже почти зная, что там увидит. В отсветах костра блеснули монеты. Командир обоза зачерпнул горсть и пересыпал к себе на ладонь.

– Римское золото, – констатировал он, присмотревшись и продемонстрировав его своим бойцам, – которым они хотели оплатить нашу смерть.

А посмотрев на плававшего в луже крови римского офицера, что привез его сюда, добавил:

– Но теперь мы в расчете. Приведите коня.

Когда Ларину подвели нового коня, он взобрался на него и выслушал доклад второго сотника о том, что армии полностью уничтожены. Когда остальные телеги были осмотрены, – в них оказались вещи посланника, а также припасы, оружие и доспехи, – Леха отдал новое приказание.

– Повозку с римским золотом возьмем с собой, оно нам пригодится, а остальные бросить здесь. Возвращаемся. Больше нам здесь нечего делать.

Миновав мост уже в полной темноте, – повозка с золотом сильно затрудняла движение, – они без приключений вернулись к своему обозу, с которым за это время ничего нового не случилось. На всякий случай, преодолев бурную реку, Леха приказал уничтожить за собой единственный мост. «Кто их знает, этих ардиев, – подумал адмирал, – больно упертые ребята. А нам сегодня на дороге ночевать».

Глава седьмая

Две монеты

Люди с мечами осторожно приближались, перегородив узкую пустынную улочку сверху и снизу. Место, где остановились трое друзей, было выбрано явно заранее. Никаких калиток и поворотов, куда бы можно было ускользнуть. Только глухая высокая стена с обеих сторон. Так что выбраться можно было, лишь пробившись сквозь нападавших.

– Похоже, не одни мы разыскиваем то, что осталось от этого парня, – заметил Урбал, тоже обнажая клинок.

– Может, ты и прав, – пробормотал Федор, вспоминая, что письмо Ганнибала тоже находилось при нем. Не мог же он оставить столь ценную вещь на корабле. – А может быть, это просто грабители.

– Чего же они тогда не требуют денег? – усмехнулся Урбал, встав вполоборота к Чайке.

– Подожди, – «успокоил» его Федор, вытягивая фалькату из ножен, – сейчас потребуют.

Бандиты, однако, уже подошли достаточно близко, чтобы Федор мог прочесть в их глазах холодную злобу и понять, деньги им не нужны. Им уже хорошо заплатили. За убийство. «Ну что же, – как-то буднично подумал Чайка, еще раз пересчитав нападавших и поправляя шлем на голове, – само по себе это кое о чем говорит. Значит, я на верном пути».

Летис между тем устал ждать, пока кто-нибудь рискнет напасть на него, и сам бросился вперед, затеяв драку с двумя ближними бандитами, облаченными в какие-то рубища. Щитов не было ни у тех, ни у других.

Первый, бородач с платком, повязанным на голове как бандана, уклонился от удара, отскочив в сторону, а второй не успел. Атака Летиса была молниеносной. Несмотря на его массу, двигался здоровяк из Утики быстро. И его фальката после первого же выпада вспорола лохмотья и спрятанный под ними панцирь, войдя глубоко в плоть. На лице бандита отразилось недоумение, и он, замерев на мгновение, со звоном выронил свой короткий меч на камни. А затем повалился на него сам. Под мертвецом быстро расплывалось красное пятно.

– Один есть! – радостно воскликнул Летис, отступая на шаг.

Но тут остальные четверо, увидев смерть товарища, бросились на него все разом. К

счастью, улица была не столь широка, чтобы атаковать всем фронтом, в этом была ошибка тех, кто планировал нападение, поэтому бандиты, несмотря на обуявшую их ярость, смогли подскочить к Летису только вдвоем.

– Давай! – орал здоровяк, уклоняясь и отбивая посыпавшиеся на него удары. – Попробуй возьми!

Увидев, что впереди завязалась драка, те, кто отрезал финикийцам путь к отступлению, тоже бросились в атаку, не дожидаясь встречного нападения. Летис один сражался с пятью, а здесь на двоих друзей приходилось семеро. Но и эти решили сначала не рисковать своими жизнями, зная, что перед ними достойный противник. Федор лишь в последнее мгновение заметил знакомое движение в заднем ряду бандитов и блеснувший в вечернем воздухе короткий клинок. Чуть уклонившись в сторону, он отвел широким лезвием фалькаты брошенный в него кинжал. Урбал просто пригнулся, и предназначенное ему лезвие со звоном ударилось о каменную стену.

– Плохо же вас готовят, – процедил он сквозь зубы и нанес встречный рубящий удар ближе всех подбежавшему бандиту, который бежал на него, подняв над головой меч.

Но клинок распорол лишь лохмотья, звякнув по металлу, а сам Урбал еле увернулся от удара, который должен был снести ему голову. «Неужели у них даже кирасы под лохмотьями? – удивился Федор, отбивая удар меча и чуть отступая. – Странные ребята».

Но второй удар финикийца был точен. Урбал проткнул бок своему поединщику, и, когда тот распластался на камнях, стал виден рыжий кожаный панцирь, обшитый пластинами из металла на груди. Тем временем Федор едва не проморгал мощный выпад, который вспорол его собственный панцирь на боку. А затем еще один удар, – клинок звякнул по шлему.

Отведя чуть в сторону руку противника с мечом, Федор с наслаждением въехал тому кулаком в челюсть, раскрошив ее. От удара в лицо парень на мгновение потерял связь с реальностью. И командир двадцатой хилиархии не дал ему второго шанса, всадив фалькату отточенным ударом в правое подреберье снизу вверх, поскольку левое прикрывала пластина. «Странный панцирь, – оттолкнув ногой издыхающего противника, подумал Федор, которому привиделось в нем что-то знакомое, но давно забытое, – похож на римский».

Однако представить, что по городу, буквально набитому войсками Карфагена, да еще в двух шагах от казарм, запросто бродит вооруженный до зубов отряд римских диверсантов, он не мог. Мысль позвать на помощь у него промелькнула, но криков все равно отсюда не услышат, да и времени дожидаться подмоги им не дадут. Вечерело. Бандиты явно торопились закончить дело по-быстрому и разбежаться под покровом темноты. Но у карфагенян были другие планы.

А потому Федор продолжил сражение, уже напоминавшее мясорубку. Слишком многое зависело от того, сохранит ли он свою жизнь. В какой-то момент ему показалось, что нападавшие отлично знают, кто он такой, и стремятся убить только его, – сразу трое, оставив в покое Урбала и Летиса, набросились на Чайку, оттеснив от друзей. Еще одно обстоятельство поразило Федора: за время ожесточенной схватки в тесноте улицы бандиты не проронили ни слова, как будто были немые. Кричал на весь квартал только Летис, сопровождавший свои рубящие удары воплями ярости.

Пока Федор отбивался от троих, еле увернувшись от очередного удара кинжалом в бок, здоровяк из Утики сплеча рубанул по шее своего противника, отправив его к богам, и пришел на помощь Федору. Наскочив сзади на одного из одетых в лохмотья бойцов, он без зазрения совести всадил тому в спину свой клинок, а выдернув его из обмякшего тела, рубанул второго по голове, расколов ему череп. У нападавших, в отличие от карфагенян, шлемов не было. Они надеялись только на свое короткое оружие, что пронесли под лохмотьями, и численное превосходство, но этого оказалось мало. Федор легко разделался с последним, сначала проткнув ему бедро. А когда тот упал перед ним на колено, истекая кровью, хлестким ударом в ярости отрубил ему голову.

– Ты как? – поинтересовался Летис, бросив взгляд на подпорченный панцирь

командира, когда тот перестал бешено озираться по сторонам, ожидая нового нападения.

– В порядке, – отмахнулся Федор, быстро оглядев ссадины на плече и руках, – ничего серьезного. Урбалу помощи.

Но этого не понадобилось. Финикиец, сражавшийся с двумя оставшимися бойцами в десяти шагах, сначала ранил в руку одного из них, а потом добил его колющим ударом в шею. Последний, увидев, что нападение не удалось и все его подельщики уже плавают в собственной крови, бросился бежать в переулок. Но меткий бросок Летиса настиг его буквально в метре от угла дома. Парень споткнулся и упал замертво. Из его спины, чуть пониже лопатки, торчала рукоять кинжала.

– Молодец, – похвалил его усталым голосом Федор, добавив: – Хотя я предпочел бы с ним перед этим немного потолковать.

Осмотрев тела нападавших, Чайка опять поймал себя на мысли, что панцири на них очень походили на защиту легионеров, только слегка укороченную и облегченную. Словно специально перешитую из стандартного образца. Окончательно сбитый с толку Федор уже направился вниз по улице, как далеко позади послышались крики и топот. А спустя пару минут их догнал отряд пехотинцев с факелами. Впереди солдат бежал сам Метар.

– Вы живы? – крикнул он, едва оказался рядом и с удивлением рассматривая трупы, повсюду валявшиеся на улице. – Мне доложили, что тут идет драка.

– Да еще какая, – усмехнулся Летис, положив окровавленный клинок себе на плечо, – беспокойно у вас на улицах. Похоже, вечером по Лилибею шагу нельзя ступить, чтобы не встретить грабителей.

– На нас напали, – проговорил Чайка, обводя рукой поле боя, – судя по всему, хотели ограбить.

Метар вновь с недоверием уставился на мертвые тела, на которых из-под лохмотьев виднелись хорошо знакомые ему панцири.

– Грабители? – произнес он с недоверием, пересчитывая трупы. – Давно у нас такого не случилось. Что им от вас было надо?

– Как всегда, деньги, – ответил Федор, – но мы сами разобрались. Поэтому не стоит поднимать шума.

– Я должен доложить о случившемся коменданту, – пробасил Метар.

– Хорошо, – не стал спорить Федор, – делайте что должны. А мы отправляемся на корабль.

– Может быть, дать вам охрану? – проговорил Метар, не слишком поверивший в историю с ограблением.

– Не стоит, – ответил Федор, – мы и сами дойдем. Вряд ли нас попытаются ограбить дважды за вечер.

И трое уставших друзей медленно направились в сторону порта сквозь сумерки. На этот раз Летис не посмел напомнить об упущенном ужине. Хотя ярость сражения, едва утихнув, заставила его ощутить муки голода вдвое сильнее. Заметив озадаченный вид Федора, здоровяк ничего не сказал, а лишь испустил вздох сожаления. Сам же Чайка думал совершенно о другом, не обращая внимания на переживания Летиса.

До корабля, однако, они добрались все же не так быстро, как хотели. Едва спустившись в нижний город и приблизившись к котону, они заметили толпу с факелами. Увидев непривычное для этого времени скопление народа, Федор сразу почувствовал неладное. А когда друзья подошли поближе и протиснулись сквозь переговаривавшихся людей, среди которых были в основном торговцы и ремесленники, возвращавшиеся с базара, то увиденное подтвердило его самые мрачные ожидания.

На краю сухого дока, – сверху он заметил все верно, воды здесь не было, – раскинув руки, лежал Зета. Из его груди торчал кинжал. Чуть в стороне, за бочками со смолой, которых здесь было выставлено великое множество, Федор увидел еще одного мертвого посла. Он был убит ударом в спину, но до этого успел дорого продать свою жизнь. Вокруг валялись трое бандитов, одетых в лохмотья так же, как и только что напавшие на Федора

люди. Все они были буквально изрублены. На груди, руках и голове каждого красовалось несколько алых борозд, оставленных мечом посла. А одного он даже лишил правой руки, отрубив кисть вместе с кинжалом.

– Крепкая тут была драка, – проговорил Федор, глядя на побоище.

– Да, – подтвердил Летис, невольно оглядываясь по сторонам, – не хуже нашей.

– Значит, на нас напали одновременно, – предположил Урбал, сопоставив два события. – Федор, ты случайно не знаешь почему?

Чайка не ответил. Двигаясь вдоль каменного ограждения этой внутренней гавани, он продолжал искать глазами Хирата, у которого хранилось первое письмо Ганнибала. И вскоре, бросив взгляд на дно сухого дока, освещенного слабым светом мерцавших по верхней кромке факелов, он увидел его. Посол Гасдрубала лежал на камнях у самого днища приподнятой на стропилах триеры, словно мешок с костями. Руки его были раскинута, а шея неестественно выгнута. Он плавал в луже собственной крови. «Письмо! – пронеслось в мозгу Федора. – Надо спасти письмо!»

Он шагнул к лестнице, что была спущена в док, но дорогу ему преградили шестеро пехотинцев, уже выставленных здесь кем-то из прибывших офицеров.

– Туда нельзя, – заявил один из них, встав перед Чайкой, – приказ коменданта. Здесь произошло убийство.

– Я Федор Чайка, командир прибывшей эскадры, – проговорил Федор, еле сдерживая закипающую ярость и мгновенно входя в роль большого начальника, – эти люди – послы, которые плыли на моем корабле. На нас самих только что напали, едва не убив. И я хочу осмотреть тело, что бы там ни приказал вам комендант, который знает меня лично.

За его спиной молча встали Летис с Урбалом, полные решимости и еще не отошедшие от недавней схватки. Пехотинец осмотрел их потрепанный вид, заметил ссадины на руках и повреждения в амуниции. Затем оглянулся на своего старшего и, увидев кивок, отошел в сторону.

– Скоро прибудет сам комендант, – на всякий случай сообщил солдат.

– Вот и отлично, – проговорил в раздражении Федор, выдергивая из земли горевший факел, – когда прибудет, я спрошу у него, почему в подчиненном ему городе, где просто не продохнуть от солдат, запросто убивают на каждом углу и даже жизни послов не могут сохранить. Ох, не понравится это Ганнибалу.

Услышав имя главнокомандующего, солдат окончательно уверился в том, что Федор из тех, кто может проходить сквозь кордоны и без приказа коменданта. Но Чайке было уже все равно. Он добился своего.

Летис с Урбалом остались наверху. А он, держа в одной руке факел, быстро спустившись по лестнице на дно глубокого дока, подошел к мертвому послу. Над ним темной громадой возвышался корпус триеры. Осторожно присев на корточки рядом, чтобы не запачкаться в его крови, Федор обернулся спиной к наблюдавшим за ним пехотинцам и запустил свободную руку за панцирь. Пошарив там с омерзением, – Хират уже остыл, – выдернул руку обратно. Письма не было.

– Значит, все-таки письмо, – пробормотал Федор, поднимаясь и обратив внимание на то, что с мертвеца был срезан также кошелек, висевший на поясе, чтобы выдать все за ограбление. – Ганнибал предвидел это.

То, что Чайка не нашел письма, ни на секунду не уверило его в том, что оно может найтись на корабле, хотя вещи послов он, конечно, осмотрит. Но уже сейчас Федор был просто уверен – Хират не стал бы хранить письмо на корабле, как и он сам. Значит, его украли, и это отметало последние сомнения. На них напали не бандиты. А странная «птица» слуги Магона могла быть ни при чем.

«Впрочем, кто знает, – пробормотал Федор, с озадаченным видом направляясь обратно к лестнице, – кто знает».

Он поднялся наверх и, не став дожидаться прибытия коменданта, в сопровождении друзей покинул место побоища. Не теряя времени, Чайка направился в порт и спустя

двадцать минут был уже на борту «Агригента», разрешив Летису и Урбалу заниматься своими делами. Сам же немедленно разыскал капитана.

– Как идет погрузка? – поинтересовался Федор, найдя Бибракта у носовой лестницы в трюме. Там носильщики, подняв мешки по сходням, втаскивали внутрь припасы.

– Все в порядке, – отрапортовал Бибракт, закончив отчитывать одного из нерасторопных носильщиков, едва не уронивших мешок на головы морпехам, – мы почти закончили. Да и остальные корабли тоже. Мы готовы к отплытию завтра утром.

– Все на месте? – уточнил Федор и сам удивился звуку своего голоса, словно еще не верил до конца в то, что случилось.

– Все, – подтвердил Бибракт, против воли заинтригованный тоном нового командира эскадры. – Почти. Не вернулись еще послы Гасдрубала. Но я думал, они на берегу вместе с вами.

– Они не вернутся, – глухим голосом сообщил Чайка, – только что их всех убили недалеко от котона.

– Как? – Изумлению капитана «Агригента» не было предела. – Здесь, в Лилибее? Но кто это посмел сделать?

– Не знаю, – просто ответил Федор, – возьми ключи и следуй за мной. Я хочу осмотреть их вещи.

Только проходя мимо солдата с факелом, освещавшим сходни, пораженный происшедшим Бибракт обратил внимание на порванный панцирь Чайки и ссадины на руках, воскликнув:

– На вас тоже напали?

– Да, – ответил Федор, не останавливаясь, – но не стоит поднимать шума.

Бибракт кивнул. Вдвоем они спустились на вторую палубу за ключами. Оттуда Федор в сопровождении капитана, который лично держал факел, проследовал мимо гребцов и морпехов, еще не знавших о происшествии, на корму, где располагался кубрик, приютивший на время плавания людей Гасдрубала. Их собственная триера по указанию главнокомандующего осталась в порту Тарента.

Оставив капитана за дверью, Федор вошел в помещение и перерыл все сундуки, которые послы захватили с собой. Вещей было немного. В основном личная одежда, доспехи и парадное оружие, предназначенное для приемов у главнокомандующего. Никаких папирусов или дощечек для письма Федор не нашел. Однако в глубине одного из сундуков он обнаружил почти пустой кожаный кошель. Машинально Федор поднял его и опрокинул на шершавые доски стола, прибитого к палубе. Из кошелька выкатилось несколько монет. Обычных карфагенских «слонов» на первый взгляд. Но, посмотрев внимательнее, Федор заметил, как с одной монеты, отличавшейся от других, просверленными дырками вместо глаз на него шурится знакомая сова.

– Вот это да, – пробормотал Чайка и, воткнув факел в специальную подставку на стене, осел на скамью, – вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Положив монету на стол, он вытащил из-за пазухи медальон на золотой цепочке, найденный в казарме, и положил рядом. Сомнений быть не могло. Эти монеты, принадлежавшие разным людям, имели одинаковый вид и явно предназначались не для обмена в лавке.

– Значит, один из послов Гасдрубала тоже был предателем. Только вот кто? – выдохнул Федор, у которого появилось ощущение, что он все время отстает на шаг от событий. – И на кого он работал? Где его хозяева?

В этот момент снаружи послышался топот подкованных армейских башмаков, а затем в дверь осторожно постучали.

– Что там случилось? – подал голос Чайка, не вставая с места.

– На борт «Агригента» прибыли Гетрамнест и комендант порта, – сообщил Бибракт ему из-за двери, – они хотят видеть вас.

– Хорошо, – ответил Чайка, спрятал монеты, взял факел и вышел на палубу, где его

дожидались высокие гости.

Оба офицера стояли у передней мачты в сопровождении десяти охранников. Свежий ветер, поднявшийся к ночи, развеивал полы их плащей.

– Хират мертв, – сообщил Федору Гетрамнест, едва тот приблизился, – и остальные послы тоже, на них напали.

– Как и на меня, – не скрывая раздражения, сказал Федор, продемонстрировав гостям рваный бок своего панциря.

– Так, значит, я не ослышался, – проговорил комендант, – это вы тот офицер, что прибыл на место убийства еще раньше меня. По описанию, что мне дали, я почти узнал вас.

– Да, это я, – подтвердил немного удивленный Федор. – Разве солдат не назвал вам моего имени? Впрочем, не важно. По дороге из верхнего города, откуда я возвращался всего с двумя своими людьми, на нас напали человек пятнадцать вооруженных бандитов. Хотел бы я знать, откуда они взялись в Лилибее, который «так хорошо» охраняется?

– Метар доложил мне и об этом, – признал комендант, – а еще он сказал, что вы втроем отбили нападение и умертвили всех бандитов.

– Не на вас же надеяться, – бросил ему в лицо Чайка, отметив про себя, что Метар, похоже, не рассказал коменданту, зачем к нему приходил Федор, – по возвращении из Испании я доложу Ганнибалу, как вы тут охраняете город.

– Как пожелаете, – нахмурился комендант.

– Что ты теперь будешь делать? – уточнил Гетрамнест. – Послы мертвы. Поплывешь с нами?

– Нет, – ответил Федор, в неровном свете пытаясь рассмотреть выражение лица флотоводца и поймав себя на мысли, что он теперь не знает, кому доверять, кроме своей интуиции, – еще до того, как они погибли, мы успели обсудить курс. Завтра я отправляюсь в Испанию по своему маршруту.

Глава восьмая

Скордиси

Ночь прошла спокойно, несмотря на то что весь обоз остался ночевать почти на дороге, лишь отдалившись от места нападения ардиев на несколько километров. Леха приказал двигаться в полной темноте до тех пор, пока не нашлась приличная поляна. К счастью, это произошло довольно быстро. Там, поставив повозки кругом, чтобы иметь хоть один рубеж обороны в случае нового нападения, Ларин разрешил ночевку.

– Вряд ли они нас побеспокоят еще раз, – сидя на бортике одной из телег, пояснил адмирал Токсару, который отвечал за ночные дозоры, – сам понимаешь, мы сегодня задали им жару. Но все равно смотри в оба, мы еще на земле этих проклятых ардиев!

– Никто не подойдет ближе чем на один полет стрелы, – уверил его скиф, скрываясь в темноте.

Леха проводил Токсара взглядом и обернулся к лекарю, который при свете факела осматривал раненую ногу командира. Что-то римлянин ему надрезал, несмотря на поножи, то ли мышцу, то ли сухожилие. Болело сильно, но жить дозволили. Для начала рану с запекшейся кровью промыли водой из ручья и стянули тугой повязкой, оставив дальнейший осмотр до утра.

– Ну вот и славно, – решил Леха, – некогда мне лечиться. На мне все как на собаке заживает.

И выпив вина из бурдюка, с удовольствием растянулся на одной из телег.

Спал он плохо, наутро нога опухла, разболелась сильнее, и прежде чем тронуться в путь, Леха опять вызвал лекаря. Тот осмотрел и сообщил, что придется сделать еще надрез, выпустить «плохую кровь».

– Ты смерти моей хочешь? – усмехнулся Ларин, преодолевая боль. И подумал, глядя, как тот готовит нехитрый инструмент: «Доделать работу за римлян решил, старый хрен?»

На престарелый скиф, слывший хорошим костоправом и даже хирургом среди воинов Иллур, был неумолим. За время походов он накопил большой опыт по вправлению всяких вывихов и лечению переломов. Иногда, и Леха сам это видел, даже сшивал костяной иглой разрубленные в бою мышцы. Вот и сейчас он, похоже, собирался не только выпустить из него «плохую кровь». Да Леха и сам понимал, – надо. Получить рану в самом начале похода было, конечно, не очень весело. Но она была не такой уж и тяжелой, если не допустить заражения.

– Инисмей, отправляйся с проводниками вперед и разведай дорогу до границы с кельтами, – приказал Ларин подъехавшим сотникам, – и еще возьми две сотни Иллур, а ты, Уркун останешься со мной обоз охранять. Поезжай, Инисмей, мы вас потом догоним.

Распорядившись, Леха вновь вернулся к своим делам. Скиф-лекарь заставил его выпить немного вина, засунул в рот какую-то деревяшку – «мол, сожми зубами» – и, не долго думая, полоснул отточенным кинжалом по икре. Леха взвыл, едва не заматерившись по-русски, хрустнул деревяшкой, но сдержался. А это было только начало. Подождав, пока «плохая кровь» стечет на траву, лекарь взял иглу. А затем ловко всадил ее в ногу. У Ларина возникло чувство, что скиф «работает» по живому, да так оно почти и было. Вино – это же не спирт, анестезия из него слабая. Впрочем, лекарь свое дело знал и делал быстро. Не обращая внимания на стоны «пациента», он сшил разрезанную мышцу и вновь наложил повязку, наказав не ходить хотя бы день.

– Коновал, – простонал Леха, откинувшись на телеге, – позовите Уркуна, скажите, чтобы двигались в путь.

До полудня все шло спокойно и Леха, измученный лекарем, даже немного поспал и оклемался. Поскольку сидеть на лошади ему тоже было пока нежелательно, то он ехал на телеге, искоса поглядывая на Эвбея, шагнувшего чуть впереди. Леху неожиданно озадачила мысль, что теперь они с Эвбеем были похожи – оба хромы. Но грек так сильно припадал на изувеченную ногу, что командир скифов даже загрустил.

«Неужели мне теперь на всю жизнь хромым оставаться? – терзал себя Ларин сомнениями, но тут же старался их прогнать, поскольку болеть не любил. – Черта с два. Вот подзатынется чутко, и опять на коня сяду. Скифы, хвала богам, не пехотинцы. А на лошади на худой конец можно и хромым ездить».

Эти мысли заставили его вспомнить о Федоре, который в прошлой жизни был сыном хирурга, а попав сюда, как он сам рассказывал Ларину при встрече, провел даже несколько операций в полевых условиях. «Наверное, – усмехнулся скифский адмирал, рассматривая показавшееся впереди ущелье с водопадом, – вот так же людей по живому резал. Ох уж мне эти хирурги».

Когда его телега доскрипела до конца ущелья, там обнаружился мост через небольшую пропасть, на дне которой шумела бурная река. Мост был пошире, чем вчерашний, но тоже не впечатлил Ларина. Десяток бревен, набросанных друг на друга и кое-как связанных, соединяли два высоких берега горной реки. «И кто здесь только мосты строит, – подумал Леха, поневоле вспоминая те крепкие римские и греческие строения, которые ему удалось увидеть за время короткой „поездки“ в южную Италию, – да по нему и телега-то не проедет».

– Мы уже на земле кельтов? – уточнил Леха, когда увидел подъехавшего к нему Инисмея с десятком всадников в «чешуе». Скифы заполнили все подступы к этому ущелью. Часть из них виднелась уже на другом берегу. Видимо, здесь все было спокойно, и сжимавшие ущелье скалы уже не таили в себе опасности.

– Еще нет, – ответил сотник, – земля скордиков за мостом, на той стороне.

– Тогда чего мы стоим, – нервно проговорил Ларин, посмотрев на обрывистые берега, – быстрее вперед. Нечего здесь задерживаться.

Честно говоря, когда телега, груженная также частями баллисты, двинулась к мосту, бравому адмиралу захотелось вылезти из нее и пройти пешком ту дюжину метров, что разделяла эти берега. Но лекарь предвидел это и снова предупредил, что хотя бы

сегодняшний день он должен провести сидя. А не то придется опять сшивать. Этого Ларин совсем не хотел. Да и тихо было вокруг, если не считать грохотающей реки. В общем, Леха сдержался. Сделал вид, что все отлично, и стал рассматривать спину ковылявшего впереди грека-переводчика. Эвбиад шел за двумя кельтами, а те за конем скифского лучника, посматривая себе под ноги, поскольку никаких ограждений, чтобы держаться, здесь не было.

Когда телега, вздрогнув, заехала на мост, Леха немного напрягся. Привалившись спиной к закрепленным на ней балкам, он невольно посмотрел вниз, на открывшуюся под ним перспективу. Место было красивое – желтые каменные сбросы, водопад, сосны, – окажись он здесь в другое время, можно было бы и оттянуться по полной программе. Но сейчас он никак не мог отделаться от ощущения, что от этой красоты исходит какая-то опасность. Пока телега, покачиваясь, медленно перекачивалась по бревнам, неприятно проседавшим под ней, Ларин, ощущая свою беспомощность, изучал скалы. Но они молчали. «Чего это я задержался, – попытался приструнить себя Леха, – тоже мне адмирал, на телеге по мосту проехать испугался».

И все же не успела телега, прогрохотав по бревнам, оказаться на другой стороне каньона, как его предчувствие сбылось. Свиста он не услышал, река заглушала все посторонние звуки, но шагавший впереди Эвбиад вдруг дернулся и застыл на мгновение в нелепой позе. Остановив взгляд на его спине, Леха увидел багровое пятно между лопаток, которое быстро расплывалось по тунике вокруг древка черной стрелы. Сделав шаг в сторону, греческий переводчик оступился на краю обрыва и рухнул вниз, разбившись о камни, а течение реки быстро утянуло его тело, словно его и не было.

Шагавший чуть впереди кельт с топором тоже дернулся, получив стрелу в плечо. Но это был крепкий парень, и он успел даже развернуться и вскинуть топор, прежде чем получил вторую и третью прямо в грудь. Уронив топор в стремительно несущуюся воду, он улетел за ним сам.

Остальные успели среагировать, вскинув щиты. А скифского адмирала спасла балка, в которую рядом с ним ударились сразу три стрелы, не причинив ему никакого вреда.

– Твою мать, – дернулся адмирал, когда третья стрела, хлестко щелкнув о крепкую балку, разломилась пополам и улетела в волны реки, – я же чувствовал, что мы не всех добили в этой деревне.

Не прошло и секунды после того, как ведомая перепуганным возницей телега съехала с моста, как рядом с командиром оказалось несколько всадников, прикрыв его своими конями, телами и щитами. Впрочем, обстрел не был сильным. Это явно отработали «снайперы». Развернувшись в сторону скал, откуда прилетели эти «гостинцы», скифский адмирал заметил вставшего в полный рост человека в козьей шкуре и еще нескольких рядом с ним. Все они потрясали луками и что-то кричали, явно издеваясь над скифами.

– Прощальный привет от ардиев, – горько усмехнулся Леха, и приказал прекратить обстрел, когда скифы стали пускать стрелы, безуспешно пытаясь поразить засевших высоко на скалах ардиев, – поехали. Мы сюда еще вернемся, и тогда... А сейчас не время.

Когда каньон с водопадом остался за поворотом дороги, а ущелье расширилось, Леха обернулся назад, проговорив себе под нос:

– Оставили меня без переводчика, суки. И без проводников.

Впрочем, один кельтский воин все же был еще жив. И дело свое делать не отказывался. Убедившись в том, что его соплеменника не вернуть, а объясняться со скифами на его языке больше никому, он махнул рукой и зашагал вниз.

Буквально через полчаса они повстречали отряд, человек сорок длинноволосых воинов, лица которых были размалеваны боевой раскраской. Голые по пояс, без всяких доспехов, если не считать кольчугу их предводителя, с мечами и топорами они представляли живописное и одновременно устрашающее зрелище.

– Нас, похоже, встречают, – проговорил Леха и, жестом подозвав Инисмея, отправил его понаблюдать за переговорами. Мало ли что могли учудить эти бойцы, приняв появление их небольшого войска за нападение. Воевать с ними Ларин хотел сейчас меньше всего.

Но местные кельты, увидев одного из своих, быстро уяснили, в чем дело. И, сразу потеряв к скифам интерес, бросились в противоположную сторону, видимо, решив отомстить беспокойным ардиям за смерть собрата. «Пусть что угодно делают, – решил Леха, глядя, как кельты пробегают мимо его телеги, исчезая среди скал, – лишь бы до реки довели».

С тех пор как они преодолели мост, дорога шла все время вниз, петляя между скал. Так они двигались еще примерно пару часов, когда за очередным поворотом, на поляне неожиданно возникла деревушка, обнесенная частоколом. С первого взгляда было ясно, что здесь живут ремесленники и воины, а не только пахари, хотя вокруг имелись и огороды. Над несколькими низкими домиками, так прижавшимися к земле, что больше походили на землянки, поднимались дымы. Здесь явно находилось несколько кузниц или другое кустарное производство. Леха превыше всего почитавший скифских мастеров кузнечного дела, был наслышан, что и кельты могли кое-что предьявить. Да и сама деревушка, хоть и была в три раза меньше деревни ардиев, разительно отличалась от своих соседей. Местные жители явно знали толк в ремеслах и жили не только грабежом и войной.

У массивных, слегка приоткрытых ворот дежурила стража – человек десять рослых парней в кольчугах. Завидев приближавшихся скифов, они насторожились, затворили ворота. А один из них сразу нырнул в глубь селения, где по улицам бродило не меньше полусотни кельтов разного возраста, занятых своими делами. Со своего места на небольшом возвышении Леха рассмотрел за частоколом женщин и детей.

– Обожди, – остановил Инисмея Ларин, – когда тот собрался с отрядом всадников приблизиться к воротам, – проводник тоже из местных, пусть сначала договорятся. А то напугаем еще, стрельба начнется. Иллур меня за это не похвалит.

Последний оставшийся проводник, бросив предупредительный взгляд на командира скифского воинства, чья телега теперь ехала в самом начале колонны, шагнул вперед. Подняв руку, он что-то громко прокричал. Но защитники деревни, собравшись за частоколом, не спешили открывать ворота незваным гостям, даже увидев среди них одного кельта. Слишком уж грозными выглядели сотни затянутых в броню скифских лучников, остановившиеся неподалеку от небольшой деревни.

Лишь после того как проводник в одиночестве приблизился к воротам и перебрался с ними несколькими фразами на своем языке, оставшимися для скифов тайной, ворота со скрипом отворились. «Да, всего несколько часов прошло, а переводчика мне уже не хватает, – подумал Леха, глядя, как навстречу к ним неторопливо выходят кельтские воины, – но делать нечего, придется налаживать контакт на международном языке жестов».

Проводник, вернувшись к телеге, руками показал ему, что деревня готова его принять и, как понял Ларин, пытаясь разгадать странные вращения пальцев, ее жители даже что-то хотят ему показать.

– Может, заедем ненадолго, поговорим, а потом дальше двинемся? – решил посоветоваться Леха, спокойно обращаясь к Инисмею и Токсару на скифском в присутствии проводника в полной уверенности, что его тут уже никто не поймет.

– А зачем? – удивился сотник. – Нам же к реке надо.

– Вдруг тут еще кого найдем, – больше рассуждал сам с собою Ларин, поглядывая на настойчивые жесты проводника, все зазывавшего его в деревню. – Лишние проводники нам не помешают. Да и припасы пополнить пора.

– Я выполню любой приказ, – ответил сотник.

– Тогда заглянем, – решился Леха, в котором интерес взял верх, – посмотрим, что за деревушка, и дальше двинемся. Вы оба и еще пятьдесят человек со мной. Остальным рассредоточиться вокруг деревни. И посматривайте, чтобы ворота были все время открыты. Мало ли что.

Сотник отдал необходимые приказания, и телега с адмиралом медленно въехала в ворота, вслед за местными жителями и проводником. День, назначенный лекарем, еще не прошел. А Леха привык доверять этим умникам хотя бы первый день, поэтому решил

выслушать местных старейшин не сходя с колес. Не на лошадь же было забираться ради случая свести знакомство с местными кузнецами.

Еще на подъезде к этой деревушке Леха почуял носом резкие запахи – то ли кожи здесь выделывали, то ли в кузнях так воняло. А может, и то и другое. При взгляде на немудреные, но крепкие на вид постройки адмиралу вообще показалось, что жилых домов среди них почти нет. Проехав метров тридцать, они остановились возле одного из домишек, почти по самую крышу вросшего в землю. Местные охранники тотчас стали показывать на несколько кольчуг и панцирей, развешанных прямо на стене на специальных крючках, явно привлекая внимание скифского военачальника к своим изделиям.

– Ты мне доспехи, что ли, решил продать? – спросил Леха, с усмешкой глядя на одного из старейшин, что вышел вперед.

Это был низкорослый кельт в панцире из пластин, нашитых на грубую кожу. Под панцирем у него, похоже, была надета тонкая кольчуга, во всяком случае кольчужная «юбка» свешивалась вниз, закрывая пах и бедра. Сверху на кожаном ремне висел большой меч. Не столь длинный, как у проводника, но достаточно мощный. Несмотря на возраст, мужик был крепкий, как кабан. Это чувствовалось в его манере двигаться. Похоже, он был главным в этой деревне.

– У меня этого добра хватает, – отмахнулся Леха, ничуть не переживая, что его речь не поймут. – Да и разве потянет ваш доспех против скифского?

Почуяв усмешку вождя, кельт потерял свои длинные усы, а затем выхватил меч из ножен. Всадники, что окружали телегу, мгновенно вскинули луки, натянув тетиву.

– Погоди, Инисмей! – остановил его Леха. – Не такой же он дурак, чтобы на меня броситься. Показать что-то хочет.

– А ты, уважаемый, – продолжал вещать на знакомом языке Леха, словно находился у себя в стойбище, – не делай резких движений. А то у меня ребята нервные, если что, и союзников не пощадят.

Старый кельт молча выждал, пока страсти улягутся, и жестом показал одному из своих бойцов бросить кольчугу на стоявший в двух шагах топчан. Тот сдернул кольчугу с крючков на стене и кинул ее, куда было приказано. А старейшина подошел к ней и с размаху рубанул мечом. Потом еще и еще раз. А затем воткнул свой меч в землю и поднял кольчугу вверх, растянув ее за рукава и продемонстрировав абсолютно целые звенья. Ни одного не разрубил.

Среди кельтов раздался гул одобрения, а скифы молчали, храня суровое спокойствие.

– Знатная кольчуга, – кивнул Ларин, ничуть не сомневавшийся в том, что меч у местного старейшины не притупился, – только пусть ее и мои воины испытают. А ну-ка, Инисмей, попробуйте местные изделия на прочность. По-всякому.

Теперь настала очередь кельтов беспокоиться. Поскольку все скифы словно по команде опять вскинули луки и, выждав мгновение, пока кельты не расступились в обе стороны, пустили по стреле в висевшие на стене кольчуги и панцири. Большинство стрел отскочили от них, как от заговоренных. И все же парочка застряла, найдя слабые места.

– Неплохо, – кивнул скифский адмирал, усаживаясь на телеге поудобнее, чтобы рассмотреть всю «презентацию», – а теперь мечами и копьями.

Несколько воинов спешили и, приблизившись к кольчугам и панцирям, нанесли по паре хороших ударов. Звенья выдержали, и лишь когда всадники, отъехав чуть в сторону, подскочили к стене кузницы прямо на лошади и всадили в свои мишени по копьё, одна из кольчуг оказалась пробитой.

– Добротно, – снизошел до похвалы Ларин, – хотя скифские все равно лучше. Ладно, куплю у тебя несколько доспехов, в хозяйстве пригодится. Токсар, отсыпь ему золота, сколько попросит. Да о еде договорись.

Что именно и как Токсар втолковал кельтскому старейшине, Леха не знал, но когда обоз вновь двинулся дальше по узкой дороге, то в нем прибавились две новые телеги. На одной везли купленные кольчуги и несколько топоров – очень уж они Лехе понравились, – а другая была доверху загружена припасами.

Дали кельты и двух проводников, но те дошли со скифами лишь до соседнего селения, отстоявшего километров на пятнадцать, а потом вернулись назад. Так что в Истру их вел по-прежнему единственный из оставшихся проводников. Впрочем, Ларин уже не так беспокоился за исход предприятия, ведь сейчас они находились на территории дружественного племени, которая, если ему не изменяла память, простиралась до самого Истра. «Еще пару дней, – подбадривал себя адмирал, не слезавший с телеги, – и будем на месте».

Природа вокруг была буйной, но привычными для скифов равнинами здесь и не пахло. То и дело путь осадного обоза пересекали речки и не многим отличавшиеся от них ручьи. Горы, едва начавшись у побережья Адриатики, все не кончались. Правда, были они здесь не слишком высокие, до Тянь-Шаня далеко, и поросшие лесом, но разгуляться особенно было негде. Каждый раз с большим трудом приходилось разыскивать достаточно широкое место под лагерь. Обычно все подходящие поляны или плоскогорья были заняты кельтскими деревнями. Поэтому Ларин не раз отдавал приказ вставать на ночлег рядом с какой-нибудь деревушкой.

Так они шли еще целых три дня от селения к селению, которых здесь оказалось немало. А вот больших городов пока не встречали, хотя по мере приближения к воде деревни становились все крупнее и богаче. А в одной Леха с удивлением обнаружил даже небольшой монетный двор, – здешние умельцы по приказу своих вождей отливали собственную монету и копировали македонские. А кроме того, развлекались изготовлением украшений. Довольно искусных, надо сказать. Ларин не удержался и обменял у них одно особенно полюбившееся ожерелье на скифский кинжал, решив подарить его Заране, когда доберется до Крыма. Правда, как скоро это случится, он и думать не стал, чего себя зря расстраивать. Но ожерелье было красивым.

В общем, хозяйство скордиков, по сравнению с жившими по соседству ардиями, находилось на довольно высоком уровне. Кельты были не только воинами, но и неплохими хозяевами, а кое в чем – настоящими мастерами.

Слегка затянувшееся путешествие, которое Леха был вынужден провести в телеге, благотворно сказалось на его здоровье. Рана начала понемногу затягиваться. А когда к исходу очередных суток за поворотом показалась широкая лента реки, призывно блестящая на солнце, Леха уже сидел на лошади. Хотя забирался он на нее и слезал еще не так быстро, как его воины. Да и наступал на раненую ногу с опаской.

По мере приближения к берегу им стали попадаться навстречу десятки телег с товарами и большие отряды, отчего обоз немного снизил скорость. А когда Ларин, привыкший к деревням за время пути по земле скордиков, увидел на берегу настоящий город с каменной стеной и пристанями, то был удивлен.

– Смотри-ка, – поделился он впечатлениями с Токсаром, который ехал рядом, – целый город. А я уже начал беспокоиться, где мы тут в этих деревнях найдем корабли.

Кораблей между тем было великое множество. Здешние кельты, похоже, вели обширную торговлю с прилегающими землями. Все пирсы были забиты судами, с которых непрерывно сгружали на берег тюки и бочки, какие-то мешки. Однако на первый взгляд здесь швартовались в основном небольшие суда размером с бирему.

Заметив приближение странного обоза с большой охраной, местные стражи вышли ему навстречу. Отряд человек в пятьдесят вооруженных до зубов кельтов перегородил им дорогу. Но, переговорив с проводником-кельтом, для которого по договору этот город был последней точкой маршрута, в ворота пропустили и даже снабдили новым переводчиком из македонцев, что находился здесь, как выяснилось, как раз на такой случай.

– Своего проводника мы потеряли, – пояснил Ларин новоявленному греку, худощавому мужику в серой тунике с большой неостриженной бородой, после того как распрощался с кельтским военным начальством, – пока сюда добирались.

– Он говорит, что его убили ардии, – ответил догадливый грек, указав на приведшего их сюда кельта-проводника, с которым он уже успел переговорить, пока тот ждал своих

денег. Вообще-то македонцы прислали Иллuru этих людей бесплатно, в счет союзнических обязательств. Но Леха не поскупился и заплатил ему сверху. Все-таки довел до места, да и жизнью своей рисковал ради них. Так что заслужил.

– Но разве воины царя Иллuru давно не утомили их? – уточнил любознательный грек, которого ему предоставили тоже бесплатно, – Я хоть и нахожусь здесь уже давно, слышал, что ваши войска заняли все побережье.

– Мы разогнали почти всех пиратов, – неохотно признал Леха и добавил, немного приврав для убедительности: – Но кое-то из них успел убежать в горы и до сих пор прячется там, совершая нападения на обозы. Их осталось немного, и не долго они будут портить нам жизнь. По дороге сюда, я уверен, мы уничтожили последнее гнездо ардиев.

– Надеюсь, – с поклоном ответил грек и перешел к делу: – Так сколько кораблей вы хотите нанять и как далеко надо плыть?

Разговор происходил на небольшом возвышении, площадке, которая имела ограждение из бревен и нависала над берегом. Это была часть местной набережной, по которой проходила мощенная деревом дорога в сам порт, начинавшаяся с широкой лестницы. По соседству виднелся местный рынок. Здесь же находилось несколько лавок и даже складов, где купцы могли оставить свой не пристроенный пока товар до утра, прежде чем решить, что с ним дальше делать.

Чтобы не будоражить портовый люд, Ларин оставил обоз и своих скифов на окраине городка, приказав стать лагерем у стен. Все равно предстояла, как минимум, одна ночевка. А сам доехал сюда и, спустившись с коня, прошел оставшиеся двадцать метров на берег, ковыляя в сопровождении грека, Токсара и нескольких воинов.

Внизу был виден порт, где, несмотря на вечернее время, всюю шла разгрузка и даже небольшой торг прямо на пирсе. Там Леха заметил несколько людей в греческих одеждах, видимо, македонских купцов.

– Мне нужно несколько триер, – сообщил Леха, прикинув количество солдат и груза, которое ему понадобится перевезти вниз по течению, – корабля четыре, лучше пять, и еще парочка грузовых судов. У меня большой обоз.

Грек казался озадаченным.

– Сейчас здесь мало таких крупных судов, – пробормотал он в растерянности, словно ожидал, что скифы попросят его найти дюжину лодок, – да и вообще триеры редко заходят к истокам Истра. Здесь бурное течение и пороги попадают. Сюда ходят в основном биремы.

Леха молчал, давая ему высказаться.

– Вот если бы вы прошли берегом до слияния русел или даже чуть дальше, до земель дарданов, – предложил он, осторожно поглядывая на Токсара и остальных бородатых воинов, стоявших за спиной своего командира молчаливыми стражами, – в тех местах уже можно спокойно плавать на триере.

– Знаю, – оборвал его адмирал, – в тех местах я уже плавал. А сейчас мне нужно до них добраться для начала, и как можно быстрее. Да и хлопотно это, берегом добираться. Там ведь уже владения скордисков кончаются?

– Да, – подтвердил грек, – это племя владеет берегом всего на два дня пути. А дальше живут, жили... – поправился он, – гетские племена, а за ними дарданы и трибаллы. Я слышал, что там сейчас смутно. Геты опять восстали.

«Как быстро разносятся слухи», – с неудовольствием подумал Ларин.

– Ничего, мы быстро приведем их к покорности, – успокоил его Леха уверенным голосом, который не должен был оставить никаких сомнений в том, что именно так все и будет, – у нас сильная армия.

Грек быстро кивнул, стараясь угодить скифскому военачальнику. Но тот на всякий случай поинтересовался:

– А в этих местах восставшие геты пока не появлялись?

– Нет, – ответил грек, скользнув взглядом по торговым кораблям, силуэты которых постепенно скрывались в наступавших сумерках, – скордиски воинственны. Если кто-нибудь

вторгся бы на их территорию, то непременно пожалел бы об этом, а я сразу узнал бы о нападении.

– Хорошо, – кивнул Ларин, – тогда займись кораблями. Я хочу знать еще до заката, на чем и когда мы сможем отсюда уплыть. Найдешь меня в лагере у крепостной стены.

И не дожидаясь ответа, захромал к своему коню.

Глава девятая

По дороге в Сагунт

Ветер был свежий, но к счастью, попутный и в шторм пока не переходил. Море вздымало свои изумрудные волны, блестевшие под лучами полуденного солнца, обдавая пенными брызгами стоявших на корме людей. «Агригент», рассекая тараном волны, в сопровождении дельфинов стремился к берегам Испании. За ним следовали еще одиннадцать квинкерем.

– Где мы сейчас? – уточнил Федор, с удовлетворением оторвав взгляд от пустынного горизонта, на котором не было видно ни одной мачты.

– Ночью оставили Сардинию по правому борту, – сообщил Бибракт, также осмотревший горизонт на севере, – и сейчас на полпути от Балеарских островов. С какой стороны прикажете их обогнуть?

Чайка задумался, бросив взгляд через плечо на Урбала с Летисом, которых вызвал утром, чтобы расспросить, знает ли кто-нибудь среди морпехов о случившемся в Лилибее и что именно говорят. Любые, даже самые странные, версии могли его натолкнуть на правильную мысль. Ведь для выводов у него было слишком много противоречивой информации. Поэтому он с ними и не спешил, полагая, что все пути ведут в Испанию и те, кто прислал своих людей убить послов, вполне могли продолжить начатое, если по каким-то причинам письмо Хирата их не убедит. Федор ни минуты не сомневался, что информация о смерти послов просочится на корабль, хотя он никому об этом не объявлял. Однако послы не вернулись на корабль, и это трудно было не заметить. До Лилибея они постоянно ошивались на палубе и громко разговаривали, став чем-то вроде местной достопримечательности. Конечно, в Лилибее они могли сойти, но Урбал подтвердил, что морпехам известно об их смерти.

«Ладно, – успокоил себя Федор, жестом отпуская своих друзей, – шила в мешке не утаишь. Недоглядел за послами, придется лично отчитываться перед Гасдрубалом. Правда, для начала нужно к нему добраться».

Судя по всему, римляне в этих водах были частыми гостями. По данным разведки, базировались они по большей части в Массалии, Нарбонне и последнее время в окрестностях Тарракона. Насколько Федор мог припомнить, после изгнания римлян с Сицилии Ганнибал планировал окончательно выбить их из Сардинии, которая еще не вся целиком подчинялась Карфагену, и Корсики. Эти острова, конечно, по размерам не могли сравниться с благодатной Сицилией, но защищенных и укрепленных бухт, в которых мог укрыться неприятельский флот, там еще хватало. А значит, римские корабли могли в любой момент появиться с севера, запада и даже востока, поскольку Чайка отлично помнил слова Ганнибала о том, что корабли римского флота были замечены даже напротив Нового Карфагена, от которого и до Африки рукой подать.

«Совсем обнаглели эти консулы, – подумал Чайка, нахмурившись, – впрочем, чего от них еще ожидать? Вопрос стоит о жизни и смерти Рима. Тут поневоле станешь отчаянным, а братья Сципионы и так среди трусов не числятся».

Новый командующий эскадрой вспомнил и о том, что покойный Хират рассказывал ему о десантах римских морпехов на Балеарские острова и безуспешных, к счастью, попытках захватить местные крепости. По всему выходило, что задача доплыть до Сагунта была действительно не такой уж и простой. Чайка, флотоводец поневоле, со своими двенадцатью кораблями мог запросто повстречать на своем пути римский флот, в несколько

раз превосходивший его числом. Мысль о том, чтобы героически погибнуть в морском сражении, посещала его уже несколько раз с момента отплытия из Лилибея. Но он находился на службе Ганнибала и был облечен его личным доверием, а потому должен был думать не столько о своей славе, сколько о том, чтобы доставить послание Гасдрубалу. В этом письме, похоже, было нечто такое, о чем сам главнокомандующий беспокоился гораздо больше, чем о немедленном походе на Рим. Нападение на послов и самого Федора лишний раз служило подтверждением, что он вынужден был против воли играть в запутанную и опасную игру.

– В атаку ходить проще, – пробормотал Чайка, погрузившись в свои раздумья.

– Что? – не понял его Бибракт.

– Пойдем левее острова Майор ⁹, – решил Федор, вспомнив заданный капитаном вопрос, – не будем рисковать.

– Да, со стороны испанского берега римлян можно встретить чаще, – согласился капитан «Агригента», – а здесь спокойнее. Да и путь на Сагунт лежит вдоль главного острова архипелага.

– Только не уходи слишком далеко от этого острова, – посоветовал Федор, направляясь к себе, – а то повстречаем флот Гетрамнеста. Я бы этого не хотел.

– Они наверняка идут гораздо ближе к африканскому берегу, – поделился предположением Бибракт, – чтобы держать курс от Лилибея на Новый Карфаген. нужно идти далеко от Балеарских островов. Так что вряд ли это случится. Если, конечно, Гетрамнест не изменит свой курс.

Спускаясь по лестнице в кубрик, Чайка явственно представил себе, как параллельными с ними курсами чуть южнее в сторону Нового Карфагена движется «армада» почти из сорока кораблей. Плыть вместе в этих беспокойных водах было гораздо безопаснее. Но сначала Ганнибал настоял, а потом послы сообщили ему выбранный заранее курс. Так что Федору оставалось только подчиниться, тем более что Гетрамнесту он с некоторых пор тоже не доверял, подозревая шпионов в каждом, кто ему не нравился. «Нельзя так, – увещевал себя Чайка, добираясь до кубрика и с наслаждением растягиваясь на жесткой лежанке, – а то так и до паранойи недалеко».

Но смерть послов и подтвержденное монетой предательство одного из них было упрямым фактом, который только подогревал любые подозрения. Засыпая, – плыть все равно было еще долго, а во всем, что касалось корабля, он мог положиться на капитана, – Федор решил, что нападавшие по случайности убили этого предателя. А может быть, кто-то, отдававший приказ, специально их не предупредил. «Ловко, – усмехнулся Федор, переворачиваясь на бок под скрип снастей, – одним ударом и послов и свидетеля, который свое дело сделал».

Ближе к вечеру они без особых приключений достигли Балеарских островов, точнее, конечности главного острова Майор, но заходить в гавань не стали. Римских кораблей они не повстречали, зато разминулись с несколькими квинкеремами Карфагена, что спешили в обратном направлении. Еще множество пунийских кораблей, бороздивших акваторию между островами, спешили укрыться в порту. В наступавших сумерках Чайка сумел рассмотреть большую крепость на горе, возвышавшейся надо всей акваторией.

– Дайте сигнал о том, что мы следуем мимо, – приказал Федор Бибракту, – заходить не будем.

– Ветер свежее, – поделился сомнениями капитан, присматриваясь к близкому берегу, – может быть, переночуем здесь? Подождем, пока погода станет благоприятной.

– Я должен быть в Сагунте как можно быстрее, – отрезал Федор.

Конечно, топить корабли, вместо того чтобы довести их до цели, ему тоже не хотелось, но что-то говорило ему, что стоит рискнуть. Словно от времени его прибытия зависело нечто важное.

---

⁹ Архипелаг Балеарских островов делился на три, не считая самых мелких, острова – Майор, Минор, Ибица.

Обменявшись сигналами с берегом, эскадра Чайки проследовала мимо. А наутро Федор почти пожалел о том, что принял такое решение. Опытный капитан оказался прав. Ночью ветер еще усилился настолько, что их даже отнесло к югу от намеченного курса. Правда, не слишком далеко. Во мраке корабль нещадно било волнами и раскачивало, грозя расщепить о подводные скалы. Но все обошлось. Ближе к полудню морские боги смилоствились над ними, умирив стихию, и вновь показали сушу.

Осмотрев свои корабли, ни один из которых не отстал и не утонул этой ночью, Федор устремил свой взгляд на живописный, гористый и покрытый лесом остров. Он уступал размерами своему собрату, мимо которого эскадра проплывала вчера, но был не менее красив.

– Что это за остров? – поинтересовался Федор у капитана. Название острова, как ему казалось, должно было быть очень знакомым. И что-то само собой уже вертелось у него на языке, но никак не могло оформиться в слова.

Бибракт, занятый осмотром снастей и мачты, которую вновь установили после ночного шторма, нехотя оторвался от своих важных занятий. Бросил взгляд на обрывистое побережье, видневшееся по левому борту, и пробормотал:

– Ибица.

А затем вновь отвернулся к мачте.

– Ибица, – кивнул Федор, у которого все сложилось, – точно, она самая.

Еще до армии, той, что осталась в прошлой жизни, он хотел сюда съездить с друзьями и с упоением разглядывал рекламные проспекты самого близкого острова к побережью Испании. Чего здесь только не было. Развлечения на любой вкус. Тогда он так и не смог попасть на остров, являвшийся воплощением мечты для многих его сверстников и даже новых русских. А вот теперь, рассматривая гористый желто-зеленый кусочек суши, начисто лишенный каких-либо поселений и дорог, призадумался, словно мечта оказалась мыльным пузырем.

– Здесь есть города? – спросил он, вновь отрывая капитана от дел.

– Да, есть пара крепостей и несколько колоний на другой стороне острова, – пояснил Бибракт, продолжая смотреть, как матросы закрепляют мачту у основания, – там хорошая бухта. Но отсюда мы ее не увидим. Здесь самое опасное место для кораблей.

Помолчав, Бибракт добавил.

– За ночь нас отнесло в сторону, – проговорил он, сообщая командиру эскадры последние не самые приятные новости, – Но до побережья Испании отсюда уже недалеко. Если мы хотим попасть в Сагунт, надо взять правее.

Федор молча смотрел на живописный берег, проплывавший в стороне, и пустынное море вокруг. Корабли, прятавшиеся от шторма в гаванях Ибицы, не решились пока покинуть остров.

– Долго еще идти? – спросил наконец Федор, отворачиваясь от Ибицы и возвращаясь в реальность.

– К вечеру будем, – ответил Бибракт.

– Хорошо, – кивнул Федор, – возвращайтесь на старый курс.

«Значит, если Баал-Хаммон нас не покинет, – рассудил Федор, отправляясь к себе, – вечером будем уже на испанском берегу, а оттуда до Тарракона отправимся пешком. Так надежнее. Горцы, конечно, тоже бунтуют, но зато никакого тебе римского флота».

Впрочем, надежда на легкое завершение в целом спокойного плавания не оправдалась. После обеда, когда они отделились от Ибицы на несколько часов, окончательно потеряв ее из вида, Чайку разбудил настойчивый стук в дверь. «Что-то случилось, – осознал командующий эскадры, едва проснувшись, – иначе меня не побеспокоили бы».

– Ну что там? – спросил Федор у солдата, оказавшегося за дверью.

– Капитан зовет вас на палубу, – коротко сообщил он, – на горизонте появился римский флот.

Федор больше ни о чем не стал расспрашивать посыльного, а, надев доспехи, поднялся

на палубу. Бибракт стоял на корме, рассматривая шедшие наперерез корабли, в которых угадывались римские квинкеремы. Пехотинцы из двадцатой хилиархии, столпились у борта, обсуждая происходящее на море. Окинув взглядом колонну своих кораблей, следовавших позади «Агригента» и оценив курс римлян, Федор пришел к выводу, что Бибракт пытается прорваться без боя в сторону уже видневшегося на горизонте берега. Римлян было, по самым скромным подсчетам, около тридцати кораблей. Два десятка квинкерем с абордажными мостиками и около дюжины триер, бороздивших своими носами волны на самом острие атаки. У плохо различимого берега Федор тоже заметил несколько размазанных силуэтов, но были это корабли финикийского охранения, что могли прийти на помощь, или те же римляне, оставалось неясным. Складывалось впечатление, что римляне вполне могли отрезать их от берега. «Этого нам только не хватало, – подумал Федор, но о том, что будет происходить дальше в этом случае, думать не стал, успокоив себя, – шанс пока есть».

– Успеем? – задал риторический вопрос Чайка, останавливаясь рядом с Бибрактом и прикладывая ладонь ко лбу, чтобы прикрыть глаза от солнца.

– Ветер попутный, – осторожно пожал плечами капитан.

– Но и для них тоже, – проговорил Федор, махнув рукой в сторону кораблей противника, двигавшихся на сближение.

– Выиграет тот, чью сторону примут боги, – ответил Бибракт, прищурившись.

– Тогда зови прорицателей, – приказал Федор, нуждавшийся в поддержке богов перед нелегким решением, – пусть быстрее принесут жертву. Ведь римляне заняты сейчас тем же самым. Тут главное, кто скорее сможет умиловить богов.

Бибракт покинул корму и сходил за жрецом, который сопровождал их от самого Тарента. Тот, принеся с собой весь необходимый для ритуала скарб, немедленно разделал жертвенного петуха острым ножом на походном алтаре, устроенном у передней мачты. Внимательно осмотрев его внутренности, бородатый жрец в неподпоясанной тунике медленно сжег птицу на жаровне. Затем долго изучал дым, поднимавшийся от сгоревших перьев и мяса, и наконец воздел окровавленные руки к небу, издав какой-то рык.

«Да, так надежнее, – подумал Чайка, когда жрец зарезал петуха и расчленил его, – чем ждать, пока священные цыплята склюют все зерно, как это любят делать римляне¹⁰».

Федор, наблюдавший не сходя с места весь ритуал жертвоприношения, время от времени поглядывал на перестроения римлян и даже утомился ждать. Пора было принимать решение, еще немного и маневрировать будет поздно.

– Мы выиграем сражение, – возвестил жрец, – так сказал мне Баал-Хаммон.

Бибракт, стоявший неподалеку от него, обернулся в сторону командующего с радостным видом, словно сражение уже было выиграно. Он ни минуты не сомневался в предсказании.

– Будем надеяться, что боги услышат тебя, – проговорил Чайка, у которого к этому моменту уже созрел план стремительно приближавшегося сражения, – а к римлянам останутся глухи. Бибракт!

Капитан, оставив жреца, быстро поднялся к нему.

– Немедленно дай сигнал на другие корабли, – приказал Федор, когда капитан оказался рядом, – пусть три квинкеремы выдвинутся вперед. И еще три идут за ними. Если римляне успеют обогнать нас и преградят дорогу, они должны будут проломить их строй и

---

¹⁰ Речь идет о жертвоприношении, которое хотел сделать римский консул Клавдий Пульхер, командовавший флотом во время сражения с карфагенянами у Лилибея в 249 г. до н. э. Оба флота насчитывали примерно по 200 кораблей. Перед самым сражением Клавдий воззвал к богам, прося благословения. Для этого он приказал принести на палубу священных цыплят, которые должны были склевать рассыпанное перед ними зерно, что означало благоприятное предсказание. Однако цыплята клевать отказались. Тогда Клавдий приказал выкинуть их за борт со словами: «Не хотят клевать, пусть тогда пьют». Римляне потерпели сокрушительное поражение, потеряв 93 корабля, 8000 человек погибшими и 20 000 пленными. Карфагенский флот не потерял ни одного корабля.

прорваться. Мы не будем ввязываться в долгое сражение. Те, кто прорвется, не должны ждать остальных. Выживет тот, кому помогут боги.

Бибракт, задержавшись на мгновение, все же кивнул и подозвал адъютанта. Зазвучали команды, корабли перешли на весла. Вскоре финикийские суда перестроились, на ходу совершив сложный маневр, глядя на который Федор невольно вспомнил о былой славе пунийских моряков. Несколько квинкером, обогнав чуть «притормозивший» «Агригент», вышли вперед. Теперь шесть кораблей шли в два ряда, мерно погружая в волны сотни своих весел. За ними на расстоянии всего в два корпуса шел «Агригент» и корабль Атебана. И еще четыре квинкеремы, среди которых та, на которой плыл Абда, командир тринадцатой хилиархии. Все корабли были «под завязку» набиты солдатами, которых требовалось доставить на помощь к Гасдрубалу, но римляне могли лишить испанского военачальника этого подкрепления, просто пустив корабли на дно. Федор тоже боялся такого развития событий, но делать было нечего. Следовало вступить в бой, если его не избежать, и довести до берега те суда, которые смогут до него добраться.

– Смотри, что делают, – воскликнул Чайка, заметив резкий маневр триер противника, шедших в авангарде.

Половина из них, еще не перерезав курс карфагенян, вдруг свернула и вознамерилась ударить во фланг растянувшимся кораблям Федора Чайки. Римляне заметили маневр финикийцев и отреагировали на него.

– Теперь легче будет пробить их первую линию, – пожал плечами Бибракт, рассмотрев действия противника, – там ведь осталось всего шесть триер. Пока подойдут квинкеремы, часть наших кораблей смогут проскочить.

– Зато другие триеры ударят прямо нам в бок, – озадачился Федор, – они могут развалить наш строй и задержать. Если им удастся перехватить «Агригент», то все наши усилия пропадут зря.

Федор помолчал в поисках нового решения, но лишь добавил к сказанному:

– Передайте приказ пехотинцам приготовиться.

Бибракт немедленно отдал такой приказ, но пехотинцы и без того были готовы. Со своего места на корме Чайка заметил, как Урбал делал последние наставления перед боем солдатам своей спейры, выстроившейся в полном составе у правого борта. Пехотинцы в кожаных панцирях и блестящих шлемах стояли у ограждения, держа овальные щиты и сжимая тяжелые рукояти фалькат. «В ближнем бою они не уступят римским legionарам, – подумал Федор, глядя на решительные лица пунийцев, – но не стоит доводить до ближнего боя. Римлян гораздо больше».

Триеры приближались. Федор, уже не первый раз принимавший участие в морском сражении, увидел, что противник прошел ту невидимую черту, за которой его еще не могли достать метательные орудия. Ведь главной опасностью пока были не legionары на борту римских триер, а их тараны. Именно это оружие и требовалось нейтрализовать заблаговременно.

– Почему молчат баллисты? – вдруг рявкнул Федор так, словно всю жизнь был адмиралом.

Но артиллеристы на пунийских квинкеремах тоже не даром ели свой хлеб. Не успел капитан отреагировать, как в сторону приближавшихся кораблей неприятеля полетели каменные «гостинцы». После первого же залпа баллисты «Агригента» и шедшего перед ним пунийского корабля смели носовые ограждения с трех ближайших триер и нанесли большой урон живой силе. Федор видел, как ядра, влетев в самую гущу солдат, пробивали целые «просеки» в рядах legionаров. И все же триеры упорно рвались вперед, в надежде протаранить корабли на фланге и смешать самый центр колонны, продолжавшей движение к берегу.

Оторвавшись от того, что происходило уже почти под самым носом, Федор перевел взгляд вперед и увидел завязавшийся бой. Как ни спешили римляне наперехват, все же они опоздали. Несколько триер выскочили перед самым носом первой атакующей линии

финикийцев и даже не успели толком развернуться, как сами попали под удар. Два массивных корабля пунов с ходу смяли борта двум триерам римлян, сцепившись с ними после жестокого удара. А еще один финикийский корабль ударил римскую триеру вскользь в корму, обломав часть весел. Триеру слегка развернуло, и спустя короткое время одна из квинкерем второй линии нанесла «контрольный удар», буквально опрокинув триеру на бок. С палубы поверженного судна в воду посыпались метательные орудия, а за ними и легионеры. Но корабли финикийцев, выполняя приказ Федора Чайки, выведя из строя «римлян», продолжали движение, не стремясь их добить.

Впрочем, не все было так гладко. Две римские триеры, капитаны которых умудрились избежать удара финикийцев, сами набросились на квинкерему в самой гуще схватки, атаковав ее почти одновременно. И они добились успеха. Несмотря на то что ниже «ватерлинии» квинкеремы пунов имели «бронирование» металлическими плитами от таранных ударов, римляне нанесли сначала один удар, повредивший защиту, а затем и второй, пробивший ее. Подбитая квинкерема завалилась на правый борт, а пехотинцы изготавились дорого продать свои жизни, глядя, как римляне готовят абордажные мостики для окончательного захвата корабля.

Баллисты кораблей второй линии осыпали их ядрами, но Федор видел, как римляне, несмотря на это, зацепили крюками борт «подраненного» судна и проникли на его палубу, где завязалась жестокая битва.

Между тем триеры, атаковавшие середину колонны, все же прорвались, несмотря на ураганный обстрел из всех метательных орудий финикийцев. Две из них артиллеристы повредили серьезно, разворотив носы и проделав массу дыр в бортах. Так что триеры потеряли ход, остановившись буквально в нескольких десятках метров от намеченных жертв. Зато остальные четыре корабля успели «возникнуть» в непосредственной близости от «Агригента». При этом они доказали, что у них тоже имеются баллисты и стрелять они умеют.

На палубу «Агригента» несколько раз с грохотом опускались каменные ядра, круша и ломая все на своем пути. Они унесли жизни десятков пехотинцев, еще не вступивших в рукопашную схватку. Одно из ядер просвистело буквально над головой Федора, но ушло в перелет, погрузившись в море за кормой. Распрямившись, Чайка заметил, как две триеры направляются прямоком к «Агригенту», вознамерившись таранить его в нос и корму. Столкновение было неминуемо.

Но тут показал свое мастерство Бибракт. Сначала он приказал резко опустить все весла в воду и задержать их там на несколько мгновений, что затормозило стремительно летевший по волнам корабль. «Агригент» качнулся всей своей массой вперед, так что Федор едва удержался на ногах, и полетел дальше. Это произошло так неожиданно для римлян, что передняя триера промахнулась буквально на несколько метров. Ее таран пролетел мимо носа «Агригента», а за ним последовал почти весь корабль, шедший на большой скорости. А вот корма не успела, и квинкерема пунов обрушилась на нее, просто «срезав» своим бронированным носом. От этого столкновения Чайка все же упал, ожидая теперь удара в корму, но его не было. Гребцы успели убрать весла, и «Агригент», лишь вздрогнув, продолжил движение.

Вскочив на ноги, Федор посмотрел за корму и увидел разъяренные лица римлян – они тоже промахнулись из-за маневра Бибракта. И вместо того чтобы протаранить «Агригент», вскоре сами попали под удар корабля из третьей линии. Как показалось Чайке, это был корабль Абды. Римлянам удалось задеть лишь судно Атебана, впрочем, защита на этот раз спасла, и корабль двигался вполне сносно, не отставая от основного строя.

Перемолов триеры противника, колонна финикийцев с небольшими потерями двигалась к берегу, но у нее на хвосте уже висели подоспевшие римские квинкеремы. Отпустив их чуть вперед, римляне охватили карфагенян полукольцом и стали сжимать его по мере продвижения к береговой линии, которая принимала все более ясные очертания. Они стремились изо всех сил догнать вырвавшегося противника и окружить. Несмотря на усилия

финикийцев, расстояние все время сокращалось.

Вскоре римские метательные машины стали доставать замыкавшие квинкеремы, применив по ним зажигательные горшки, и Федор заметил, как одна из них запылала, окутавшись черным дымом. На борту начался мощный пожар. Не прошло и десяти минут, как потерявший ход корабль догнали римские квинкеремы и набросились на него сразу с двух сторон. В ход пошли abordажные мостики, по которым на задымленную палубу хлынули легионеры. Корабль пунов был обречен.

– Черт побери, – выругался Федор, скользнул взглядом по плотным рядам римских кораблей и, обернувшись к Бибракту, приказал: – Прибавить хода! Мы еще не на берегу.

Глава десятая

Стоянка у реки

Когда впереди показались многочисленные белые буруны, Ларин слегка заволновался. Его бирема, груженная так, что едва не по самый борт ушла в воду, рассекала волны первой.

– Левее возьми, – приказал он капитану биремы по имени Ингибил и в подтверждение своих слов махнул рукой влево, – может, и проскочим.

Капитан, не понимавший ни слова по-скифски, жесты понимал отлично и кивнул, повернув корабль в указанном направлении, хотя и не совсем туда, куда ему приказал Ларин. Замечание относилось к показавшимся впереди порогам, которые им приходилось преодолевать уже в третий раз за неполные два дня. И каждый раз это становилось серьезным испытанием для всего каравана, загруженного сверх меры.

«И почему это Иллур решил, что водным путем я надежнее доберусь, чем по суше, – рассуждал Леха, стоя рядом с капитаном и Токсаром на носу, ухватившись за носовую балку, вырезанную в форме какого-то чудища, – там, конечно, пробиваться пришлось бы дольше, да и других напастей немало. Но зато под ногами земля, и многое от тебя зависит. А тут – стихия, будь она неладна. Ошибся на пару метров, и все, – поплыли щепки по Дунаю».

Впрочем, как выяснилось, едва они отплыли из кельтского городка, это был еще не сам Истр, а только его протяженный приток. До центрального русла, на котором примерно в нескольких днях пути вниз по течению находилась столь желанная скифская крепость, нужно было еще добраться. И это теперь представлялось Ларину не такой простой задачей, как он думал в самом начале похода. Одно дело – ходить на триере пусть даже и по бурному морю, а другое – прыгать через пороги на корабле размером поменьше с риском утонуть самому и утопить весь осадный обоз, включая катапульту Архимеда.

– Иллур мне этого не простит, – подбадривал себя Леха, разглядывая едва торчавшие из воды камни в разных частях опасной реки.

Как объяснил им грек-переводчик, быстро найти триеры не удалось. Более того, здесь вообще не было ни одной. Он с большим трудом смог уговорить нескольких капитанов за очень хорошие деньги предоставить свои суда скифам. В результате новый флот Ларина состоял из четырех бирем и восьми торговых кораблей еще меньшего размера, напоминавших своим видом огромные лодки. Они были однопалубным, с одним рядом весел, и лишь нос корабля и корма были накрыты плотным настилом. Строили их не то сами кельты, как и скифы, новички в кораблестроении, не то одно из неизвестных Ларину племен, населявших верховья реки. Грек произнес какое-то название, но Леха даже не стал его запоминать. Незачем.

Наутро Ларин рассматривал свой новый флот, остановившись у одного из таких кораблей.

– Это еще что за... корабль? – поинтересовался скифский адмирал, едва не сказав «Ноев ковчег», очень уж было похоже. – Он не развалится от удара первой же волны?

– Что вы, – уговаривал его грек, у которого, как и самого Ларина, давно сложилась привычка считать нормальными кораблями только греческие образцы, – вполне прочный корабль. Он ходит по этой реке уже давно. Мы перевозим на нем вверх по реке все, от зерна

до руды. Я даже знаю капитана, очень хороший моряк.

Леха, которому нужно было плыть вниз, с недоверием воззрился на массивную, топорно сработанную конструкцию, на которой ему предстояло обуздать реку, несмотря на приличную ширину, оказавшуюся довольно бурной. Выглядела конструкция действительно прочно, но насчет мореходных качеств он сильно сомневался. Впрочем, выбор был невелик. Триер не было ни за какие деньги. Да и мелкогато тут должно было быть для них, во всяком случае местами. А время поджимало. Иллур скоро мог уже добраться до пункта назначения с другой стороны, и Леха не хотел ударить лицом в грязь.

«И за что я должен платить такие деньги? – мысленно возмущался скифский адмирал, продолжая осматривать свой новый флот, двигаясь вдоль берега. – Надо было объявить им войну и просто захватить эти корабли. Возможно, обошлось бы гораздо дешевле. Но... пока нельзя. Союзники, черт побери».

– Идти лучше только днем и при хорошей погоде, – наставлял его грек, который благоразумно оставался на берегу, хотя Леха подумывал, не взять ли его с собой, мог пригодиться. – Сначала вы должны пройти этот бурный приток, и потом, когда достигнете места слияния с главным руслом, до среднего течения останется совсем немного. Капитаны укажут путь.

«Кажется, он не слишком в это верит, – недобро ухмыльнулся Ларин, за свою карьеру адмирала привыкший к большим и сверхбольшим кораблям и все еще с подозрением смотревший на свои „средства доставки“, – ну да ладно, где наша не пропадала. Наверное, это не сложнее, чем сплавляться на байдарке».

Утром выяснилось еще одно неприятное обстоятельство. Весь его флот, даже при очень большом желании адмирала, мог вместить только около трех сотен человек вместе с конями. Ларин призадумался. Двести человек, прибывших с ним на берега Истра, девать было просто некуда. Некоторое время адмирал размышлял, не отправить ли их своим ходом по берегу, но земли вниз по течению представлялись ему неизведанными. Берега могли быть труднопроходимыми для конницы, а чья там сейчас власть, не знал даже местный грек-переводчик. Можно было запросто положить всех людей, не получив от этого никакой военной пользы.

Наконец, когда началась погрузка баллист и коней на вспомогательные суда, а биремы были забиты скифскими воинами под завязку, Ларин нашел выход.

– Места на кораблях не хватает. Отправляйтесь назад в лагерь тем же путем, – приказал он сотнику отряда, приданного ему для усиления, – чтобы добраться до места, мне хватит и трехсот бойцов.

Сотник, уже собиравшийся грузиться со своими всадниками на корабли, хоть и был удивлен таким решением адмирала, но сильно не расстроился. Даже наоборот, как показалось Ларину, обрадовался. Эти всадники были из той части конной армии, которой еще не разу не приходилось плавать на кораблях. И они не особенно стремились получить такой опыт, справедливо полагая, что место скифа на коне, а не палубе корабля. А потому еще не успели корабли отчалить от берега, как двести скифов пустились в обратный путь.

Между тем пороги приближались. И Леха, отогнав суетные мысли, постарался сосредоточиться на поиске пути для каравана, не слишком доверяя капитану биремы – заросшему кустистыми бровями здоровяку в кожаной рубахе, служившей ему и одеждой и доспехом одновременно.

Капитан, не понимавший ни слова из того, что пытался объяснить ему Ларин, был родом из скордисков и освоил ремесло по приказу общины. При оседлой жизни скордиски были вынуждены развивать торговлю, хотя большинство все же предпочитали служить наемниками у македонцев и продавать свое воинское умение за золото. Это ему успел рассказать перед отплытием грек, уверив, что капитан Ингибил приведет их до места назначения, о котором он ему подробно рассказал со слов адмирала. То же самое, чтобы решить проблему перевода, было сказано перед выходом и другим капитанам, главная задача которых была просто следовать за флагманом до тех пор, пока это будет нужно скифскому

военачальнику. Чтобы дело шло веселее, Ларин выдал половину платы вперед, обещав остальное выплатить по завершению похода, хотя кельты просили вперед все.

– Ничего, подождут, – ответил на просьбы капитанов Ларин, и так слишком щедро расходовавший походную казну, после того как захватил римское золото, – переведи им, что получают только тогда, когда прибудем в нашу крепость.

Грек перевел, а Ларин, заметив нахмурившиеся лица капитанов, добавил:

– Если же кто по пути утонет или будет убит в бою, то деньги за работу я все равно выплачу. Их поделят остальные капитаны.

Получив такой ответ, кельты подтвердили свою готовность отправиться в путь и разошлись по кораблям. Эта экспедиция в случае благополучного исхода могла принести им гораздо больше барышей, чем регулярный македонский фрахт. А перспектива погибнуть в бою их не пугала. Деньги же после их смерти могли получить родственники.

– Да говорю же, левее! – сквозь шум воды заорал Леха, глядя, как приближаются белые буруны. – Утопишь сейчас всех!

Но Ингибил не обратил на его крики никакого внимания и вел корабль, как показалось адмиралу, на верную гибель. Леха, наблюдавший вчера, как при прохождении порогов разлетелась в щепки одна из торговых шаланд, перевозившая коней, не мог расслабиться до тех пор, пока они не миновали первую подводную гряду. Но Ингибил, надо было признать, свое дело знал и опасные места чуял, словно просвечивая темную воду своим взглядом.

Раздался зычный окрик, – дернулось рулевое весло. Уже почти налетевшая на камни бирема в последний момент поймала волну и, проскользнув в нескольких метрах от острых камней, вошла в узкую протоку меду ними. Здесь течение резко усилилось, и корабль несколько раз встряхнуло, перед тем как выбросить на более спокойное место.

– Ну ты нагнал страху, – признался Ларин, хлопнув по плечу капитана, который усмехнулся, обнажив кривые зубы, и проговорил что-то громко в ответ, видимо, приняв это за похвалу, – можешь, если надо.

Обернувшись назад, Ларин заметил смурные лица недавних скифских всадников, что столпились на палубе во время этого маневра. Никому не хотелось погибать по глупости среди волн. И когда корабль благополучно прошел очередные пороги, к счастью не такие опасные, как вчера, все вздохнули с облегчением.

Но адмиралу было еще рано расслабляться. Пока корабль вновь выгребал на середину реки, сдавленной высокими скалистыми берегами, он пробрался по узкой палубе на корму и пристально смотрел, как проходят пороги остальные суда. Место здесь было плохое. Разбейся хоть один корабль, мало кто выплыл бы – водоворотов и стремнин было хоть отбавляй. А поросшие лесом берега казались почти отвесными у самой воды. Вчера, когда разбилась «большая лодка» с конями, как их называл про себя адмирал, им повезло. Удалось спасти большинство коней, которые плыли за остальными кораблями до тех пор, пока те не пристали к берегу. А Ларин отдал такую команду сразу же после крушения. К счастью, в том месте пороги были опаснее, но берега оказались более пологими. Гребцы и большинство скифов смогли добраться до них вплавь. Были, конечно, и жертвы. Водяные боги собрали свою дань, среди которой была и душа капитана корабля.

На этот раз, к счастью, обошлось без жертв. Одна за другой биремы и грузовые суда с лошадьми проскочили пороги по намеченному Ингибилем фарватеру и вновь выстроились за головным судном.

– Вечереет, – подошел к Лехе Токсар, пристально всматривавшийся в высокий берег, – пора бы и место для ночлега искать.

– Пора, – согласился адмирал, – только пока негде пристать. Вон за ту излучину завернем, там, может быть, пологие места появятся.

К сожалению, расспросить капитана не представлялось возможным, поэтому Ларин принимал решения о стоянках самостоятельно и быстро, едва увидев подходящее место. Так произошло и сейчас.

– К берегу! – махнул рукой адмирал, едва завидев, что за поворотом реки показалась

небольшая природная гавань, вполне пригодная, чтобы принять на ночевку все корабли каравана.

– Готовиться к ночевке, – приказал он, едва бирема, выбравшись из бурного течения на середине реки, подобралась к берегу, где вода была гораздо спокойнее, – закрепить суда, чтобы не унесло, и выставить стражу.

Пока скифы, перебравшись на берег, с луками в руках обходили окрестности и разбивали лагерь, Ларин, устроившись на большом камне, наблюдал за тем, как «швартуются» остальные корабли. Берег действительно оказался очень удобным и, судя по многочисленным костровищам, регулярно использовался местными мореходами для стоянки. Не так уж много имелось их в здешних местах. Впрочем, за три дня пути Леха не заметил оживленного движения. Караван скифов повстречал с десятков лодок, пугливо жавшихся к берегу, да несколько торговых судов, похожих на те, что составляли большую часть его флота. Все движение на этом участке реки по большей части происходило между селениями, разместившимися от одного порога до другого. Не каждый «судовладелец» решался их преодолеть, рискуя жизнью и товаром, предпочитая передвигаться по берегу. Сейчас, однако, берег казался пустынным, и скифы даже вывели на ночь пасти своих коней.

За прошедшие два дня суда под командой скифского адмирала прошли уже немалое расстояние и скоро должны были выйти из границ владений союзного кельтского племени. Пока никакой опасности, кроме той, что исходила от самой реки, не наблюдалось. За время плавания они почти не встречали городов, лишь деревни, укрепленные частоколом на манер военного лагеря, попадались им довольно часто. Вообще Лехе, проплывшему раньше едва ли не половину этой грандиозной реки, показалось, что верховья Истра были заселены дикими народами. Как и горы, лежавшие дальше к югу. Не сравнить с дельтой. Впрочем, видел он пока только селения ардиев и скордисков, так что мог и ошибиться.

– Интересно, в какой мы земле? – подумал вслух Ларин, разглядывая противоположный берег.

– Наверное, где-то на границе с соседними племенами, – прикинул пройденное расстояние Токсар, стоявший рядом.

– С гетами, что ли? – припомнил Леха, отрываясь от созерцания быстро темневших гор, в лесистых склонах которых мог скрываться кто угодно. И не дожидаясь ответа, сам же проговорил: – Ладно, пока все идет нормально. Бухта отличная, вокруг все спокойно. Нам главное сегодняшнюю ночь провести без приключений. А завтра по всем приметам должны пройти в основное русло. Ну а там...

Леха встал, потянулся, размял спину, скрипнув доспехами.

– А там и до крепости нашей недалеко. Денек, думаю, не больше.

Токсар кивнул, признавая верность расчетов.

– Но дозоры удвой! – на всякий случай приказал адмирал, отправляясь спать в свой шатер, у которого уже горел огонь и готовилась пища.

После сытного ужина он заснул без задних ног, и даже шум воды, бившейся о камни на середине реки, нисколько ему не помешал. Однако выспаться как следует адмирал не сумел. Привычный шум воды вскоре стал громче, и в него вплетались такие звуки, которые река никак не могла издавать: звон железа и крики. Леха долго не желал открывать глаза, надеясь, что все это ему мерещится сквозь сон. А когда все же открыл, то мгновенно понял, – нападение.

Звуки сражения, крики и ругань раздавались буквально в двух шагах от его шатра. «Почему меня никто не разбудил? – разозлился адмирал, натягивая штаны и рубаху, и, схватив свой акинак, как был, без панциря, выбрался наружу, осторожно ступая на раненую ногу.

Первое, что он увидел, – своих мертвых слуг, распластавшихся перед входом в шатер. У каждого из охранников из груди или спины торчало по стреле. Несколько штук застряли даже в верхней части самого шатра. Да и вообще стрелы свистели повсюду.

Подняв голову, Ларин заметил, что в предрассветной мгле по лагерю, посылая стрелы во все стороны, носятся всадники, схожие видом с самими скифами, но наметанный глаз адмирала быстро смог найти различия. «Геты, – пронеслось в мозгу Ларина, – значит, мы уже пересекли границу и обосновались на их земле. А им это, похоже, не очень понравилось».

От дальнейших размышлений его отвлек возникший в десятке метров гетский всадник, который мчался между деревьями прямо на него. Леха видел, как тот молниеносным движением натянул лук и спустил тетиву. В то же мгновение он нырнул вниз, грохнувшись на камни рядом с поверженными охранниками. Раненая нога обожгла болью, но стрела просвистела мимо и с чавканьем впиалась в тело одного из них, не поранив адмирала.

«Спасибо, брат, – поблагодарил Леха, выдергивая из-за пояса мертвеца небольшой топорик, – два раза жизнь за меня отдал».

И, приподнявшись, метнул топорик навстречу всаднику, словно заправский индеец. Пролетев положенное расстояние, топорик встретился с гетским доспехом где-то в районе груди, и всадник, выронив лук, вылетел из седла, упав прямо под ноги поднимаемому во весь рост Ларину. Он еще был жив, и адмирал прикончил его резким ударом клинка в шею.

Не успел Леха разделаться с этим гетом, как появился другой, с копьём в руке. Насадив на него пешего скифского лучника, этот воин проскакал позади расстроенных оборонительных порядков к самому берегу, бросил взгляд на корабли, развернул коня и тут увидел Ларина. А затем и своего соплеменника, только что убитого скифским адмиралом. Его лицо исказила ярость. Издав дикий крик, гет бросил коня вперед.

– Твою мать, – сплюнул Леха, когда услышал конский топот и разглядел второго желающего отправить его к праотцам, – и чего же я доспехи не надел.

Понимая, что этот всадник умеет обращаться с копьём, Леха отступил в сторону берега, подхватив щит одного из убитых охранников. Он надеялся, что кто-нибудь с пришвартованного в двадцати метрах корабля пустит стрелу и остановит этого воина. Хотя в глубине души сразу понял, что лучше надеяться только на себя. Времени на подготовку ему никто не дал. Всадник настиг его буквально через мгновение и ударил копьём, направив его в грудь почти беззащитному скифу. Удар был такой силы, что Леха, успевший принять копьё на щит, отлетел на пару метров назад и растянулся на камнях, выронив свой акинак. Но он был еще жив, хотя предательская боль в раненой ноге не давала ему возможности быстро передвигаться. Отбросив обломки щита, рассыпавшегося от удара, Леха едва увернулся от нового удара копья, вышибившего искры из камня в пяти сантиметрах от его тела, и вдруг схватился за него обеими руками, резко дернув на себя.

Не ожидавший такой прыти от обезоруженной и оглушенной ударом жертвы, гетский всадник вылетел из седла, оказавшись рядом с Лариным, и теперь уже тот не стал тратить время на размышления. Ударом кулака в лицо Леха оглушил противника, а потом, подхватив свой меч, со всей имевшейся силой всадил его в подбрюшье, услышав треск распарываемой кожи. Всадник охнул и застонал, а Леха выдернул окровавленный акинак, схватил рукоять двумя руками и вновь воткнул его в обмякшее тело сверху вниз. На этот раз гет испустил дух.

Избавившись от явной опасности, Леха огляделся. Бой шел по всему берегу, но основное сражение происходило справа, там, где лес подступал ближе всего к воде. Видимо, там конные геты пробili охранение из пеших в большинстве своем скифов и прорвались к берегу.

Судя по тому, что удалось рассмотреть Ларину от своего шатра, гетов было никак не меньше сотни. Но его воины быстро оправились от неожиданного нападения и контратаковали. Человек тридцать даже успели вскочить на коней, встав на защиту побережья. Другие отстреливались прямо с кораблей, не давая врагу приблизиться к ним. Геты несли большие потери. И все же удар был внезапным. Бой еще не закончился, и Леха поискал глазами кого-либо из своих военачальников, чьи шатры стояли неподалеку. Но все они были пусты.

«Одно радует, – подумал Ларин, осторожно обходя свой шатер вдоль берега, – их не убили во сне, и они, возможно, еще живы».

Вскоре, словно услышав его мысли, из гущи сражения появился Токсар с дюжиной пеших лучников. Он приблизился к Ларину, сделав знак своим солдатам окружить адмирала и защищать его.

– Хвала богам, они не убили вас! – воскликнул Токсар, согнувшись в полупоклоне. – Эти геты напали на нас, подобравшись неожиданно. Охранники заметили их слишком поздно, и они едва не прорвались к кораблям. Мне пришлось самому оборонять центр, и я даже не успел предупредить вас. Я достоин наказания за то, что подверг вашу жизнь опасности.

– Они убили моих слуг, – ответил Ларин, раздумывая, наказать Токсара за это или нет, – и кое-кто из гетов все же прорвался.

Он указал на двух мертвых всадников.

– Пришлось и мне вступить в дело, – закончил адмирал, решив повременить с наказанием, – дай мне двух бойцов, они помогут мне надеть доспехи. А ты охраняй подступы к шатру.

Токсар поклонился.

Когда Леха вышел из шатра, облаченный в доспехи, бой уже сместился в лес, куда оседлавшие коней скифы отогнали нападавших. Повсюду валялись убитые и раненые. Было видно, что нападение гетов не прошло даром для людей адмирала.

– Еще немного и мы уничтожим их, – прибыл с докладом Инисмей, осадив коня недалеко от шатра, – геты отступают. Мы уже опрокинули их и гоним в горы.

– Заканчивайте, – приказал Ларин, – но не увлекайтесь. Если они знают, где мы, то сюда может прибыть подкрепление, а новый бой нам ни к чему. – И добавил, обернувшись к помощнику: – Токсар, немедленно готовиться к отплытию.

Бой еще не успел закончиться, а все шатры и бочки, что сгрузили на берег для организации лагеря, уже вновь находились на кораблях. Посчитав потери, Ларин огорчился, – утреннее нападение гетов стоило ему почти полсотни человек, и теперь коней у него было даже больше, чем всадников. В этот момент он пожелал вернуть обратно те двести человек, что отправил в лагерь на Адриатике. Но выбора у него не было. Весь оставшийся путь придется рассчитывать только на собственные силы.

– Грузите коней, – приказал адмирал сотникам, вернувшимся из преследования, после того как выслушал их доклад о полном разгроме напавшего на стоянку отряда, – немедленно отплываем. И пусть Тамимасада не покинет нас в этом плавании.

Глава одиннадцатая Балезор

Когда слегка потрепанный корабль вошел в защищенную гавань Сагунта, Федор, не отрывавший взгляда от моря, где догорало сражение, наконец облегченно вздохнул. Римляне, ничего не боясь, словно действовали в своих собственных водах, преследовали его до самого побережья. Спасти эскадру из Тарента смогло только вмешательство берегового охранения, которое вышло навстречу римскому флоту. Пунийские моряки вступили в ожесточенное сражение, почти полностью уничтожив римские корабли и преподав урок консулам. Только это и позволило эскадре Федора избавиться от наседавшего противника.

Уже выходя из боя, в котором он потерял три корабля, но смог нанести ощутимый урон римлянам, Федор поймал себя на мысли, что они преследуют его с таким остервенением, словно имеют приказ остановить именно эту эскадру, во что бы то ни стало. «А может, капитан римлян знает о письме? – подумал Чайка, разглядывая столпившихся на пирсе Сагунта офицеров. – Хотя вряд ли. Просто он выполняет приказ уничтожить все пунийские корабли в этой акватории. Идет война на выживание».

Когда борт «Агригента», лишенный части своих оградений, притерся к пирсу, с него

сбросили сходни и Чайка поспешил на берег в сопровождении Бибракта. Проходя по палубе, на которой находились пехотинцы, так и не принявшие участия в рукопашном сражении, он снова заметил проломы – отметины от попаданий римских баллист – и пятна крови. Потери среди пехотинцев, пусть небольшие, все же имелись.

– Вы Федор Чайка? – едва командир эскадры оказался на берегу, осведомился один из офицеров, шагнув к нему. Это был рослый и широкоплечий вояка, облаченный в простую кирасу. Пожалуй, немного светловолосый для ливийца. Позади него виднелся почетный эскорт из десятка вооруженных пехотинцев, в которых Федор без труда узнал африканцев из тех хилиархий, что Атарбал оставил в Испании перед тем как отправиться в поход на Рим.

– Да, – подтвердил Федор, останавливаясь, – это я.

– Меня зовут Балезор, – представился офицер, – командир третьей хилиархии. Гасдрубал велел мне встретить вас и послов, что должны прибыть с вами из Италии. Я должен проводить вас к нему.

Федор слегка поморщился: оттого, что должен был сообщить, и оттого, что его прибытие в Сагунт новостью не было. Обернувшись чуть в сторону, он увидел, что все корабли эскадры ошвартовались в гавани, укрытой выдающимся в море мысом и крепостной стеной. Сам город располагался чуть выше, в стороне от побережья, у развилки сухопутных торговых путей. Местоположение было выгодным. Сагунт контролировал единственную дорогу, что шла вдоль побережья. Кроме того, отсюда было легче охранять расположенные неподалеку серебряные рудники, из которых в Новый Карфаген доставляли сырье для чеканки монет. Содержание наемной армии обходилось недешево.

– К сожалению, они убиты, – проговорил Федор, посмотрев в глаза собеседнику.

– Как? – чуть отступил на шаг Балезор. – Убиты? Но кем, когда?

Федор скользнул подозрительным взглядом по лицам офицеров и солдат, сопровождавших Балезора, и отвел его в сторону. Остановившись в десяти шагах у массивной ограды пирса, Чайка закончил рассказ.

– В Лилибее, – сказал он, даже слегка понизив голос. – В городе на нас напали разбойники, хотя я уверен, что это специально подосланные римлянами люди. Кто-то очень не хотел, чтобы послы добрались сюда.

– Гасдрубал будет в бешенстве, – пробормотал Балезор, услышав такие новости, – они должны были привезти ему ответ главнокомандующего.

– Так вы знаете, зачем они плавали в Тарент? – в свою очередь не смог скрыть удивления Федор.

Балезор молчал некоторое время, изучая лицо Федора, но наконец решился.

– Я должен был плыть вместо Хирата, – проговорил он быстро, – но ваккеи и карпетаны подняли восстание в тылу, и меня оставили подавлять его. В последний момент Гасдрубал отправил Хирата вместо меня. Мне рассказывали позже, что он очень просил главнокомандующего сделать именно так.

– Значит, сам попросил, – пробормотал Федор, словно думая о чем-то своем, и быстро уточнил, решив не терять времени: – Где сейчас Гасдрубал? Его брат прислал меня сюда не только с войсками. Я тоже должен кое-что ему... сообщить.

– Он у осажденного Тарракона, – поделился информацией Балезор, скользнув взглядом по пришвартованному кораблю, – в который раз пытается отогнать римлян от городских стен. Не дать им взять Тарракон в кольцо и начать полноценную осаду.

– Значит, город еще не взят? – спросил Федор. – Это хорошо.

– Если за последний день ничего нового не произошло, то да, – неуверенно ответил пуниец, – когда я отправлялся сюда, консулы уже начали строить свою заградительную линию, но Гасдрубал выбил их из окрестностей города. Однако консулы очень упорны и не оставляют попыток. Тем более что у них большой флот, что не дает нам подойти к Тарракону с моря.

– Досаждают вам братья Сципионы, – усмехнулся Федор, – ну ничего. Ганнибал прислал нас на помощь. Вместе мы выйдем римлян из Испании.

– С вами пришло всего девять кораблей, – без энтузиазма заметил Балезор, пересчитав суда.

– Да, три корабля я потерял в сражении со всеми солдатами, – признался Федор, которого тяготила потеря многих сотен людей, размещенных на этих судах, – но нас по-прежнему почти четыре хилиархии без малого...

Помолчав немного, размышляя, стоит ли сообщать об этом собеседнику, Федор все же решился добавить:

– А еще большой флот почти из сорока квинкерем идет, если уже не пришел, в Новый Карфаген.

– Отлично, – просиял пуниец, – с такими силами мы прогоним консулов отсюда.

– Я тороплюсь, – напомнил Федор, – Ганнибал требовал от меня как можно быстрее увидеться с вашим командующим.

– Мы можем выступить немедленно, – кивнул Балезор, – как только вы закончите выгружать войска. Моя хилиархия стоит в лагере, недалеко от развилки дорог. Корабли останутся здесь до особого распоряжения Гасдрубала.

– Знаю я этот лагерь, – кивнул Федор, подумав: «С него когда-то все и началось».

– Тогда буду ждать вас там, – ответил Балезор и, посмотрев на быстро сгущавшиеся сумерки, добавил: – Я прикажу разместить вас в казармах на берегу, а завтра утром, как только будете готовы, мы выступим в Тарракон.

Федор молча кивнул, его такой вариант вполне устраивал. До Тарракона нужно было идти минимум несколько дней даже форсированным маршем, поэтому требовалось отдохнуть хотя бы одну ночь. Так он и поступил, расселил людей по казармам. Где и сам остался на ночлег, не желая проводить эту ночь на корабле.

– Что я должен теперь делать? – осведомился Бибракт, когда Федор на следующее утро посетил «Агригент» перед убытием.

Они прошли по палубе, на которой Федор увидел свежие деревянные заплатки на местах недавних проломов. Кое-где матросы, похоже, работавшие всю ночь, еще стучали молотками. Бибракт любил свой корабль и быстро приводил его в порядок.

– Ждать, – ответил Чайка, оставшись довольным осмотром, – с сегодняшнего дня я больше не командующий этой эскадры, если Гасдрубал того снова не захочет. Пока что вам приказано находиться в здешнем порту до тех пор, пока Гасдрубал не решит, как лучше использовать эти квинкеремы. Я с солдатами уйду сегодня утром. Так что, капитан, увидимся не скоро.

– Да хранит вас Баал-Хаммон, – напутствовал его Бибракт.

Покинув казармы, африканцы прошли ворота в крепостной стене и поднялись по дороге, петлявшей между скальными уступами почти до самой развилки, недалеко от которой располагался лагерь и верхняя часть Сагунта. Эти кварталы были застроены узкими и высокими каменными особняками из желтого камня, облепившими скалы как грибы, жавшиеся друг к другу.

Первой в общей колонне шла хилиархия Чайки, затем Карталона, поредевшая на треть. Следом передвигались солдаты Адгерона, которым повезло больше. Они добрались до Испании без серьезных потерь. За ними виднелись бойцы двенадцатой хилиархии Атебана, погибших среди них было больше всего. Атебан прибыл сюда всего лишь с шестью сотнями пехотинцев. И замыкал колонну африканцев отряд под предводительством Абды в полном составе. Всего под началом Федора на этот раз оказалось чуть больше четырех тысяч человек. В общем, если бы ему на пути повстречался целый римский легион, силы были бы примерно равны.

Кроме того, на этот раз у Чайки даже имелся свой собственный осадный обоз из восьми баллист и двух катапульт, захваченных с разрешения Ганнибала из арсеналов Тарента. Все орудия, само собой, были стандартного размера. Исполинские катапульты Архимеда предназначались для решающего штурма римских укреплений.

Двигаясь впереди колонны, Федор увидел сначала отряд иберийской конницы, где

всадники в красных накидках и с круглыми щитами сидели по двое на лошадях. Выехав из ворот, он направился не слишком быстро на юг, в сторону Нового Карфагена, вероятно, нести дозорную службу. Вслед за ними ворота покинул отряд кельтской конницы, тоже по двое на коне. Кельты, однако, ускакали на север, куда собирался направиться и Федор Чайка. Проводив взглядом отряд кельтов, человек двести числом, Федор вспомнил о восставших местных жителях, решив, что теперь передвигаться по дорогам Испании, ранее полностью подконтрольным Карфагену, стало небезопасно. Так что иберийцы и кельты, отправившиеся на патрулирование, делали необходимое дело.

В глубине души Федор надеялся дойти без боя хотя бы до берегов Ибера, на подступах к которому Гасдрубал сейчас сдерживал рвавшихся в глубь Испании братьев Сципионов. «Надо будет расспросить Белезора поподробнее, – решил командир экспедиционного корпуса, – что тут у них происходит».

Достигнув развилки, где им повстречался пост иберийских пехотинцев, Федор остановился, обернулся и посмотрел вниз, на блестящее море, занимавшее все пространство до самого горизонта, насколько хватало глаз. Когда-то он здесь вот так же стоял, на этом самом месте. Только в тот момент все было еще впереди. Тогда он впервые ступил на испанские земли новобранцем и новоиспеченным гражданином Карфагена, а война с Римом еще не началась.

«Да, много воды утекло», – подумал Федор, скользнув пристальным взглядом по пустынной сегодня глади моря. Но отогнал воспоминания и вернулся к реальности.

– Остановиться, – приказал Федор, бросив взгляд на иберийских пехотинцев, бесстрастно взиравших на многочисленное приближавшееся воинство, и добавил, обращаясь к Урбалу: – Будем ждать здесь. В лагерь нам подниматься незачем.

Колонна, выгнувшись полукругом, замерла. Получив разрешение своих командиров, пехотинцы опустили щиты на землю, слегка расслабившись. Но расходиться им никто не разрешал, в ожидании скорого выступления. Сам Федор присел на придорожный камень, разглядывая шатры кельтов, пестрым ковром усеявшие весь прилегавший к высокому частоколу холм. Здесь бурлила жизнь. У шатров, расставленных по принципу своего племени, виднелись огромные котлы, в которых варилась на огне пища. Голые по пояс воины, сложив в кучи высокие щиты, столпились возле них и что-то оживленно обсуждали. Иногда они так громко хохотали, что их смех долетал даже до ушей Чайки. А когда к развилке прибыли его солдаты и расположились в зоне прямой видимости, кельты, похоже, переключились на них, то и дело поглядывая на африканцев.

Однако долго им созерцать прибывшие хилярии не пришлось. Вскоре из лагеря вышел отряд, во главе которого выступал рослый и широкоплечий командир, облаченный в блестящие на солнце кирасу и шлем греческого образца. С первого взгляда Федор узнал в нем Белезора.

– Я пойду впереди, а вы двигайтесь за мной, – сообщил Белезор, когда его отряд дошел до развилки и встал в голову колонны, – и советую держать боевой порядок во время движения.

– Что, разве даже на здешних дорогах опасно? – деланно удивился Федор, уже начавший подозревать, что так оно и есть.

– У самого Сагунта все спокойно, – ответил Белезор, поправляя застежку шлема, – но вот дальше... Уже в двух днях пути отсюда начинаются земли горных племен, поддерживавших восстание вакеев и карпетанов, где можно ожидать всего. Они примыкают к Иберу, а с другой стороны живут иллергеты. Так что нападения можно ожидать уже на подходе к реке.

– Нападения? – переспросил Федор, отдав приказ строиться. – Разве они осмеливаются нападать на регулярные части?

– Еще как, – ответил Белезор, усмехнувшись в свою очередь, – вам ли не знать? Это ведь ваша хилярия, как я слышан, воевала тогда с васконами и кантабрами, захватив вожда Гарута и его золото?

– Моя, – не смог скрыть самодовольной улыбки Чайка, – но с тех пор ее состав

сменился уже несколько раз. Встреча с римскими legionерами не очень продлевает жизнь.

– А что Гарут, – уточнил Федор, пользуясь случаем расспросить о делах давно минувших дней и с удовольствием вспоминая, как захватывал замок васконов с горсткой своих «горных стрелков», – тоже восстал?

– Как ни странно, – удивил его ответом Балезор, медленно направлявшийся с Федором вдоль строя пехотинцев в голову всей колонны, – если не считать иллергетов, Гарут один из немногих вождей, оставшихся верными Карфагену.

– Вот уж действительно странно, – согласился Федор, вспоминая, какое ожесточенное сопротивление оказывали васконы. Да и самого вождя, которого после захвата еще долго пытали, едва не казнив.

– А ни одно из подчиненных ему племен до сих пор не приняло у себя римских советников, которых братья Сципионы регулярно засылают к нам в тыл, чтобы призывать население к восстанию, – только усилил его удивление Балезор, – а он, напротив, по первому требованию высылает отряды в армию Гасдрубала, которые дерутся не хуже моих африканцев.

– Однако, – усмехнулся Федор, – я и не знал, что оказал Карфагену такую весомую услугу, пленив этого бешеного вождя.

Первый день на испанской земле прошел спокойно. Двигаясь по узкой горной дороге в полной готовности к нападению, хилиархии Чайки и Балезора не встретили никакого сопротивления. Время от времени их обгоняли посыльные и отряды иберийской конницы. К вечеру, однако, накопилась не только усталость, но и нервное напряжение. Все-таки одно дело маршировать даже в полной выкладке, зная, что тебе ничего не угрожает, а совсем другое – делать то же самое, постоянно осматривая придорожные камни и многочисленные перевалы, ожидая, что оттуда в любой момент может прилететь стрела. За время пути Балезор уже успел рассказать Федору о нескольких нападениях, в которых восставшие горцы смогли перебить столько солдат, что набралась бы целая хилиархия. Правда, случилось это за Ибером и не за одну битву.

– А где еще беспокойно? – вновь расспрашивал Федор своего спутника вечером, когда они вместе поедали только что закопченного кабана у шатра командующего экспедиционного корпуса.

– Главные боевые действия сейчас, конечно, у Тарракона, – рассказал Балезор, с удовольствием насыщаясь и отдыхая после целого дня ходьбы, – ожидаем в ближайшие дни нападения на Илерду. Она все же на пути римлян стоит, перекрывая дорогу в глубь Испании. А что касается тылов, то в долине Бетиса ¹¹ беспокойно, но туда уже отправлен корпус из Гадеса, который подавит это восстание. А еще астуры и ваккеи с радостью приняли у себя римских советников и вновь объявили, что жители низовий Дурия больше не подчиняются Карфагену.

– А туда уже отправили солдат? – уточнил Федор, отламывая ломоть черствого хлеба из походных запасов.

– Еще нет, – признался Балезор, отпивая вина из чаши, – но эти места не так далеко от Иберийских гор, в которых живут васконы. Гарут обещал Гасдрубалу, что скоро отправит туда своих бойцов на усмирение соседей.

– И Гасдрубал согласился? – уточнил не перестававший удивляться превратностям судьбы Федор, поглядывая на ночное небо, в котором начали зажигаться такие близкие звезды.

– Конечно, – кивнул его собеседник, выдернув из земли дротик и поворошив угли костра его острием. – Если ему это и не удастся полностью, то он хотя бы отвлечет на себя внимание астуриков и ваккеев до тех пор, пока не подойдут подкрепления от Гасдрубала. Но,

---

¹¹ Бетис (Гвадалквивир) – река на самом юге Испании, которая уже за Мелькартовыми столпами (Гибралтаром) впадает в Атлантический океан. Недалеко от ее дельты расположена крупная финикийская колония Гадес.

честно говоря, они подойдут еще не скоро. Нам и самим солдат пока не хватает. Удержать бы Тарракон. Не зря же Гасдрубал попросил о помощи брата.

– Сколько римлян против нас? – спросил Федор, вставая и разминая слегка затекшие ноги.

– Около четырех легионов ¹², – ответил Балезор, прикинув что-то в уме, – не так уж и много. Если бы не восстания племен, то мы бы с ними давно справились. Но римский флот пока мешает нам развернуться на море. А кроме того, им помогают кельтские племена из долины Родана. Количество африканских пехотинцев уже уменьшилось почти на треть. Так что Гасдрубал еле успевает отбивать атаки за Ибером, пытаясь удержать римлян обходными маневрами конницы на его рубеже.

– Но ведь и за нас воюют кельты, – проговорил Федор, останавливаясь у костра и скрещивая руки на груди, – и, если я не ослышался, иллергеты, которых я убивал собственной рукой. Они тоже теперь наши союзники?

– Да, – кивнул пуниец, – и если бы не они, то римляне давно отбросили бы нас до самого Бетиса. Но Гасдрубалу мешают победить не столько римляне, сколько частые визиты чиновников. То и дело приходится бросать армию, которая его боготворит не меньше брата, и возвращаться в Новый Карфаген, откуда он управляет страной.

«Ничего себе, – подумал озадаченный Федор, узнав о численности римлян, высадившихся в Испании, – римляне рискнули отправить сюда целых четыре легиона, даже ожидая нового нападения на свою столицу? На севере Италии ждет сигнала Иллур со своими скифами, а на юге мы и Филипп с македонцами. Видимо, эти римляне знают что-то, чего не знаю я, раз действуют так нагло. Или вконец потеряли разум».

– А зачем Гасдрубалу ездить так далеко, чтобы управлять делами? – переспросил Чайка, наливая себе вина из бурдюка в чашу и вновь присаживаясь на укрытый шкурой камень, – он ведь из-за войны должен находиться у Тарракона. Мог бы и оттуда рассылать приказы войскам.

– Чиновники не желают приближаться к осажденному Тарракону, – пояснил Балезор, выбрасывая обглоданную кость в темноту. – Слишком опасно у его берегов, которые переходят из рук в руки. Поэтому корабли из метрополии не рискуют заплывать дальше Нового Карфагена. А указания Гасдрубалу сенат любит присылать часто. Особенно в последнее время, словно ему больше и заняться нечем. Я же правая рука Офира, тоже бываю там по штабным делам и кое-что замечаю.

«Офир, – как припомнил Чайка, – заместитель Атарбала, которого тот оставил в Испании вместо себя с десятью хилиархиями африканцев. А мой новый друг, значит, его правая рука. Это полезное знакомство».

– И что говорят о войне в метрополии? – спросил Чайка наугад.

– Не знаю, – ответил его собеседник, откинувшись назад в блаженной истоме, – я с ними переговоров не веду. Я же не командующий армией. Но такое ощущение, что война с римлянами их особенно не волнует. Как будто и нет ее. Подкреплений шлют мало. Знай только требуют ускорить отправку налогов и серебра в Карфаген на оплату наемников. Все время требуют денег.

– А откуда ты это знаешь? – удивился Федор, решив, что он уже достаточно пьян, чтобы перейти на ты. Да и Балезор вроде бы не страдал манией величия, оттого что был правой рукой Офира, которого Федор даже не помнил.

– Все знают, что Карфагену постоянно нужны деньги на войну, – отмахнулся Балезор, вставая, – а Гасдрубал сейчас хозяин Испании, самой богатой из провинций... вот он и...

Балезор замолчал на полуслове, словно сболтнул лишнего, и оборвал свой рассказ.

– Я пошел спать, – заявил он, проверяя, не потерял ли свою фалькату. – До рассвета не так много времени осталось, а завтра к вечеру мы вступим в опасные земли. Будь готов ко

---

¹² Данная цифра вымыслена.

всему.

Наутро колонна пехотинцев, собрав палатки, двинулась дальше. Дорога на сей раз пошла вниз, и к полудню, преодолев несколько близких, расположенных почти на одной высоте перевалов, они оказались посреди широкой долины, напомнившей Федору что-то знакомое. Высокие горы остались за спиной, а впереди, далеко внизу виднелась большая река. На волнах этой реки Чайка даже заметил два корабля, издав далеко напоминавшие своим видом биремы.

– Интересно, что это за вода? – спросил Федор шагавшего рядом Урбала.

– А ты разве сам не помнишь? – удивился его друг. – Видишь там, справа, где наша дорога поворачивает, вновь поднимается в горы и пропадает, внизу на реке стоит большой мост? По нему сейчас идет отряд пехотинцев.

– Вижу, – кивнул командир экспедиционного корпуса, прищурившись.

– Очень похоже на тот мост, по которому мы впервые пересекли Ибер, – ответил Урбал, – только шли мы, кажется, другой дорогой.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Федор, присматриваясь к рассекавшим волны биремам, ему показалось, что там промелькнули знакомые черные куртки, – значит, до иллергетов уже недалеко. Хотелось бы знать, чьи это корабли?

– Думаю, наши, – проговорил Урбал не очень уверенно, – хотя если римляне у Тарракона, кто теперь поручится, что они не пробьются вверх по реке.

Корабли между тем шли вниз и вскоре скрылись за прибрежным холмом. А Федор, позабыв о них, – все равно, кто бы это ни был, находились они слишком далеко, чтобы представлять опасность, – последовал за хилиархией Балезора по дороге. Через пару часов они вновь оказались в горах. Дело было под вечер, и первые робкие тени уже падали на дорогу, что вела теперь сквозь узкое ущелье, иссеченное по обеим сторонам разломами. Скалы сдвинулись, оставив лишь небольшую тропу, что все время петляла, не позволяя командирам видеть даже последние шеренги своих спейр, не говоря уже о хилиархиях.

– Интересно, как долго нам еще добираться до этого моста, – подумал вслух Федор, настороженно поглядывая на поросшие чахлым кустарником скалы, откуда в любой момент мог сорваться камнепад.

– Думаю, до темноты будем, – успокоил его Урбал, шагавший рядом.

Еще спустя час их узкая тропа неожиданно слилась с другой дорогой, в три раза шире, и Федор наконец вздохнул с некоторым облегчением.

– Вот теперь я узнаю эти места, – заявил Чайка, вспоминая, как в первый раз походил здесь, глаза на пестро разодетых кельтов и огромных слонов, – не пойму только, зачем Балезор повел нас окружным путем. Я же ему говорил, что время дорого.

– Может быть, здесь путь безопаснее, – предположил Летис, также шагавший чуть поодаль, – до сих пор ведь мы не встретили ни одного местного жителя, пожелавшего пустить нам кровь.

– Может, и так, – согласился Федор, не очень удовлетворенный ответом.

Впрочем, дорога теперь действительно стала шире, и Чайка смог наконец увидеть всю свою колонну на марше. Даже осадный обоз. «Никто не отстал, и то ладно, – успокоился он, закончив беглый осмотр, – а восстание, наверное, уже подавили».

Вскоре, когда начало смеркаться, они вышли из-за очередного поворота и увидели внизу мост. Метрах в пятистах. Однако отряда африканских пехотинцев, лениво тащившего службу в тылу, они не обнаружили. Вместо этого Чайка, обладавший отличным зрением, заметил те самые корабли, приткнувшиеся у моста. И человек восемьдесят бойцов, одетых в темные кожаные куртки, с круглыми щитами и мечами, но без шлемов. Они ходили по мосту и добивали раненых короткими ударами. Вокруг моста и на нем самом валялось множество мертвецов в доспехах африканских пехотинцев, и все говорило о только что закончившейся схватке. Жестокой схватке.

– Они похожи на иллергетов, – не поверил своим глазам Федор.

– Но иллергеты теперь наши друзья, – напомнил Федору шагавший рядом Урбал,

которому командир экспедиционного корпуса уже успел сообщить последние новости, – ты же сам говорил.

– Значит, это либо ваккеи, либо кто-то еще, – отмахнулся Федор, и рука сама собою выдернула фалькату из ножен, – они захватили нашу переправу.

Чайка захотел немедленно бросить в бой свою хилиархию, но перед ним двигалась другая хилиархия африканцев, которая достигла моста раньше. Издав грозный рык, бойцы Балезора ринулись на мост, атакуя не ожидавших нападения врагов, которые сами, похоже, только что проделали удачную вылазку в тыл противника.

Продвигаясь к мосту с обнаженной фалькатой впереди своих солдат, Чайка с легкой завистью смотрел, как передовая спейра Балезора, которую вел он сам, врубилась в едва успевших построиться бойцов противника и с ходу вышибла их с моста. В коротком и ожесточенном бою воины неизвестного противника бились отчаянно, но сила была не на их стороне. Превосходство финикийцев было на этот раз подавляющим. И горцы, продержавшись не больше десяти минут, бросились к своим кораблям, в надежде спастись от преследования в наступающих сумерках. Один корабль они успели даже столкнуть в воду, но лучники, выстроившись вдоль захваченного моста, быстро перебили всех, кто успел в него забраться и даже взяться за весла. Бирема, полная мертвецов, поплыла вниз по течению, вскоре застряв меж камней чуть ниже моста. Остальные не добрались даже до корабля. Их закололи на крутом берегу.

Почти добравшись до места схватки, которая к тому моменту уже закончилась, Федор посмотрел вперед, поверх голов сражавшихся. Какое-то движение на холмах привлекло его внимание. И вдруг он заметил, что к ним скачет отряд всадников. «Наши, – решил Чайка, рассматривая небольшое холмистое плоскогорье сразу за мостом, постепенно вновь переходившее в горы, – где-то там, чуть подальше должен быть финикийский лагерь».

Но, присмотревшись, командир экспедиционного корпуса даже оторопел. К мосту во весь опор неслись римские катафрактарии, выхватив свои длинные мечи. Человек двести, не меньше. Их красные плащи развевались по ветру. И это только те, которых Чайка видел, а позади них могли быть и другие. Быть может, и пешие легионеры.

– Так вот вы для кого старались, – сплюнул Федор, заметив под ногами несколько трупов в кожаных рубахах и недобро усмехнувшись, – но чуть-чуть опоздали. Не видать вам переправы как своих ушей.

Хилиархия Балезора, добивавшая горцев, которые действительно оказались ваккеями, уже прошла мост и теперь перестраивалась перед ним на левом фланге, также заметив атаку невесть откуда появившихся здесь римлян.

– Быстрее! – орал на своих солдат Балезор. – Сомкнуть щиты!

Федор отдал приказ солдатам выстроиться в четыре спейры по фронту – больше просто не позволял берег, – так что получилась глубоко эшелонированная оборона. Остальные хилиархии остановились на мосту и за ним. Подняв щит и вглядываясь в приближавшихся римлян, Федор не заметил позади наступающих новых турм конницы. Конечно, темнота могла скрыть остальных. Но, скорее всего, это был передовой отряд или разведка боем с целью захватить важный мост до подхода основных сил.

Хотя Федор признался себе, что ничего не знает о происшедшем там, за горами. Жив ли еще Гасдрубал или римляне уже пробились сюда всей своей силой и позади конницы идут легионы. Но Чайка решил обороняться до конца. Во всяком случае пока у него солдат было больше, чем у наступающих. Но и две сотни закованных в броню катафрактариев были грозной силой. Что они и доказали.

Поднявшись на холм, римляне неожиданно увидели перед собой не захваченный ваккеями мост, а плотные шеренги африканских пехотинцев. Однако – Чайка отдал им должное – и не подумали остановиться, хотя еще было время отвернуть. Прямо с холма они обрушились на хилиархии Чайки и Балезора, стремясь опрокинуть их в реку, и почти рассекли надвое общий строй.

Главный удар пришелся чуть левее того места, где стояли сам Федор, Урбал и Летис.

Некоторое время пехотинцы и римляне сражались без их участия, но вскоре драка дошла и сюда. Врубившись с криками ярости в шеренги африканцев, римляне рвались на мост, оттесняя конями дрогнувших от такого мощного удара пехотинцев.

– Не отступать! – орал Чайка, поднимая повыше щит, чтобы успеть отразить удар римского всадника, который скакал прямо к нему, вознамерившись убить командира. – Атаковать с фланга!

В этот момент катафрактарий, свалив конем ближнего пехотинца, подскочил к Федору и нанес удар своим длинным мечом. Но Чайка был готов. Он отбил удар и нанес в ответ свой, слегка промахнувшись. Фальката лишь оцарапала бок всадника, защищенного кирасой, пройдя мимо.

– Смерть пунийцам! – в ярости заорал римский всадник.

Федор увидел занесенный над собой меч, готовый обрушиться ему на голову, и перекошенное от злобы лицо, стянутое нащечниками.

– Да здравствует Сципион!

– Ну уж нет, – крикнул он в ответ по-латыни, – твой консул переправится через эту реку только мертвым!

И, присев, нанес новый мощный удар снизу вверх. Клинок опять отскочил от кирасы. Доспехи римлянина были хорошо сделаны. Федор оценил это сразу, но отступать он не привык. Всадник покачнулся от удара, едва удержавшись, и довершил-таки начатое, – на голову Чайки обрушился меч. Федор едва увел чуть в сторону удар своим щитом, расколовшимся сверху. Но катафрактарий вложил всю силу в этот удар, и острие меча задело-таки по плечу, почти разрубив наплечник, но не достав до тела. Превозмогая боль, Федор, отбросив щит в сторону, нырнул под коня и, перекувыркнувшись, оказался с другой стороны. Всадив свое оружие в бок римлянину, он отскочил на шаг, чтобы не попасть под удар другого всадника, проскакавшего мимо. И на этот раз ярость утроила его силы. Федор пробил доспехи, угодив в сочленение, и клинок поразил врага. Катафрактарий согнулся, выронив меч, упал с коня под ноги Федору, а тот добил поверженного всадника коротким ударом в шею.

Не успел он разогнуться, как еще один римлянин налетел на него сзади из темноты. Но друг успел его предупредить.

– Федор! – крикнул Урбал, только что разделавшийся со своим противником. – Сзади!

Федор отпрыгнул в сторону, и меч просвистел над самой головой, срубив лишь несколько перьев со шлема. Катафрактарий проскакал еще метров пять и вдруг упал, схватившись за голову. Чайка, собравшийся метнуть в него вытащенный кинжал, остановился в изумлении. Летис оказался проворнее. Когда Федор подбежал к поверженному всаднику, чтобы добить, тот был уже мертв. Из глаза римлянина торчала рукоять длинного кинжала.

Осмотревшись, Чайка понял, что бой почти закончен. Они выиграли, правда дорогой ценой. Находившиеся на острие атаки римляне с ходу пробились на мост и даже на какое-то время оттеснили с него африканцев, но затем их разделили атакой с флангов и разбили по частям. Те, кто остался сзади, а их было не больше сорока человек, ускакали в ночь, поняв, что карфагенян не удастся выбить с моста. А еще человек двадцать, попав в окружение, яростно отбивались на мосту, пытаясь вырваться из окружения. Но вскоре все были уничтожены.

Глава двенадцатая

Почти дома

Едва отчалив от берега и проплыв вдоль него с полкилометра на небольшом удалении, корабли Ларина, считавшего себя уже в безопасности, неожиданно вновь подверглись нападению.

Когда злополучная стоянка осталась позади, они поравнялись с выдававшимся вперед

мысом, где рос густой лес, и там вновь показались гетские всадники в блестящих доспехах.

Ларин, наблюдавший с кормы за тем, как выстраивается в кильватер его караван, груженный разобранными баллистами, вдруг услышал знакомый свист и едва успел пригнуться, как над головой пролетела стрела. Потом еще одна и еще, а рядом послышались стоны.

Стоявшие у борта рядом с адмиралом двое скифов, убитые шальными стрелами, обрушились в воду, выронив луки. А Леха, сначала слегка присевший от неожиданности, чтобы укрыться за ограждением, увидев смерть своих людей, в ярости встал в полный рост.

– Ответить немедленно! – заорал Леха, увидев, как свалился на палубу сотник Инисмей, получив стрелу в плечо.

Тотчас вдоль борта выстроились человек двадцать скифов, которые, натянув тетиву, стали выцеливать гарцевавших между деревьями гетских всадников. Волна за волной стрелы стали накрывать их. Вскоре на глазах адмирала несколько человек свалились с коней, пораженные точными выстрелами. Ответный «огонь» с берега поутих.

– Молодцы! – заорал Леха, даже подпрыгивая на своем месте от радости, позабыв про еще не зажившую ногу. – Вали всех, кто осмелится показаться на берегу.

Его лучники смогли поразить еще пятерых, до тех пор пока корабль не удалился от мыса слишком далеко и стрелы перестали доставать до берега. Зато его место заняла следовавшая за флагманом бирема, и оставшиеся геты вновь вступили в перестрелку с лучниками скифов, продолжавшими перемещаться по берегу.

– Эх, жаль, не могу поставить парочку баллист на палубу, места маловато, – сокрушался адмирал, призывая в свидетели Токсара, – вот они бы у меня тогда получили по первое число. Я бы им показал, что такое скифская артиллерия, ни одного дерева на берегу бы не осталось. А ты, Токсар, и сам бы стариной тряхнул. Помнишь, как мы греков под Херсонесом топили?

– Да, славная была битва, – кивнул Токсар, предаваясь воспоминаниям, благо стрелы перестали свистеть, – я тогда своими руками поджег первую квинкерему.

– Это верно, достал ты ее тогда, – похвалил его Ларин, словно это произошло пару минут назад, – отличился перед Иллуром.

Между тем корабли прошли «опасную зону», перестрелка закончилась. Больше всех пострадала от нее флагманская бирема, где имелось несколько убитых и раненых.

– Держись ближе к центру реки, – приказал Ларин рулевому, направляясь к мачте, где лежал пораженный стрелой Инисмей. И добавил, как бы размышляя вслух: – Мало ли что взбредет гетам в голову. Вдруг еще задумают проводить нас до следующего мыса.

Рулевой, почитавший Ларина за главного на корабле после своего капитана, немедленно заложил вираж, направляя бирему в самый центр стремительного течения, которое вновь подхватило корабль и понесло его дальше так быстро, что можно было даже не пользоваться веслами.

– Как ты? – спросил Леха, приближаясь к раненому сотнику, вокруг которого колдовал походный лекарь. Тот самый престарелый скиф, что пользовал его рассеченную ногу. Стрела вонзилась Инисмею прямо в правую лопатку, и тот истекал кровью. Но, сжав зубы, подавлял стоны, когда лекарь бередил его рану, промывая и осматривая.

Инисмей слабо улыбнулся в ответ, даже повел здоровой рукой, «мол, все в порядке».

– Жить будет? – спросил Леха у лекаря.

– Если вынуть стрелу и зашить, будет, – успокоил его старик, крепкими пальцами ощупывая плечо, – а если нет, то скоро умрет.

– Делай, что должен, – приказал Леха, – он парень крепкий, выдержит.

И лекарь, достав свои нехитрые инструменты, приступил к извлечению стрелы. Все время, пока сотника оперировали, Леха простоял на корме, слушая раздававшиеся стоны, но разглядывая бурную воду, что закручивалась многочисленными водоворотами на середине реки. А затем увидел, как несколько воинов, положив своего командира на плащ, отнесли его вниз под палубу, где размещалось большинство воинов, временно ставших пехотинцами.

Больше в тот день ничего особенного не приключилось. Заночевали они на пустынном острове, который обнаружили близ побережья, но на достаточном удалении, чтобы его нельзя было достичь в брод. Геты больше не беспокоили, а может быть, территория этого племени была не столь велика. В любом случае Ларин наутро ожидал увидеть слияние двух русел, после которого до конечного пункта оставалось, судя по рассказам, уже не так далеко.

– Завтра должно появиться, – сообщил он Токсару, перед тем как лечь спать, – а там считай, что пришли. Еще денек, может два.

Никакой карты он не видел, но отчего-то доверял македонскому переводчику, предупреждавшему путешествие в несколько дней длиной. Пока что все его прогнозы, включая гетов, в целом сбывались. Хотя плыли они вниз уже достаточно долго, а места слияния все не было. Ларин начал немного переживать, не сбился ли он с пути. Но сам же себя успокаивал. Блудить здесь было особо негде. Плыви себе да плыви.

Наутро, когда караван вновь выбрался на середину реки, они достигли искомого места. Когда солнце уже прошло зенит, миновали огромную скалу, за которой неожиданно показалось обширное пространство, залитое водой. Здесь желто-зеленые горы раздвигались, а лес словно расступался, давая проход еще одному руслу, которое несло почти вдвое больше воды.

– Ну наконец-то, – выдохнул адмирал, посмотрев на стоявшего рядом с ним Токсара, – а то я уж думал, не промахнулись ли мы.

На другой стороне реки становившейся вдвое шире после слияния двух потоков, на вершине холма они заметили город. Небольшой, но хорошо укрепленный. Его опоясывала каменная стена с башнями и частокол, за которым виднелись деревянные хибары.

– Кто здесь живет? – поинтересовался Ларин у своего помощника.

– Не знаю, – признался Токсар, – но думаю, что здешние жители еще не подчиняются нашему царю.

– Враги? – деловито поинтересовался адмирал, осматривая гавань, в которой не увидел больших кораблей. Ни бирем, ни триер, хотя глубина и ширина реки уже позволяли заплывать сюда таким судам. Только рыбацкие лодки, которые во множестве бороздили местные воды.

– Не думаю, – проговорил Токсар, тоже разглядывая берег и пирс, – скорее всего, они не воевали против нас просто потому, что мы еще не дошли до этих мест.

– Хорошо, – кивнул Ларин, – тогда можно не опасаться морского нападения.

– Будем приставать? – уточнил Токсар.

– Нет, – решил Леха, поглядывая на городские стены, окруженные со всех сторон лесом, – я не чувствую себя слишком сильным, чтобы завязывать соседские отношения. Вот доберемся до своих, а потом и заглянем сюда с конным войском. Так надежнее.

И, прищурившись на солнце, добавил:

– Кроме того, геты, которых Иллур недобил, чувствуют себя здесь слишком вольготно и могут дружить с этим городом. Так что лучше нам сюда пока не соваться.

Караван, пройдя вдоль дальнего берега, благополучно миновал его.

Почти до самого вечера они спокойно плыли по широкой реке. Никто их не преследовал и не атаковал, да и судоходство в этих местах, несмотря на большие возможности, было крайне вялым. За весь день им встретились лишь несколько рыбацких шаланд и два «торговца», которых они не стали «досматривать», чтобы не терять время. Опасности те не представляли. Да и сама «досмотровая команда» на биремах выглядела не очень грозно.

– Видно, те, кто живет в верховьях, не хотят пока плавать к нам, – объяснял сам себе и Токсару эту ситуацию Ларин, глядя, как далеко позади остаются настоящие горы, а мимо проплывают холмы, становясь все более пологими и предвещаая скорую степь по левому борту.

– А тем, кто хочет плыть вверх, мы тоже перекрыли путь, захватив морской берег и земли Палоксая, – поддержал разговор бывалый мореход, – так что вся река в этом течении

наша.

Ларин решил его пока не разубеждать в том, что касалось «нашей» реки.

«Ну зачем ему знать, что в дельте снова хозяйничают греки, – подумал адмирал, – пусть пока пребывает в счастливом неведении. Хоть бы спросил, зачем это нам понадобилось катапульты и баллисты тащить обратно, едва дойдя до берегов Адриатики. Что нам, заняться больше нечем?»

И вдруг, вглядываясь в очередную излучину реки, за которой вот-вот должна была показаться скифская крепость, он заметил самую настоящую триеру, рассекавшую волны своим тараном.

– Нас, похоже, встречают, – усмехнулся Ларин, – не могут дождаться. Наверное, Иллур уже прибыл в крепость и отправил эту триеру на поиски.

Он даже спустился с кормы, прошел по палубе между столпившимися на ней скифами, смотревшими на пологие берега, словно ожидая увидеть за холмами передвижения конной армии царя, и оказался на носу. Там он ухватился на резную балку, изображавшую какое-то кельтское божество, даже чуть перегнулся через борт и стал пристально вглядываться в приближавшийся корабль.

Триера ходко шла навстречу под парусом, благо ветер ей был попутный. Но чем дольше вглядывался скифский адмирал в совершенные обводы корабля, тем больше его разбирало любопытство. Он знал почти все свои корабли «в лицо», кроме тех, конечно, которые Гиლისподис мог построить после его отплытия из Тиры. Но стиль мастера был ему слишком хорошо знаком, чтобы понять – эту триеру сделали не для скифского флота.

– Черт меня раздери, – пробормотал Ларин, разглядев на палубе греческие шлемы с красными плюмажами и панцири пехотинцев, явно выстраивавшихся вдоль бортов не для парада, – да это же греки.

Он развернулся назад и, вскинув руку, крикнул так, чтобы его услышали даже на корме:

– Приготовиться к бою! Впереди греческая триера.

Скифские воины, уже полагавшие себя на своей земле и в двух шагах от крепости, где их ожидал собственный флот, казалось, не сразу поняли смысл команды. Но ее подхватил Токсар, разглядевший греческие панцири, а после команды Ларина отогнавший последние сомнения.

– Разобраться по бортам! Приготовить луки и мечи к бою! – прогремело над палубой.

– Сообщи остальным, – приказал Ларин Токсару, оказавшись на корме, – а то они тоже ожидают лишь почетную встречу.

Пока скифы готовились к бою, разбирая свои легкие кавалерийские щиты и мечи, Ларин рассматривал приближавшуюся триеру, прикидывая шансы на успех. Они получались не очень велики, несмотря на то что численное превосходство было на стороне скифов. Ни одна из речных бирем тарана не имела. Не говоря о том, что на заваленной тюками и запруженной бойцами палубе не было и намека на место под метательные машины. А на триере их было сразу несколько штук.

«И откуда же ты тут нарисовалась? – подумал Леха, глядя, как прислуга греческих баллист наводит на них метательные орудия. – А может, и нашей крепости уже нет? Или она в руках афинян, прорвавшихся сюда раньше Иллур».

Адмирал поспешил отогнать эти предательские мысли. Сейчас было не до гаданий. Как моряк, побывавший уже не в одном сражении, он отчетливо понимал – еще немного и каменные ядра начнут превращать в решето корабль Ингибила, который никак не мог ответить грекам той же монетой. Нужно было что-то противопоставить этой акуле, случайно наравшейся на стаю неповоротливых тюленей.

Он также понимал, что единственной надеждой был абордаж, несмотря ни на какие жертвы. Все равно их будет больше, если греческая триера начнет дырять их ядрами и пускать на дно одного за другим своим тараном. Уж в этом-то Ларин не сомневался ни секунды, глядя, как исчезает парус на триере и открываются порты, выпуская из себя

длинные весла. И если биремы еще могли хоть как-то противостоять этому кораблю, пытаясь вступить в абордажный бой, то небольшим «транспортам» с лошадьми и солдатами оставалось только пытаться уходить от столкновения, иначе их ждала верная гибель.

Леха точно знал – окажись он на месте капитана триеры, не стал бы сближаться для абордажа. А зачем? Ширина реки позволяла триере маневрировать почти беспрепятственно как вдоль строя, так и между кораблями, чтобы расстрелять из орудий хоть весь караван. И греки наверняка не станут терять своего преимущества.

– А ведь он так и сделает, – проговорил вслух Ларин, – дай сигнал, чтобы сломали строй и рассредоточились по реке. Так вернее кто-нибудь проскочит.

– Что сделает? – из-за поднявшегося шума переспросил Токсар, но ответа от адмирала не дождался.

Ответ прозвучал со стороны греков. Два первых ядра, просвистев в вечернем небе, обрушились точнехонько на бирему. Одно прошло насквозь палубу и прибило кого-то из гребцов, ранив, похоже, еще нескольких человек. Вслед за падением первого ядра из трюма послышались дикие крики. А второе превратило в кашу троих лучников на носу, обрушив небольшой навес.

– Сразу в десятку! – сплюнул адмирал. – Эх, мне бы сюда триеру... Лучники, отвечать!

Скифы открыли стрельбу по высокому борту триеры, показавшемуся уже совсем близко. Им даже удалось зацепить нескольких греков, хоть большинство стрел забарабанило по щитам гоплитов, выстроившихся вдоль борта за метательными машинами.

Флагману повезло. Греки, выпустив еще пару ядер, стоивших адмиралу жизни нескольких солдат и верхней части борта, прошли мимо. По всей видимости, они решили ударить в самый центр колонны, чтобы затормозить движение кораблей, плывших последними. А разделившись с ними, догнать тех, кто шел первыми. Наличие тренированных гребцов вполне позволяло это сделать.

Но Ларину эта идея не понравилась. Если позволить грекам безнаказанно резвиться на просторах Истра, то они пустят на дно весь его осадный обоз, включая катапульту Архимеда, разбросанную сейчас по трюмам сразу нескольких судов каравана.

– Нет уж, хрен вам, господа греки, – прорычал адмирал и, едва триера разошлась с ним бортами, приказал капитану, махнув рукой: – А ну, Ингибил, давай разворачивай свою шаланду! Догоняй греков!

Кельтский капитан, как ни странно, понял его без слов и выполнил приказ мгновенно. Если, проходя пороги, он мог рискнуть и не послушать Ларина – там он все же был на своем месте, – то теперь Ингибил печенкой чуял, что лучше все делать так, как говорит скифский военачальник.

Раздался его окрик, и рулевой заложил резкий поворот. Весла одного борта замерли, а другого, напротив, заработали с утроенной силой. И вскоре бирема уже преследовала триеру, правда на почтительном расстоянии. Греки, увлеченные атакой, этого пока даже не заметили.

– Давай быстрее! – орал на гребцов адмирал. Не выдержав, он даже спустился в трюм. – Шевелись, лентяи! Если не догоним триеру, я вас всех продам в рабство!

Неизвестно, поняли его свободные кельты, что служили гребцами своей общине, или нет, но корабль полетел быстрее. Когда Ларин вновь выбрался на палубу, едва не провалившись в пролом, оставшийся после попадания ядра, он увидел, как баллисты обстреляли второй корабль каравана, абсолютно безнаказанно уничтожив не меньше дюжины его солдат.

– Ах вы, суки! – взбеленился Ларин от собственного бессилия. – Ну доберусь я до вас. Мало не покажется.

Между тем триера, просто летевшая по волнам, еще дальше оторвалась от преследования, перенеся огонь своих орудий на третью бирему. Четвертая и шедшие за ней «грузовики», к счастью уже начали исполнять команду адмирала, сломав строй и рассредоточившись. Так что теперь перед греками был виден целый ряд кораблей, бесстрашно двигавшихся прямо на них. По замыслу адмирала, так грекам было труднее

попасть в многочисленные движущиеся мишени. Стрелять по целям, что шли друг за другом, было гораздо удобнее. А так у части кораблей, беззащитных перед убойной артиллерией греков, появлялся хотя бы призрачный шанс проскочить.

– Разворачивай! – замахал руками Ларин, когда они поравнялись с изувеченным, но не потерявшим ход вторым кораблем каравана. – За мной пойдешь, на абордаж!

Обалдевший от увиденного, капитан второй биремы не сразу понял, что от него требуется. Но когда Ларин спустя пять минут обернулся, то увидел, как вторая бирема пристраивается за ним. «Нам бы только догнать эту сволочь, – кипятился Леха, пристально вглядываясь в маневры греческой триеры, сжимая рукоять меча, – а уж там я покажу этим хваленным гоплитам, как надо ходить врукопашную».

Обстреляв третий корабль, греки наконец наметили себе жертву для таранного удара. Резко развернув хищный нос, триера устремила к последней биреме каравана. А третья, на которой везли большую часть катапульты Архимеда, пострадала пока больше других. Пристрелявшись, греческие «артиллеристы» смогли положить все ядра очень кучно, почти у самой воды, и теперь корабль сильно кренился на левый борт, едва ли не черпая воду носом. Попади он на хорошую волну, мог запросто перевернуться. Но скифские лучники, перейдя на другой борт, несмотря на крен, продолжали обстреливать греков, посылая стрелы вдогон. На глазах у Ларина несколько гоплитов с кормы рухнули за борт, пораженные метко пущенными стрелами.

– Вот так вот, – обрадовался Леха, увидев смерть гоплитов, – попадитесь вы мне, и баллисты не спасут.

Но, миновав изувеченную бирему, он не стал тянуть ее за собой. Это был уже не корабль, а плавучая мишень. Разглядев на борту Уркуна, который тоже заметил его, Ларин понятным жестом приказал ему вести корабль к берегу. «Им теперь главное катапульту не утопить, – пронеслось в мозгу адмирала, когда он вновь посмотрел вперед, – а бой мы как-нибудь и сами закончим».

Капитан последней биремы, осознав, какая опасность ему грозит, попытался уйти от столкновения. Его судно развило небывалую скорость и пыталось еще маневрировать, уходя зигзагами в сторону недалекого берега. Но все было тщетно. Заложив лихой поворот, греческая триера с ходу протаранила и без того низкий борт корабля, с треском проломив обшивку в районе кормы. Бирема вздрогнула всем корпусом, но не опрокинулась, хотя добрый десяток находившихся на палубе скифов полетел в воду, перекувыркнувшись через голову. Те же, кто удержался на ногах, ни на секунду не прекращали обстрел греческой палубы, нависавшей теперь над самым бортом биремы. Леха видел, как оттуда перебросили сходни и по ним посыпались вниз греческие пехотинцы.

Конечно, корабль был обречен. Греков было больше. Они несли на себе тяжелое вооружение и умели отлично сражаться пешими в тесном пространстве палубы. Но и скифы не собирались сдаваться без боя. Кроме луков, почти бесполезных в ближнем бою, Леха с удивлением рассмотрел нескольких скифов, вооруженных копьями из арсенала всадников. Насадив на них передних гоплитов, они выхватили мечи и пропали в образовавшейся свалке.

Расстояние между флагманской биремой и остановившейся после столкновения триерой греков стремительно сокращалось.

– Быстрее! – орал на капитана и гребцов Ларин, видя, как греки медленно, но верно, одолевают его бойцов, – мы должны успеть, пока они не расцепились. Заходи с другого борта, готовь крючья!

В пылу схватки их заметили слишком поздно. Бирема адмирала подобралась с кормы к грекам. И скифы даже успели забросить несколько крюков, имевшихся на корабле Ингибила, привязав свое судно к борту триеры, пока греки осознали, что сами атакованы неприятелем. В последний момент десяток гоплитов выстроился вдоль борта с мечами, но было поздно, скифы быстро свалили половину из луков, и полезли вверх, карабкаясь по деревянному борту.

– За мной, бойцы! – орал адмирал, первым взбираясь по веревке на палубу, где ему

сразу пришлось схлестнуться с греческим гоплитом, вставшим на пути.

Схватившись за ограждение свободной рукой, он заметил за ним лишь одну шеренгу греческих солдат, за которыми виднелись спины тех, кто рвался на протараненную бирему. Подтянувшись, чтобы перевалиться на палубу, Ларин едва не лишился головы. Меч гоплита просвистел в двух сантиметрах от его шеи, когда грек попытался рубящим ударом отделить голову от тела адмирала, так удобно подставлявшегося под меч.

Но Ларин все же увернулся от клинка, вырубившего щепку из ограждения, перевалился через него, рухнув под ноги гоплиту, и всадил тому свой меч в подбрюшье. Несмотря на кожаные ламбрекены, клинок добрался до плоти. Грек охнул и, согнувшись, упал на колени. Его щит с грохотом отлетел в сторону, меч уткнулся в палубу, на которую стекала алым ручейком кровь, а голова в шлеме склонилась перед Лариным. Лежа уже вскинул руку, чтобы ответить гоплиту той же монетой, которой едва не расплатился сам, – отрубить голову, – но на него уже летел другой солдат. «Хватит с него, – решил Ларин, отпрыгивая в сторону и перемещаясь под ударами гоплита ближе к мачте, где шла настоящая свалка, – и так уже почти на небесах».

– Пробиться на атакованную бирему! – крикнул он появившимся рядом скифам, которые размахивали мечами, наседая на гоплитов. – Быстрее!

Они видел, что там дело совсем худо. Греки уже вырубili почти подчистую половину оборонявшихся, и лишь вмешательство Ларина и его команды могло спасти ситуацию хоть отчасти. Многие из его бойцов, атаковавших во втором эшелоне, захватили с собой луки. И теперь задние ряды скифов пускали стрелы во все стороны, почти в упор убивая гоплитов, число которых стремительно сокращалось. И все же им противостояли опытные бойцы, обученные биться в тесном пространстве палубы. Если здесь, у носа триеры скифы положили уже почти половину греческих морпехов, то на корме ситуация была иной. Там гоплиты, перестроившись, сомкнули щиты и упорно отбивали атаки скифов, не все из которых бились, имея даже щиты. Потери росли.

И тут Ларин, отразивший очередной удар своего противника и лишивший его щита ответным, заметил, что между триерой и протараненной скифской биремой, охваченными жестоким боем, вклинилась еще одна бирема. Та, что шла за ним следом. В пылу погони она поотстала, и адмирал даже забыл про нее. А вот теперь она появилась вовремя. Но, набрав хороший ход, не смогла быстро зацепиться крюками за борт греческого судна и в результате ударилась в самый ее нос. Туда, где таран вошел в борт атакованного корабля. От столкновения все корабли содрогнулись и расцепились. Течение медленно оттащило триеру в сторону от жертвы, и Ларин, поразив наконец своего поединщика, вдруг услышал грохот. Это сходни, соединявшие корабли, обрушились на палубу подоспевшей биремы вместе со сражавшимися на ней солдатами. Капитан скифов крикнул что-то зычное, и крюки намертво привязали триеру к ее борту. Теперь греки были зажаты сразу с двух сторон и превратились из хищника в затравленную дичь.

– Ну теперь пойдет дело! – обрадовался адмирал и бросился в новую атаку на корму, где еще оставалось человек двадцать гоплитов вместе с капитаном. – Выбросить этих вояк за борт! Это наша река!

Спустя пятнадцать минут все было кончено. Скифы вырезали всех греков, находившихся на триере, полностью захватив корабль. Не тронули только гребцов и нескольких офицеров, взятых в плен. С ними Ларин захотел потолковать чуть позже. А теперь, вернув меч в ножны, он с гордостью расхаживал по длинной палубе, усеянной вражескими трупами, и осматривал доставшийся ему корабль. Хозяйство было что надо.

– С таким подарком можно и в крепость идти, – заметил довольный адмирал сопровождавшему его Токсару, – есть чем похвалиться даже перед Иллуром. Это тебе не кельтские лодчонки, на которых даже баллисту толком не поставить.

Сказав это, Ларин посмотрел на «отстыковавшийся» после столкновения корабль с пробоиной возле кормы, который, завалившись на один борт, пытался добраться до недалекого берега. Чуть впереди еще одна потрепанная бирема с сильным креном шла в том

же направлении. Победа над греческими моряками досталась скифам непросто.

– Как думаешь, доберутся? – спросил он у Токсара и, не дожидаясь ответа, добавил: – Скажи капитану второго корабля, чтобы проводил до берега, мало ли что. Залижем раны, осмотримся и потом двинемся дальше. Других греков вроде не видно, а до крепости уже должно быть недалеко.

Глава тринадцатая

Марк Акций Памплоний

Наступившей ночью Чайка приказал не разводить костров даже для того, чтобы приготовить пищу. Он допускал, что римляне могут вернуться, – ведь неизвестно было, сколько их всего поблизости. Приказав выставить многочисленные посты на этом берегу Ибера, он все же разрешил остальным отдохнуть, но предварительно отойдя на другой, безопасный берег. А к себе вызвал Урбала, который явился в сопровождении вездесущего Летиса.

– Отправишься в разведку, – приказал Федор, окинув взглядом слегка уставших после схватки друзей. К счастью, никто из них не был ранен. – До рассвета я хочу знать, сколько в окрестностях моста римлян.

Сам он этой ночью почти не спал, проверяя посты и ожидая нового нападения. Лишь вздремнул перед рассветом полчаса на берегу, расстелив плащ прямо на земле, как не гнушался спать и сам Ганнибал в походах. Сон был без сновидений, и Федор отлично выспался, давно привыкнув быстро восстанавливать силы при любой возможности. На войне место и время для отдыха выбирать особо не приходилось. А когда его разбудили, выполняя приказ, перед ним предстали друзья, вернувшиеся из разведки.

– Ну что? – пробурчал Федор, умывшись водой из реки.

– Впереди, до самых перевалов никого нет, – отпартовал сын торговца конями из Керкуана, – дорога свободна. На первом перевале нашли трупы наших солдат. Дальше не ходили.

– На обратном пути мы даже проверили предгорья вдоль реки, – добавил Летис, махнув рукой туда, где обитали иллергеты, а за ними, в среднем течении Ибера, и васконы, – все тихо.

– В общем, если враг тут есть, то прямо сейчас он нам не угрожает, – закончил доклад Урбал.

– Хорошо, – решил командир экспедиционного корпуса, – тогда передай, что я разрешил приготовить еду и затем немедленно выступаем. Солдаты Адгерона, Карталона и Абды идут со мной. Здесь охранять мост останется неполная хихиархия Атебана, до тех пор пока он не получит от нас известий. Не для того мы положили здесь столько людей, чтобы снова просто так отдать его римлянам или этим длинноволосым дикарям в черных куртках.

Балезор, не претендовавший на верховное командование прибывшим из Италии корпусом, не стал возражать. Вместо ожидаемых послов он должен был теперь «доставить» Гасдрубалу хотя бы Федора с сообщением.

Когда розовое солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы можно было разглядеть, что находится в нескольких километрах, корпус африканцев был уже под перевалом, с которого вчера спустились римляне. Здесь Федор приказал ненадолго сделать остановку, чтобы осмотреться. Широкий перевал, с которого расходилось сразу несколько дорог, был усеян трупами пехотинцев Карфагена вперемешку с римскими. Пост здесь был не слишком велик, около двух спейр. А само направление считалось хоть и важным, но пока еще тыловым, служившим больше для связи с новой столицей. И Гасдрубал, вероятно, недооценил решимость и хитрость римлян.

– Видно, захватили врасплох, – решил Федор и спросил, обернувшись к стоявшему рядом Балезору: – Откуда прорвались, как думаешь?

Тот помолчал, собираясь с мыслями.

– Если они оказались здесь, – начал он излагать свои невеселые соображения, – то либо Тарракон пал, либо братья Сципионы разделились и вторая армия уже взяла Илерду.

– А они не могли ее просто обойти? – спросил Чайка со слабой надеждой в голосе. Ему не очень хотелось узнать, что войска Карфагена по эту сторону Ибера уже истреблены легионами консулов.

– Могли, – подумав, кивнул Балезор, – но в этом случае им надо было сначала осадить Илерду, чтобы пройти мимо нее. И уничтожить все войска, что находятся в лагерях между ней и Тарраконом.

– Значит, просочиться могли, – кивнул Чайка, не желавший терять надежды, – что посоветуешь? Двигаться на выручку Илерды или к Тарракону?

Эти пути, как отчетливо помнил Чайка, вели в противоположные стороны.

– Гасдрубал был в Тарраконе, – проговорил Балезор, добавив: – Во всяком случае там я его оставил. И не думаю, чтобы он дал римлянам так легко себя уничтожить. Скорее всего, это действительно был отчаянный маневр захватить мост в тылу и отрезать армию Гасдрубала от подкреплений по суше, как они уже это сделали на морском побережье.

– Что бы там ни задумали консулы, мы сорвали их план, – кивнул Федор, давая знак к выступлению. – Решено, идем к морю. Твоя хилиархия, Балезор, пойдет первой. А в Илерду отправь разведчиков, и пусть они догонят нас в пути.

Весь день карфагеняне двигались форсированным маршем по горной дороге в сторону моря, не встречая никого. Ни римлян, ни, что еще больше настораживало Чайку, своих. Постепенно горы, и без того невысокие у самого Ибера, превратились в холмистое плоскогорье. И только здесь под вечер, когда уже должно было показаться побережье, навстречу им выехал конный разъезд. Всадники появились неожиданно, взлетев на вершину холма откуда-то снизу. Завидев их перед своим авангардом, Чайка уже схватился за рукоять фалькаты, но быстро успокоился – это были нумидийцы.

Обменявшись несколькими словами с Балезором, чернокожие всадники двинулись вдоль строя остановившихся пехотинцев, пока не достигли того места, где ждал их Чайка, скрестив руки на груди. Их было не много, человек пятьдесят. А предводителем этого легковооруженного дротиками воинства, защищенного лишь белыми туниками, был широкоплечий и рослый боец. Поравнявшись с Чайкой, в котором он безошибочно определил командующего, африканец окриком остановил свою лошадь, сжав ее голыми пятками.

– Меня зовут Казуун, – представился чернокожий воин, слегка коверкая финикийские слова, – я должен проверить дорога до моста через Ибер. Мне сказать, что вы идете оттуда.

– Да, можешь повернуть обратно и сообщить Гасдрубалу, что мы отбили мост от римлян, которые хотели захватить его, – проговорил Федор, но вдруг передумал: – Хотя наши разведчики так и не вернулись из Илерды. Так что выполняй приказ. И если встретишь их, сообщи, где видел нас.

Нумидиец поклонился и уже собирался пустить лошадь вскачь, как Федор снова окликнул его:

– Что происходит у Тарракона?

– Римляне осаждают, – ответил, снова остановивший окриком лошадь, нумидиец, – сегодня опять пытались окружить город. Сражение, мы победили. Но римляне не ушли. Дорога пока свободна.

– А что Илерда? – уточнил Чайка, отметив, что этот нумидиец говорит по-финикийски гораздо лучше, чем его старый знакомый Угурта.

– Не знаю, – ответил всадник, – туда меня не посылали. Слышать только, что там много римлян прорвались.

– Езжай, – махнул рукой Чайка, – это я уже знаю.

Когда его хилиархия дошагала до вершины холма, перед Чайкой раскинулась обширная долина, примыкавшая к морю. С этой точки, возвышавшейся над побережьем, он увидел Тарракон, обнесенный крепостной стеной из светлого камня, и многочисленный римский

флот, запиравший гавань, в которой стояли несколько финикийских кораблей, не имевших возможности прорвать блокаду. Часть римских кораблей, похоже, совсем недавно пристали к «карфагенскому» берегу, на который сейчас высаживались морские пехотинцы под прикрытием своих передовых отрядов.

Кроме того, взгляду Чайки предстали массы солдат находившихся позади полевых укреплений по обе стороны от города. В северной части, от моря и почти до холмов, римлянами был выстроен вал, охвативший полукольцом уже большую часть укреплений города. Но дальше его строительство не шло, там укрепления римлян почти смыкались с частоколом и стеной, возведенной войсками Гасдрубала, который продолжал контролировать несколько ворот и вход в гавань. Поэтому город все еще был в руках карфагенян и держался, постоянно получая подкрепления с юга. Однако было ясно, доверши Сципион строительство своего вала, и горожанам придется туго. Лагерь римского войска был выстроен на холмах почти у самого моря, откуда к нему имелся свободный доступ. Лагерь Гасдрубала стоял на холме в южной части предместий. И в тех и в других укреплениях имелись проломы, наспех заделанные всем, что попадалось под руку.

– Похоже, тут идет настоящая бойня, – заметил Федор, осмотрев поле сражения, длившегося уже не один месяц, – упорные попались противники. Ну да ничего, теперь с нашей помощью дело сдвинется к победе.

Усмехнувшись своим словам, Ларин повернулся на громкий звук. Внизу, прямо под холмами, с которых он спускался, находился огромный лагерь финикийцев, обнесенный частоколом. Сейчас сразу двое ворот, укрепленных башнями, открылись, и к недостроенным римским укреплениям устремились пехотинцы.

– Да мы вовремя, – едва не присвистнул Чайка.

Это были кельты числом около двух тысяч. Со страшными криками они пересекли ничейную землю, быстро приблизились к частоколу, которым был укреплен вал, и, преодолев его под градом стрел и камней, пущенных из пращи, устремились вверх. Там их встретили шеренги римских легионеров, успевших приготовиться к отражению очередного приступа. Завязалась драка. Кельты размахивали мечами и топорами, стремясь развалить стройные ряды легионеров, занявших позицию на вершине. Места для битвы было немного, и сражение происходило пока между теми, кто сумел преодолеть римские «надолбы». Но легионеры, подбадриваемые криками своих центурионов, все же дрогнули. Сразу в двух местах, под натиском кельтов, их строй был продавлен, и пехотинцы Гасдрубала хлынули за первую оборонительную линию, где их ждали новые «заградотряды».

Вскоре Федору показалось, что яростная атака кельтов – это либо отвлекающий маневр, либо начало более масштабного наступления. За их спинами вдоль вала к морю, где под охраной передовых манипул высаживались морпехи Сципиона, проскакал отряд иберийских всадников под началом офицера в кирасе из светлого металла, ярко блестевшей на солнце. Но до самого берега он не добрался. Из ближних ворот вала показались римские катафрактарии, поскакав наперерез карфагенянам. Их было не меньше сотни, и вскоре на подступах к побережью разгорелось конное сражение.

– Придется вмешаться, – решил Федор, наблюдая, как римские морпехи беспрепятственно заканчивают десантирование, вознамерившись, судя по всему, пройти по дну оврага на самом краю ничейной земли, и атаковать лагерь, – надо их опередить, двадцатая хилиархия, к бою! Остальным выстроиться на подступах к лагерю и ждать команды.

И вслед за своим командиром пехотинцы, выдернув клинки из ножен и подняв щиты, перешли на легкий бег. Бряца оружием, двадцатая хилиархия достигла подножия холма.

– Куда ты направляешься? – окликнул Федора Балезор, солдаты которого тоже остановились внизу. – Гасдрубал приказал нам войти в лагерь и ждать его там.

– А где ты видел Гасдрубала? – удивился Федор, слегка замедляя свой бег.

– Он сам повел конницу в бой, – ответил финикиец.

– Так, значит, тот офицер впереди – это сам Гасдрубал, – кивнул Федор, – отлично,

значит, мы поможем ему сбросить римлян в море.

И, не сбавляя ход, пехотинцы устремились дальше по глубокому оврагу, который вел прямо к берегу вдоль подножия холма. На некоторое время он скрыл их передвижения из вида от римлян, увлеченных сражением с кельтами, а когда карфагеняне вновь показались на «поверхности», даже конное сражение осталось позади.

– Восьмой спейре держаться с левого фланга, – приказал Федор на бегу, – приготовиться отразить атаку конницы.

Карфагеняне на ходу перестроились, а когда в паре сотен метров впереди заалели римские щиты, Чайка остановился и вскинул фалькату.

– Развернуть строй! – крикнул он так громко, чтобы его услышали бежавшие позади командиры.

Когда все карфагеняне поднялись из оврага и выстроились согласно приказу, напротив римлян появилось каре длиною в три спейры по фронту и три в глубину с небольшими промежутками. Восьмая спейра стояла чуть позади всех, на границе оврага, прикрывая тылы от возможной атаки римской конницы. Двадцатая хилиархия перегородила римским морпехам единственно возможный путь к лагерю карфагенян по этой узкой полоске каменистой земли, между двумя холмами, за одним из которых виднелся край римского вала. До сих пор эта земля, видимо в силу того, что просматривалась с обеих сторон, служила «буферной зоной» и оставалась незанятой. Хотя с нее можно было зайти в тыл позициям карфагенян, повернутым в сторону укреплений римлян, и даже, при удачном стечении обстоятельств, пробиться к самому лагерю. Сегодня римляне решили исправить эту оплошность, совершив здесь высадку солдат и быстрый марш-бросок к лагерю своих врагов, занятых осадой вала, но благодаря появлению Федора финикийцев не удалось застать врасплох.

Посмотрев на сражение тяжеловооруженных всадников, в котором Гасдрубал уже теснил римлян, понуждая отступить за вал, Федор решил, что одной спейры пока будет достаточно, и вновь крикнул:

– Вперед, воины, во славу Карфагена!

Подняв клинки и щиты, пехотинцы направились вниз по небольшому склону. Навстречу им уже маршировали разъяренные римляне, которых они своим появлением поставили в очень невыгодное положение. По ширине порядка римлян были равны карфагенским, больше людей здесь было просто не выстроить. Окинув же глубину римского войска, Федор понял, что оно превышает его силы человек на пятьсот, да и высадка с кораблей еще не закончилась. С приставших к берегу триер вниз продолжали сыпаться легионеры. Но командир двадцатой хилиархии решил пока не посылать за Карталоном и Адгероном, а справиться своими силами. При такой позиции численный перевес не играл большой роли, и римляне не могли охватить его с флангов. Да он и не позволит, – бойцы хилиархии были в отличной форме после «разминки» у моста. А послать гонца в тыл можно было всегда.

Между тем расстояние между противниками стремительно сокращалось. Легионеры шагали, сомкнув щиты, высунув между ними жала коротких мечей и пригнув головы в блестящих шлемах, на боках и нащечниках которых играло солнце. Впереди всех Федор заметил командира в богато изукрашенной кирасе, сверкавшей как целая тысяча солнц. Его шлем с красным плюмажем, явно работы мастера, выглядел очень помпезно, как и его щит. Такой доспех стоил в Риме целое состояние. Чайка, шагавший прямо на него впереди своих солдат, невольно стал вглядываться в лицо римского командира, с которым ему предстояло вскоре схлестнуться. А когда разглядел его, то едва не выронил фалькату, вздрогнув от удивления и радости одновременно. На него с гладиом в руке надвигался не кто иной, как блестящий Марк Акций Памплоний.

– Какой подарок судьбы! – воскликнул Федор, с восхищением во взгляде оборачиваясь на шагавшего рядом Урбала, на лице которого застыло выражение суровой напряженности. – Если бы еще и Марцелл попал ко мне в руки, то я решил бы все семейные проблемы разом.

Урбал проследил за его взглядом и заметил офицера, указав на которого Федор пояснил:

– Это же сам Марк Акций Памплоний.

– Тот самый, с которым у тебя давние счеты из-за... – начал Урбал, кое-что припомнив из рассказов Чайки о далеком прошлом, но вовремя осекся.

– Он самый, – кивнул Федор, дав команду своим пращникам и копейщикам и поднимая повыше щит, поскольку тут же «заработали» римские пращники, осыпавшие россыпью камней передовые шеренги карфагенян. Задев десяток бойцов, они скрылись в разрывах между манипулами, которые тотчас вновь сомкнули ряды. Следом пунийцев накрыла волна пилумов, скосившая еще человек двадцать по фронту. От одного из дротиков Федор увернулся, отбив перед этим метко пущенный камень щитом. Зато теперь в дело вступили пращники карфагенян. А потом и метатели саунионов. Их удар по своим противникам вывел из строя гораздо больше легионеров.

– Только бы его не зацепили раньше времени, – даже запереживал Федор, ускоряя свои шаги, и, крикнув громко «За Карфаген!», одним ударом поразил римского центуриона, оказавшегося на его пути раньше Памплония. Расчистив путь к своей цели, он вырос перед римским командиром, когда передние шеренги легионеров и африканцев с грохотом столкнулись и начали теснить друг друга щитами.

Памплоний, несмотря на свою изнеженность, оказался неплохим бойцом. Он запросто отразил несколько ударов Федора, прежде чем в его взгляде мелькнуло недоумение, быстро переходящее в дикую ярость.

– Ты-ы-ы? – захрипел римлянин, теряя самообладание, отчего едва не пропустил удар в голову, который мог стоить ему жизни. – Здесь?!!!

– Да и ты, я смотрю, не в Риме, – злорадно усмехнулся Федор, отбивая щитом удар Памплония и чуть отступая. – Не можешь больше прятаться за спину своих солдат? Конечно, их ведь и так осталось немного. А скоро вообще Риму придет конец, и тогда...

Договорить он не успел. Памплоний бросился на него, выкинув далеко вперед руку с гладием, и меч разрубил воздух над плечом Чайки. Федор, воспользовавшись оплошностью противника, отбил удар и, уйдя чуть в сторону, пнул его ногой в раскрывшееся на мгновение бедро. Памплоний упал, прикрывшись щитом в ожидании разящего удара. Но Федор не торопился. Рядом сражались Урбал и Летис, понимавшие ситуацию. То нападая на соседних римлян, то отбиваясь от них, друзья дали Федору пару минут на то, чтобы решить свои семейные проблемы.

– Вставай, мразь! – приказал Федор, бросив быстрый взгляд по сторонам и сжимая покрепче рукоять тяжелой фалькаты. – Я, конечно, убью тебя. Но не лежачего. Слишком мало удовольствия. Я хочу видеть твои глаза, прежде чем отправлю к богам человека, так унизившего Юлию.

– Вот как ты заговорил, презренный раб, – захрипел Памплоний, осторожно поднимаясь, – предатель Рима, продавшийся карфагенянам.

Он вскочил и снова встал в боевую стойку, крепко упершись ногами. Его шлем блеснул на солнце.

– Нет, тебе никогда не победить меня. Я, Марк Акций Памплоний, сейчас заколю тебя как свинью. А потом найду эту девку и продам в рабство вместе с твоим вырожденком.

– Значит, ты все действительно знал, – хмуро проговорил Федор, чувствуя, как где-то в глубине души рождается такая ярость, которую уже не остановит и целый легион римлян, окажись он сейчас между ним и Памплонием, – тем лучше. Больше незачем тратить слова.

И он бросился на римлянина, яростно вращая фалькатой. Несколько минут противники просто рубили друг друга с таким остервенением, что вскоре оба отбросили щиты, разлетевшиеся в щепки.

В следующее мгновение их мечи скрестились в воздухе над головами, вышибая искры. Несколько секунд противники толкали друг друга, пытаясь опрокинуть. Затем оба отпрыгнули назад, освободившись от захвата, и вновь бросились вперед, вращая своим

оружием. И тут стало ясно, что в более свободном бою, где можно повести плечом, тяжелая фальката значительно превосходит гладий. Отбив несколько ударов Памплония, ударов отчаяния, поскольку ни один из них не причинил серьезного вреда, Чайка вновь увел гладий в сторону и, размахнувшись, рубанул по левому плечу римлянина. Изогнутое лезвие ударило по наплечнику, погнув его, а когда Федор потянул лезвие назад, то просто разрезало металл кирасы.

Памплоний покачнулся, даже присел на ослабевших ногах, но потом все же нашел силы распрямиться. Он больше не рвался нападать на Федора, а лишь в бессильной злобе смотрел на него, поскольку силы поднять меч у него уже не было. Левая рука обвисла, – такой удар должен был если не отрубить руку, то сломать ему ключицу. А правая из последних сил сжимала меч, чтобы не выронить его на камни. Превозмогая боль, Памплоний старался не показать, что ранен, чтобы не потерять своего достоинства перед солдатами. Но Федор видел, что конец близок – из разрубленного доспеха показались первые струйки крови.

– Я отомстил за нее, – проговорил он и нанес еще один удар по тому же плечу, чувствуя себя мясником, который разделяет тушу. Раздался лязг и хруст – фальката рассекла остатки защиты на плече римского командира и погрузилась в него, ломая кости и вспарывая мышцы. Выронив меч, Памплоний рухнул на колени. Плечо было залито кровью, которая вытекала из него мощными точками. Глаза его остекленели, и законный муж Юлии упал лицом на камни, испустив дух.

– Ну вот и все, – выдохнул Федор, испытав удовлетворение, словно свершил кровную месть.

Остальное он видел как в тумане. Смерть командира заставила римлян в ярости атаковать, потеснив карфагенян. Но Федор Чайка, издав боевой клич, вновь повел их за собой. Яростно вращая фалькатой, он разрубил не один шлем, превратив в кровавое месиво множество римских легионеров. Контратаковав в центре, двадцатая хилиархия прогнула, а затем прорвала фронт римлян и отбросила их почти к самому берегу.

– Вперед, воины! – орал Чайка в иступлении, вскинув свой окровавленный клинок. – Еще удар, и мы захватим корабли. Сбросить этих свиней в море!

Но когда, скосив в этой мясорубке несколько манипул, карфагеняне приблизились к кораблям на расстояние полета стрелы, позади раздалась громкие крики, и вскоре движение замедлилось. Наступление забуксовало, не достигнув конечной цели совсем чуть-чуть.

Заколов очередного легионера, Федор обернулся назад, увидев, как его тылы сминает римская конница. Между ней и пехотинцами виднелось человек тридцать всадников, среди которых он увидел Гасдрубала, яростно отбивавшегося от наседавших катафрактариев. В пылу схватки Чайка не мог заметить, как подоспевшее подкрепление римлян разделило малочисленный отряд Гасдрубала надвое и оттеснило часть его к берегу. Атаковав при этом и пехотинцев, римляне спешили прийти на помощь своим морпехам, так неудачно начавшим операцию.

– Урбал, командуй вместо меня! – крикнул он другу. – Пробивайся к кораблям!

Урбал, сражавшийся с рослым легионером, кивнул, не отвлекаясь на разговоры. А Чайка, сделав знак нескольким пехотинцам следовать за собой, стал пробираться назад, чувствуя, что там скоро может понадобиться его помощь.

Оказавшись в арьергарде, который стойко отражал удары римской конницы, Федор осмотрелся и понял, что количество его солдат значительно сократилось. Закованные в доспехи катафрактарии, оказались отнюдь не новобранцами и несколькими короткими атаками быстро вывели из строя множество карфагенских пехотинцев из восьмой спейры. Ничего другого Федор и не ожидал, видя, как они разделались с лучшей конницей Гасдрубала, правда, заманив его в ловушку и набросившись почти втрое превосходящими силами. Теперь же и его хилиархия оказалась почти в окружении, зажата между римскими морпехами и всадниками. К счастью, путь к спасительному оврагу еще не был перекрыт.

– Послать за подкреплением! – приказал он, появляясь рядом с командиром восьмой

спейры, решив не ждать больше милостей от римлян. Положение быстро ухудшалось.

Но когда пехотинец, оставив строй, побежал вдоль склона к оврагу, его тут же заметили. Римский всадник догнал его на самом краю оврага и зарубил на скаку мечом. Посыльный упал, залившись кровью. А римляне, понимая, что никого нельзя допустить туда, стали зорче наблюдать за оврагом, отправив туда сразу десяток свободных всадников. Прежде чем послать еще одного солдата на верную смерть, Федор решил подождать.

Гасдрубал в шлеме с белым плюмажем гарцевал всего в двадцати метрах от передних шеренг спейры, изредка поглядывая на них. В его взгляде Федор прочел недоумение – командующий не мог понять, откуда здесь появилась целая хилиархия. Впрочем, именно она стала сейчас его последней надеждой на то, чтобы отбиться от римлян и дожидаться подкреплений, которые наверняка уже спешили из лагеря. Пока же он с горсткой своих всадников бесстрашно сражался против превосходящих сил римской конницы, теснившей его со всех сторон. А те, видя, что к ним в руки может попасть сам командующий всеми силами Карфагена в Испании, устроили натиск, стремясь взять его в кольцо. При этом римляне изредка налетали на шеренги восьмой спейры, но больше для того чтобы она не помешала им разделаться с конницей Гасдрубала.

«Стоять и ждать, пока они изрубят на куски главнокомандующего, а потом и меня? – подумал Федор, сжимая рукоять фалькаты. – Ну уж нет. Тогда весь мой путь сюда окажется бессмысленным, и Ганнибал меня не поймет. Ведь я же еще не передал письмо».

Только тут Федор вспомнил о письме, которое до сих пор хранил под кирасой, невольно проведя рукой по окровавленному доспеху. Нет, это была, к счастью, не его кровь, а кровь многочисленных легионеров, которых он отправил за время боя на встречу с богами. Сам же он оставался невредим, словно заговоренный, хотя после схватки с Памплонием долгое время сражался даже без щита. И лишь когда пробирался в сторону восьмой спейры, подхватил новый щит, оброненный кем-то из убитых карфагенян.

Отбив очередной налет римской конницы, Федор принял решение.

– За мной! – крикнул он, видя, как возле Гасдрубала осталось не больше дюжины всадников, помощь не идет, а над жизнью главнокомандующего нависает угроза. – В атаку!

И впервые за свою службу Федор повел пехоту атаковать конницу. Выдвинув вперед небольшой отряд прашников и метателей дротиков, который на время привел в замешательство римлян, Чайка вклинился в порядки катафрактариев. Впрочем, порядками это было назвать уже трудно. Часть римских всадников сражалась с карфагенскими, представляя собой все время перемещавшееся ядро сражения, а остальные ожидали чуть в стороне своей очереди вступить в бой, гарцуя на конях и посматривая за пехотинцами. Но обстрел дротиками и камнями, а затем дикие крики карфагенян, устремившихся на них по всему фронту, озадачили даже бывалых катафрактариев. Федор и рассчитывал на неожиданность своей тактики, а также на то, что римляне почти стояли на месте. Конница страшна, когда она на бешеной скорости врубается в порядки пехоты. А в этом случае Чайка надеялся потягаться с ней в умении вести бой на узком пространстве.

Его атака подоспела вовремя. Римляне были вынуждены перейти на время к обороне, отбиваясь от пехотинцев. Федор увидел, как один из катафрактариев длинным мечом убил всадника рядом с Гасдрубалом, а потом ранил его коня. Карфагенянин нанес ответный удар, но промахнулся, – конь под ним покачнулся, стал заваливаться на бок, и командующий испанской армией рухнул на камни.

Устремившись с десятком солдат, выстроившихся почти клином позади него, к тому месту, где происходила эта схватка, Федор пробился к нему через нескольких всадников. И вовремя. Пеший Гасдрубал уже отбивался от двух римских катафрактариев, стремившихся, судя по плотоядным лицам, захватить его живым. У одного из них Федор заметил на седле веревку, которую тот уже перехватил в руку, чтобы связать пленника, за которого наверняка была назначена огромная награда. Но появление в самой гуще сражения Чайки с верными пехотинцами, нарушило планы римлян.

Одного из них Федор отвлек на себя, метнув в него массивный саунион, вырванный по

дороге из тела мертвого катафрактария, который валялся на камнях. Увидев момент броска, – Федор на мгновение был вынужден остановиться, воткнуть в каменистую землю свой клинок и выдернуть дротик, – конный римлянин отбил его щитом, но удар был силен, и он, покачнувшись, вывалился из седла. А когда вновь поднялся на ноги, то Чайка обрушил на него удар своей фалькаты. Римлянин, однако, был ловок. Удар отбил и даже попытался перейти в атаку, сделав несколько выпадов в сторону Федора, но пропустил его рубящий удар в бок, покачнулся и упал. А Чайка довершил дело, следующим ударом раскроив его шлем.

– Кто такой? – услышал Федор рядом с собой незнакомый голос смуглолицего финикийца в шлеме с белым плюмажем. – Что это за люди и как ты оказался здесь?

За это время Гасдрубал успел ссадить своего последнего противника с коня, а пехотинцы Чайки, сомкнув щиты, оттеснили конных римлян на несколько метров.

– Меня зовут Федор Чайка, – ответил он, бросив короткий взгляд сначала в сторону моря, где бились его пехотинцы, а затем в сторону римского вала, не идут ли к противнику подкрепления. Оказалось, не идут, зато со стороны лагеря карфагенян приближался большой отряд конницы.

– Я командир двадцатой хилярии, это мои солдаты, – ответил Федор на вопросы главнокомандующего, махнув рукой в сторону берега, и добавил о самом главном: – Меня прислал сюда Ганнибал из Италии вместе с послами и подкреплением.

Прищурившись на солнце и в свою очередь осматривая поле боя, Гасдрубал проговорил:

– Тогда я должен поблагодарить тебя, Федор Чайка. Ты только что спас мне жизнь. Если бы не твои пехотинцы, появившиеся так вовремя, то Испания осталась бы без главнокомандующего.

– Я не мог этого допустить, – ответил Федор, опуская щит чуть ниже, когда увидел между собой и оставшимися римлянами почти пять шеренг пехотинцев, – а кроме того, я привез письмо от вашего брата.

Услышав об этом, Гасдрубал, казалось, вздрогнул. Но предпочел не обсуждать это прямо сейчас. Место и время было не очень подходящим для долгих разговоров. Да и почти в то же мгновение, рассеяв оставшихся римлян, которые устремились обратно к валу, к ним пробился отряд всадников Карфагена. Его предводителем был статный воин в раззолоченной кирасе, с широким лицом, черной бородой и такими же черными глазами, сверкавшими из-под шлема.

– Почему так долго, Баалйатон? – спросил Гасдрубал, когда всадник, проехав сквозь расступившихся пехотинцев, осадил коня рядом с главнокомандующим и Чайкой, вокруг которых валялось множество мертвых людей и лошадей. – Неужели ты не видел, что твой командир попал в засаду?

– Я торопился как мог, – попытался оправдаться вновь прибывший офицер, сделав знак своему бойцу подвести свежую лошадь Гасдрубалу.

– Еще немного и спасти было бы уже некого, – укорил его главнокомандующий, забираясь на коня. – Если бы не Федор Чайка со своими пехотинцами, ты нашел бы здесь мое мертвое тело.

Баалйатон смерил неизвестного ему до сих пор офицера вопросительным взглядом, так же как и Гасдрубал не понимая, откуда он мог здесь взяться, но промолчал.

– Я отправляюсь в лагерь, а ты помоги его пехотинцам сбросить легионеров в море! – приказал Гасдрубал и, взяв для охраны всего двадцать человек, словно опасность миновала совсем, поскакал вдоль римского вала к собственным укреплениям, не обращая внимания на сражение кельтов с легионерами, все еще кипевшее в нескольких местах вала.

– Я прижму их к воде, – сказал Чайка, разглядывая всадника, – а ваши всадники пусть ударят по левому флангу.

– Я знаю, что мне делать, – ответил заносчиво Баалйатон, явно уязвленный происшедшим унижением на глазах незнакомца.

Тогда Федор, которому за один день выпали сразу две возможности порадовать себя – свести счеты с давним врагом и спасти жизнь главнокомандующего, – предоставил Баалйатону действовать самостоятельно, а сам направился в голову своей колонны, где по-прежнему кипел бой. Увидев разгром конницы, римляне дрогнули, несмотря на численный перевес. А когда Чайка, воодушевив зычными криками своих солдат на новую атаку, повел их вперед и Баалйатон ударил-таки по левому флангу, их порядки были смяты окончательно. Римские морпехи бежали к кораблям, уже отчаливавшим от берега, многие побросав оружие. Но не все они добрались туда.

Перед тем как вернуться в лагерь, Чайка вновь разыскал тело Памплония, уже почти заваленное другими трупами. А взглянув в остекленевшие глаза римского вельможи, направился в лагерь, оставив его птицам-падальщикам, уже кружившим над местом недавнего боя.

Глава четырнадцатая **Крепость на Истре**

Очистив захваченный корабль от мертвых гоплитов, Ларин приказал править к берегу. А бирема Ингибила получила приказ идти следом.

– Темнеет уже, – не то приказал, не то объяснил Леха Токсару, присматриваясь к пологим холмам, за которыми уже трудно было что-либо разглядеть, – переночуем здесь, а завтра с помощью богов доберемся. Должно быть рядом, а то с такими повреждениями далеко не уйти. Подлатать надо.

– Это верно, – кивнул Токсар, – победа нам дорого обошлась. Хорошо еще, что триера всего одна была. И откуда она здесь только взялась?

Леха сам задавал себе подобный вопрос, но пока не мог найти на него ответ. Если крепость, по всем приметам, уже в двух шагах, то почему в окрестных водах свободно плавают греческие корабли? Ведь там оставалось не меньше десятка скифских триер, не считая боевых бирем. Неужели греки все же взяли крепость и Ларина там ждет совсем другой прием, нежели тот, на который он рассчитывал. Не любил Леха неопределенность. Ему нравилось, когда все ясно – тут наши, там враги. А сейчас все было как раз наоборот.

«Ладно, – решил адмирал, пристально всматриваясь в воды Истра, казавшиеся теперь пустынными, – обождем немного, а там видно будет».

Когда корабль пристал к невысокому берегу рядом с биремами, после сражения походившими больше на остовы кораблей, чем на целые суда, Ларин первым спустился на камни. Бегло осмотрев пробоины первого корабля, вокруг которого копошились воины, вытаскивая на берег раненых и то, что можно было спасти, адмирал медленно направился вдоль воды. Чуть дальше приткнулась на мели еще одна бирема. А в сотне метров третья. Остальные, получив приказ адмирала, разворачивались и спешили к месту общей стоянки.

– Дозоры расставь и лагерь укрепи, – приказал своему помощнику адмирал, – пока здесь тихо, но неизвестно, что на берегу происходит. Мой шатер вон у того холма поставь.

Пройдя несколько шагов вдоль берега, по которому уже сновали скифы, Леха добавил:

– Все части катапульты Архимеда перегрузи теперь на триере, так надежнее будет.

– Сделаю, – подтвердил помощник, – только до ночи, боюсь, не успеем.

– Тогда на рассвете, – распорядился Ларин, – ночью нельзя долго костры жечь.

– А как быть с пленными греками? – уточнил Токсар, обернувшись на триеру, нос которой несколько десятков скифов уже вытаскивали на берег.

– Как поставят шатер, веди их ко мне, – приказал Ларин, – побеседуем. А я пока осмотрю остальные суда да Инисмея проведаю.

Токсар кивнул, отправившись выполнять приказания. А Леха, передумав, начал с посещения раненого сотника, увидев, что его в недавнем прошлом флагманская бирема уже уткнулась носом в берег.

– Ну как он? – поинтересовался адмирал у старого лекаря, поднявшись на борт, с

которого уже началась разгрузка.

Инисмей лежал в забытии на корме. Его плечо перехватывала окровавленная повязка. Он был бледен и еле дышал.

– Я дал ему сонный отвар, – сообщил лекарь, – пока отдыхает. А завтра будет видно.

– Жить будет? – поинтересовался Леха, всматриваясь сквозь вечерний воздух в изможденное лицо сотника, – он мне живым нужен.

– На все воля богов, – ответил старик, воздев руки к небу, – надо принести жертвы, тогда они будут милостивы.

«Ох уж мне эти лекари, никогда точного ответа не дождешься», – разозлился Леха, даже топнув по палубе ногой, отчего сам испытал боль. Рана еще беспокоила. Но вслух спорить не стал.

– Жертвы принесем, не беспокойся. Сегодня же вечером, – проговорил адмирал, переводя взгляд на старика, – надо поблагодарить богов за победу. Но и ты помни, что за его жизнь передо мной отвечаешь.

Старик хмуρο кивнул, спросив лишь:

– Как нога?

– В порядке, – отмахнулся Леха, сжав зубы от ноющей боли, – скоро плясать смогу.

Закончив на этом разговор, за следующий час он обошел все корабли, выяснив, что продолжать движение без длительного ремонта могут только две биремы из успевших принять участие в сражении. Остальные могли передвигаться в лучшем случае на буксире. «Так и пойдем, – сразу решил Ларин, – нельзя нам здесь особо задерживаться. Вот доберемся до крепости, там и дадим ремонт».

– Пробойна и пять весел поломаны по левому борту, – отчитывался Уркун, стоя рядом с молчаливым капитаном биремы, что шла в караване третьей, – погибли двенадцать человек.

Лишь взглянув на кельта, расстроенного видом своего корабля, Леха сразу понял, о чем тот будет просить, – дать ему денег на починку. Возместить «форс-мажор», так сказать. «И ведь придется дать, раз обещал», – подумал Леха, рассматривая обломки досок и весел, торчавших из борта во все стороны.

– Груз не утопил? – наконец спросил Ларин о том, что его больше всего интересовало.

– Нет, все на месте, – сообщил Уркун, – Токсар уже подходил. Сейчас начнем перетаскивать на триеру что сможем до ночи.

Адмирал устало кивнул, направляясь к своему шатру, что уже стоял в указанном месте бурлившего лагеря. У шатра призывно горел небольшой костер, где специально для него готовили похлебку. Лехе вдруг дико захотелось отдохнуть – все же сил истратил много на это сражение да под смертью ходил не раз. Но, приблизившись, он увидел пятерых греков, доставленных сюда по его же собственному приказу, и поморщился. «Придется допрашивать, – решил адмирал скрепя сердце, – до утра тянуть не стоит. Может, что интересное расскажут».

Он миновал охрану из десятка скифов-лучников, что расступилась при его приближении, и прошелся вдоль пленников, поставленных на колени около большого камня в ожидании своей участи. Все они были без доспехов, в одном исподнем, со связанными за спиной руками. Но Ларин хорошо запомнил их лица и не нуждался в представлении. Двое были офицерами, двое солдатами, а последний пленник – начальником гребцов. Самого капитана захватить не удалось. Его закололи прежде, чем Ларин успел отдать приказ взять живьем.

– Ну, – перешел адмирал на греческий, останавливаясь напротив ближнего пленника, – рассказывай, кто такой, кому служишь, как здесь оказался.

Грек вскинул голову и вперил в него полный ненависти взгляд.

– Кто ты такой, чтобы спрашивать меня об этом? – изрыгнул он.

В отсветах близкого костра лицо пленного казалось бесстрашным, а голос угрожающим. И если бы не путы на руках, можно было бы подумать, что это он

допрашивает стоявшего перед ним бородатого человека в панцире, а не наоборот.

Ларин помолчал. Это был не простой гоплит, а греческий офицер, командовавший пехотинцами в момент атаки. Можно сказать, такой же морпех, как и Ларин в прошлом. Дрался он отлично, и Леха даже испытывал к нему некоторое уважение, но простить такую наглость не мог. Все же грек проиграл свою битву и должен был за это ответить.

– Я команду этим караваном, – проговорил Ларин.

– Этим сборищем убогих лодок? – поерничал грек, рассмеявшись и призывая остальных пленников посмеяться вместе с ним. Зря он это сделал, Леха и так не был особо терпеливым, а тут его терпение лопнуло сразу.

Ударом ноги в грудь он заставил грека рухнуть на каменистую землю и откатиться в сторону. А когда тот, перекувыркнувшись пару раз, замер на спине, Ларин подскочил к нему с выхваченным клинком и еще раз пнул сапогом в бок. Грек застонал.

– Это сборище лодок не так впечатляет, как ваш корабль, но именно оно сегодня победило, – прохрипел адмирал и вновь пнул затихшего было грека. – Кстати, ваша триера теперь моя. Тебе будет приятно узнать перед смертью, что изделие греческих мастеров послужит хорошему делу – на ней я буду топить ваши корабли.

Сказав это, он вонзил свой меч греку в живот и, вытащив обратно, пробормотал:

– Не выйдет у нас разговора по душам.

Сделав знак охранникам унести мертвеца, Леха прошелся перед помрачневшими пленниками. Выждал минуту, пока они получше осознают свое положение, и наконец нарушил молчание.

– Вы храбрые воины. Я очень утомлен сражением с вами, в котором погибло много моих людей. Но если кто-нибудь еще попытается оскорбить меня, я просто казню всех. Не такая уж вы ценная добыча. Спасти себя сможет лишь тот, кто ответит на мой вопрос.

Ларин вновь выдержал паузу и, скользнув по лицам, обратился на этот раз к командиру гребцов:

– Кто ты и как здесь оказался?

– Меня зовут Кратон, я гортатор на этой триере.

– Это я знаю, – кивнул адмирал, все еще не вложивший окровавленный акинак в ножны. Его острие выписывало замысловатые фигуры перед самым носом побледневшего Кротона, который, похоже, хотел жить больше других.

– Наш полис – Тома. Мы прорвались сквозь скифские заслоны на реке, когда подошли к крепости и попытались высадить солдат на берег. Но защитники крепости отбили нападение, уничтожив три из пяти кораблей. Обратно нам дороги не было, и капитан приказал плыть дальше, чтобы достичь земель, неподвластных скифам. Но когда увидел караван без охраны...

– Ваш корабль единственный из тех, кто прорвался сюда? – оборвав пленника, уточнил Ларин, с удовольствием отметив про себя, что крепость все еще в руках скифов.

Грек быстро кивнул.

– А как вам удалось так далеко продвинуться по реке от устья? – сказал адмирал, сделав движение, чтобы убрать клинок в богато украшенные ножны. Ответа Ларин ждал, боясь услышать плохие новости. Но все же услышал.

– Тома и Одесс послали свои корабли сюда, разгромив скифский флот в устье, – проговорил гортатор, – корабли из Одесса и большая часть наших судов остались в нижнем течении реки, а нас отправили на разведку сюда, чтобы побеспокоить скифов так глубоко в тылу и показать им...

– Ну продолжай, – подбодрил запнувшегося пленника адмирал, наконец убирая кинжал, – что вы хотели показать скифам?

– Что отныне здесь командуют греки, – закончил Кратон, опустив голову.

– А вот тут ты ошибаешься, – снисходительно пояснил ему и остальным Ларин. – Скоро мы выбросим греческие армии обратно, а потом займемся и вашими родными полисами. Такое нападение ни наш царь, Иллур, ни я не оставим безнаказанным.

Ларин вдруг резко развернулся и посмотрел на вздрогнувшего гортатора.

– Так ты говоришь, что весь флот, охранявший устье, уничтожен? Все корабли?

– Нескольким квинкеремам удалось уйти в сторону Тиры, – нехотя признал Кратон.

– Значит, не весь, – усмехнулся Ларин, – что же, ты принес хорошую весть, и я оставляю тебя в живых. Ведь это был мой флот.

Все греки, стоявшие на коленях у камня, как по команде подняли лица, посмотрев на того, кто решал сейчас их судьбу. На лицах пленников явно читалось удивление и, против воли, даже некоторое уважение. Теперь они поняли, с кем сражались, пусть у него и не было своих лучших кораблей.

– Что же мне делать с остальными? – наигранно удивился Ларин, приближаясь к пленникам. – Может быть, просто казнить, ведь пользы от вас уже нет.

Он помолчал, давая им возможность вымолить пощаду. Но остальные греки молчали.

– Ты, кажется, тоже пехотинец, – уточнил Ларин, посмотрев на помощника убитого им офицера, – командовал гоплитами?

– Да, – пробормотал грек, едва открыв рот.

– Знаешь что-нибудь о том, армии каких полисов идут сюда?

– Знаю, – ответил тот. – Сюда идут фиванцы, аркадцы и воины Аргоса. Они уже победили одно македонское войско.

– А что же афиняне и спартанцы? Разве они не желают сразиться со скифами, – удивился Ларин и добавил, усмехнувшись: – Чтобы доказать им, что отныне здесь командуют греки.

– Афиняне недавно выслали мощную эскадру, как я слышал, – ответил пленник, покосившись на гортатора и остальных, – а спартанцы, как всегда, не торопятся. Но они тоже будут здесь. Союз заключен.

– Хорошо, подождем, – кивнул Ларин, – ведь мы тоже не торопимся.

Он сделал знак охранникам увести пленных. Когда гортатора и командира пехотинцев, подхватив под связанные руки, поволокли в сторону триеры, те в один голос закричали:

– Вы обещали сохранить нам жизнь!

– Я ничего не обещал своим врагам, – ответил Ларин, услышав их крики, больше похожие на поскуливания, – тем более, я не уверен, правду ли вы мне сообщили. Могли ведь все выдумать, чтобы спасти свои шкуры. Каждый знает, грекам верить нельзя. Но до утра вы доживете, это я вам обещаю. А там посмотрим.

Ночь на берегу прошла спокойно. Узнав, что прорвался лишь один боевой корабль, Ларин немного успокоился, но дозоры не снял. За несколько часов скифы соорудили небольшой частокол, а там, где не успели его построить до наступления темноты, завалили подходы обломками корабельного скарба – бочками, веслами, скамьями, – во множестве имевшемся теперь после сражения. Но, никто не атаковал их.

Наутро Леха провел смотр своим солдатам, пересчитал потери, – теперь их было меньше двухсот человек. «А лошадей все больше, – угрюмо подумал адмирал, узнав о количестве погибших в бою, – придется набирать новую сотню. И нового сотника искать. Нелегкое это дело – найти нужного человека».

Подумав так, Леха невольно вспомнил Гнура, сгинувшего вместе со своими людьми в здешних местах. А потом Инисмея, что все еще лежал в забытии, но лекарь уверял, что сотник пошел на поправку. Третий сотник, командовавший вместо Гнура, вообще был убит в этом сражении. Так что в строю из проверенных командиров оставался только Уркун и Токсар, больше нужный Ларину на воде.

– Не с кем воевать, – проворчал Леха, дав приказ грузиться на корабли.

Прежде всего он перевел экипаж и скифов одной из разрушенных бирем к себе на триеру, а поврежденный корабль решил оставить здесь. Капитан-кельт пытался протестовать, но Леха был непреклонен.

– Нечего его за собой тащить, он не доплывет, – проговорил адмирал, глядя в лицо капитану, словно не сомневался, что тот стал понимать по-скифски. А чтобы капитан

соображал быстрее, добавил, вынув из кошелька пару золотых монет, сверкнувших на солнце, – как доберемся до места, я тебе заплачу за него.

И капитан быстро понял, хмуρο кивнув.

Вторую бирему, у которой были перебиты почти все весла, Ларин решил тащить на буксире. Остальные корабли, при ближайшем осмотре, оказались способны передвигаться тихим ходом. Те «большие лодки», что везли коней, вообще не успели попасть под удар греков и находились в отличном состоянии. А потому вскоре караван отчалил от берега и взял курс на юг, где должна была находиться долгожданная крепость.

Полдня они медленно плыли, рассекая тараном волны. Расхаживая взад-вперед по палубе, Ларин откровенно наслаждался шириной корабля, казавшегося ему просто эскадренным авианосцем после узкой кельтской биремы.

– Не эннера, конечно, – рассуждал Леха, останавливаясь возле Токсара, который распекал новых матросов, временно переведенных сюда с биремы, – но на первое время подойдет. На таком корабле не стыдно и царю показаться.

Токсар, также временно назначенный капитаном захваченного судна, только кивнул.

– Вот если бы мы еще могли управляться с ней так же быстро, как греки, – пробормотал он, вздохнув, – тогда вообще все было бы хорошо.

Имея новую разношерстную команду и пленных греческих гребцов, он кое-как к обеду смог наладить службу. Пока триера передвигалась на веслах, дело шло нормально, но стоило попытаться поставить парус, как корабль тут же начал рыскать носом и едва не налетел на мель. Кельтские матросы могли управлять этими снастями пока с большим трудом.

– Ничего, дотянем, – отмахнулся благодушно настроенный Ларин, рассматривая живописные пейзажи и дико голубое небо над плоскими холмами, которое чертили над горизонтом стаи птиц, – недолго уже осталось, вот увидишь. Я чувствую. Что-то мель мне знакома. Кажется, нам бы только вон тот мысок обогнуть и все, мы дома.

Токсар проследил за указующим перстом адмирала и промолчал. Сколько раз уже Леха обманывался в своих ожиданиях. Но на этот раз все вышло именно так, как он и предсказывал.

Едва идущая с натугой триера – все же приходилось буксировать за собой еще один «подраненный» корабль – обогнула поросший лесом мыс, оставив обширную мель по левому борту, как Ларин увидел то, что хотел. На холме, с одной стороны обрывом, спускавшимся в воду, а другим, полого уходящим в сторону пристани, стояла небольшая каменная крепость, обнесенная к тому же частоколом. Возле ворот виднелся еще один ряд частокола, когда-то возведенный по предложению Токсара, главного строителя этой цитадели. На башнях Ларин разглядел несколько метательных орудий, прислуга которых, одетая в скифские доспехи, при виде каравана на волнах Истра забеспокоилась. Ларин разглядел несколько сигналов, поданных бойцами друг другу, и, когда его триера приблизилась к крепости на расстояние двух выстрелов из баллисты, Леха был уверен – гарнизон готов к отражению атаки неизвестного противника. И хотя сейчас в роли этого противника выступал он сам, Ларин был отчего-то горд за скифов. Еще больше он возгордился, когда увидел действия флота.

Отделившись от пирса, у которого виднелся просто лес мачт, им навстречу вышли сразу четыре триеры, в которых адмирал признал корабли собственной эскадры, некогда оставленной здесь ради того, чтобы через горы идти в Македонию.

– Смотри, Токсар, они готовы к бою. А ну-ка дай им наш ответный знак, – самодовольно усмехнулся Леха в усы, – а то еще не признают с перепугу и пустят на дно своего адмирала. Они ведь недавно осаду греков отбили, а тут мы откуда ни возьмись. Да еще на похожем корабле.

Токсар подозвал лучника, и тот пустил в воздух несколько стрел, обмотанных белой тряпкой. Увидев этот некогда «утвержденный» самим адмиралом сигнал, триеры сбавили ход, но все же продолжали сближаться с неизвестным кораблем, таившим за собой еще один. Подойдя на расстояние таранного удара, скифы из морского охранения крепости

окончательно убедились, что перед ними не греческий караван. Да и выглядел он, в общем, не очень грозно.

Пока происходило сближение, Ларин насчитал двенадцать триер, готовых к теплomu приему. А еще вдали виднелся пирс, где стояли корабли, похожие на торговые. Рядом с ними, на отмели, Леа заметил две греческие триеры с проломленными бортами и еще одну, почти дотла сгоревшую.

– А вот и следы недавнего сражения, – кивнул Ларин, – не соврал гортатор.

Глава пятнадцатая Гасдрубал Барка

Когда Федор во главе изрядно потрепанной хилиархии приблизился к воротам, его, кроме Адгерона, Карталона и Абды, встречал Балезор.

– Ты не теряешь время зря, – приветствовал он уставшего, измазанного кровью, но невредимого посла, – не успел явиться, как спас жизнь главнокомандующего. Хорошо еще, что сам остался жив.

– Я не умру, пока не встречу с ним, – успокоил его Чайка, усмехнувшись, – я же должен выполнить поручение.

Приблизившись, Балезор добавил, понизив голос:

– Я сообщил ему обо всем. Он ждет тебя с подробностями.

– Немедленно? – уточнил Чайка, почти не сомневаясь в ответе.

Балезор кивнул.

– Я провожу.

– А что мне делать с остальными войсками? – спросил Федор, наблюдая, как в лагерь после сшибки с римлянами входят кельтские части, а из ворот выезжает отряд легкой нумидийской конницы, отправляясь на разведку.

– Две хилиархии ты должен оставить здесь. Солдатам уже отвели место для постоя в бараках на дальнем конце лагеря, – ответил Балезор. – Карталон знает где.

– Я укажу, – подтвердил начальник пятнадцатой хилиархии, бородатый воин с обрубленным в бою ухом.

– А три остальные пойдут с нами. Мы должны поторопиться, ведь нам еще надо добраться до города, – напомнил Балезор, которому не терпелось немедленно уйти отсюда.

– Разве штаб Гасдрубала не в лагере? – слегка удивился он.

– Здесь он тоже иногда проводил совещания в своем шатре, – сказал Балезор, поглядывая на нумидийцев, которые, покинув ворота, не спешили отправляться на задание, кружа поблизости, – но сейчас он решил встретиться с тобой в своем дворце, что в Тарраконе. Там же будут расквартированы три оставшиеся хилиархии, которые укрепят гарнизон.

Услышав, что он должен разделить силы, Федор задумался, но быстро принял решение. «Раз так, то возьму с собой проверенных, – рассудил Чайка, – мало ли что может случиться с городом».

– Тогда со мной, кроме двадцатой, пойдут еще хилиархии Карталона и Адгерона, – заявил он, – а ты, Абда, останешься в лагере. Когда придут солдаты Атебана, то и они встанут на постой здесь.

Командиры хилиархий кивнули, подтвердив приказание. И вскоре Федор, во главе колонны солдат, пройдя сквозь лагерь, направился в сторону ближайших городских ворот по дороге, что петляла в тылу укреплений карфагенян.

Когда они приблизились, то обнаружили, что мост через ров, в котором плещется вода, поднят.

– Предосторожности, – извинился за задержку Балезор, выступая вперед так, чтобы дозорные на башне могли его рассмотреть.

– Все в порядке, – кивнул Федор, оглядываясь на свое остановившееся войско, пыль за

которым еще не улеглась, – судя по сегодняшней стычке, римляне в любое время могут прорвать оборону, и лучше, если в это время ворота будут закрыты.

Пока опускался мост, он рассматривал укрепления Тарракона и нашел их вполне приличными: мощная каменная стена, ничуть не ниже, чем в Таренте, широкий ров и множество метательных машин на стенах. Этот город было с ходу взять не так просто. Скорее захватчикам приходилось рассчитывать на длительную осаду. «Впрочем, – подумал Федор, заходя в город по опустившемуся со скрипом мосту, – братья Сципионы этого и добиваются. А я здесь для того, чтобы они этого никогда не добились. Интересно только, как там Гетрамнест, доплыл ли до Нового Карфагена? И где его войска, которые пришлось бы сейчас очень в пору. Тоже, наверное, идут по суше».

Последнее соображение пришло в голову Чайке, когда он бросил взгляд в сторону моря, где покачивались на волнах штук двадцать квинкерем. Остальной римский флот базировался чуть дальше по берегу. А у карфагенян здесь находилось всего шесть квинкерем и не то две, не то четыре триеры, плотно пришвартованные друг к другу, – точнее мешали рассмотреть укрепления, закрывавшие гавань со всех сторон. Да и вечерело уже, еще часа три и на город должна была опуститься южная ночь.

«А городишко-то все же поменьше Тарента будет, – резюмировал Федор, обобщив увиденное снаружи, и, прошагав по нескольким улицам, запруженным повозками, до казарм, что располагались в высокой части Тарракона, спускавшегося террасами к морю, – раза в два, а то и в три».

Наместе их ждали командиры, предупрежденные Гасдрубалом. Прибывшие войска были немедленно размещены на постой. Приказав Адгерону, Карталону и заменявшему его Урбалу обживаться, есть и отдыхать, пока позволяет время, Федор направился вслед за Балезором, прихватив с собой Летиса и еще человек пять в качестве охраны.

Дворец Гасдрубала – а это был именно дворец, хоть и хорошо укрепленный, с колоннами, портиками и целым внутренним парком – они нашли быстро, минут через двадцать. Пройдя через многочисленную охрану, Федор был введен в небольшой зал, из которого открывался хороший вид на море, особенно если выйти на балкон. Что Федор и сделал, едва Балезор оставил его, сообщив напоследок:

– Гасдрубал велел обожждать здесь.

Оказавшись на балконе, Чайка смог воочию убедиться, что блокада Тарракона с моря была полной. Если не считать римских квинкерем, запиравших порт, то за ними, чуть дальше в сторону римского лагеря он увидел еще около сорока таких же кораблей, а в глубине моря бороздили волны стаи триер. Сколько еще военных судов стоит у берега, скрытого от взгляда холмами, было не разглядеть. Чайка даже похвалил мертвых послов за то, что надумали плыть его в Сагунт, а не пытаться прорываться сюда морем. С его силами это была безнадежная затея.

– Неужели Рим перебросил сюда весь свой флот, – сказал Федор вслух.

В очередной раз он поразился упорству, с каким обреченный сенат вел борьбу за далекую Испанию, вместо того чтобы укреплять морские границы вдоль римских земель.

– Нет, не весь, – раздался за его спиной уже знакомый, высокий голос с легкой хрипотцой, заставив вздрогнуть.

Гасдрубал, в доспехах, но без шлема, неслышно вошел в одну из боковых дверей и уже некоторое время наблюдал за Федором.

– Рим прислал сюда много кораблей, – повторил Гасдрубал, тоже выходя на балкон и осматривая подступы к городу, – но не все, к счастью. Половину отвлекает на себя мой брат в Италии, иначе мы не выстояли бы так долго.

Остановившись рядом с Федором, он вновь смерил его взглядом и перешел к делу.

– У тебя письмо от моего брата, Чайка, – напомнил он Федору, зачем тот здесь, – а потом я хочу еще раз услышать рассказ о судьбе моих послов.

Федору от звуков этого голоса захотелось вытянуться по стойке смирно. Гасдрубал был на полголовы ниже его ростом и немного уже в плечах, даже несмотря на доспехи, но в нем

чувствовалось умение повелевать.

Чайка немедленно полез рукой за кирасу и вытащил из-за нее специальный кожаный мешочек, в котором он хранил драгоценное послание. Сняв его с шеи, он протянул Гасдрубалу с поклоном. А тот, взяв письмо, удалился обратно в зал, где находились большой стол и несколько массивных кресел. Сорвав печать, которую он предварительно осмотрел, Гасдрубал жадно впился в содержимое папируса глазами.

«Не доверяет, – поймал себя на мысли Федор, вспомнив историю доставки этого письма, – и правильно. Кругом одни шпионы, не поймешь, кому верить».

Он продолжал со своего места искоса поглядывать на главнокомандующего, и от его наметанного взгляда не ускользнуло выражение почти что счастья, с которым Гасдрубал закончил читать.

«Что же Ганнибал там написал своему братцу, – озадачился больше прежнего Федор, раздраемый любопытством, – не зря, видно, послов пытались перехватить. Жаль только, первое письмо все же попало в руки врагов».

И тут ему в голову пришла странная мысль. «А может, и не было там ничего интересного, в том письме, – подумал Чайка, глядя, как Гасдрубал немедленно сжег послание, бросив его в очаг, – может быть, Ганнибал доверил его только мне, а Хират уже был под подозрением и вез пустышку для отвода глаз. Если так, то Ганнибал просто гений шпионажа, все продумал, все предусмотрел».

Чайка вдруг вспомнил того человека на рынке Тарента, когда город еще находился во власти римлян, очень похожего на Ганнибала, только переодетого. Но командир двадцатой хилиархии мог бы поспорить с кем угодно, что это был он, Великий Карфагенянин, сам решивший рискнуть жизнью ради шутки, пробравшись в логово своих смертельных врагов. «Ну и семейка, – подумал Федор, едва успев подавить улыбку при приближении Гасдрубала, – один брат другого стоит».

– Ты принес хорошие вести, Чайка, – произнес пуниец, скользнув взглядом по лицу Федора, которому показалось, что собеседник видит его насквозь, – а теперь расскажи мне, как погибли мои послы.

При всем невольном возникшем напряжении и официальном тоне, которым изъяснялся главнокомандующий, Гасдрубал ему понравился. В нем чувствовался прямой стиль Баркидов, привыкших опираться на военных людей в своей политике больше, чем на помощь сенаторов. Ему хотелось верить. И Балезор явно был прав, утверждая, что армия любит Гасдрубала не меньше, чем его брата.

– Хират, который вез другое письмо, – начал Чайка, – был убит в Лилибее. Те люди, что напали одновременно на него и на меня, похоже, знали о письме и были подсланы римлянами. Хотя я не знаю, как они проникли в так хорошо охраняемый город. Наверняка им помогал кто-то из местных.

– Продолжай, – кивнул Гасдрубал. Нахмурившись, он скрестил руки на груди.

Федор вкратце пересказал стычку с бандитами на улицах Лилибея и в конце, посомневавшись, все же сообщил свои подозрения.

– Я нашел эту монету среди вещей послов. – Федор вытащил из-за кирасы еще один мешочек и высыпал на ладонь сразу две золотые «совы» с просверленными отверстиями вместо глаз. – А другую чуть раньше на месте, где ожидал найти следы предателя, по следу которого я иду от самых Сиракуз. Мне кажется, что это пароль.

О том, кого именно он подозревает, Федор пока умолчал, а Гасдрубал не стал уточнять. Зато он внимательно посмотрел на монеты, но и они не вызвали у него большого интереса. Про Хирата Гасдрубал пока тоже ничего не разъяснил, оставив Федора при своих подозрениях.

– Ты думаешь, против меня плетут заговор? – проговорил он все же, сделав несколько шагов вдоль ограждения и посматривая на улицы города, где уже появились люди с факелами. – Ты знаешь кто?

– Не знаю, – мотнул головой Федор, которому не хватало фактов для полной ясности, и

решил немного обострить разговор: – Но мне кажется, кто-то из послов, быть может, даже сам Хират, был замешан. Ведь только они знали наш возможный маршрут через Сицилию.

– Но ведь он погиб? – резонно заметил пуниец. – Хотя, может быть, ты и прав. Я получал похожие сведения. Но не стоит придавать этому слишком большое значение. У правителей Испании и почти всей Италии может быть много врагов, и нужно быть готовым ко всему, если перед тобой великая цель – уничтожить Рим.

– И все же мне пришлось сохранять свои передвижения в тайне, – добавил Федор, немного сбитый с толку словами Гасдрубала. – Когда Гетрамнест сообщил мне, что плывет в Новый Карфаген, я не рискнул в ответ сообщить ему, куда плыву сам. Но выбрал курс, который сообщил мне Хират.

– Эскадра Гетрамнеста встретила на подходе к Новому Карфагену мощный флот римлян. Почти половина кораблей, что шли ко мне на помощь, были уничтожены, – неожиданно просветил его Гасдрубал, но по его тону Федор не сказал бы, что главнокомандующий был сильно опечален этим разгромом. Скорее у него создалось впечатление, что пуниец был готов к такому повороту и даже ждал этой катастрофы.

«Я все же многого не знаю, – вновь подумал Федор, удивившись тому, как быстро получил сведения Гасдрубал, и, устало вздохнув, посмотрел на море, где в последних лучах заката римские корабли спешили к берегу на ночевку, – но, печенкой чую, назревает что-то серьезное. Иначе ради этой цели Ганнибал не стал бы так просто откладывать поход на Рим. Впрочем, у него не было выбора, – сенат приказал».

– Ты устал, – не ускользнуло его состояние от Гасдрубала, – можешь идти отдыхать. А завтра утром мы снова встретимся и обсудим твою судьбу.

А когда Федор, задевая ножнами фалькаты резные спинки кресел, прошел к выходу из зала, Гасдрубал проговорил ему вслед.

– Я собираюсь вскоре отплыть отсюда в Африку, и мне понадобится верный военачальник для одного очень важного дела. А ты, я слышан, предан моему брату. Ганнибал даже доверил тебе доставить это письмо, значит, могу доверять и я.

Федор обернулся, услышав наконец кое-что по-настоящему важное, но продолжения не последовало.

– Об этом завтра, – закончил аудиенцию главнокомандующий.

Но на следующее утро все резко изменилось. Едва Федор проснулся, прекрасно отдохнув после вчерашнего сражения, как к нему в казарму явился Балезор и протянул запечатанный личной печатью Гасдрубала папирус.

– Что это? – Чайка воззрился с подозрением на свиток, еще не вполне хорошо соображая после долгого и глубокого сна.

– Приказ Гасдрубала, – пояснил Балезор.

– Странно, – пробормотал Федор, вставая, – он собирался сегодня еще раз встретиться со мной, мог бы и на словах сообщить.

– Ничего не выйдет, – вынужден был вновь пояснить Балезор, – сегодня на рассвете прискакал гонец с плохими вестями – Публий и Гней Сципионы разделили свои войска. Гней вчера напал на Илерду и едва не взял ее приступом. Гарнизон иллергетов еле отбил. Гасдрубал с войсками поспешил к ним на помощь.

– Гасдрубал ушел в Илерду? – переспросил Федор, все еще сжимая нераспечатанный папирус. – А что мне тогда делать?

– Может быть, стоит прочесть приказ, – посоветовал Балезор.

Федор вскрыл послание и быстро пробежал его глазами. В нем значилось, что с сегодняшнего утра и до особого распоряжения его хилиархии поступают в распоряжение Офира, командира всех африканских частей в Испании и коменданта Тарракона.

– Понятно, – кивнул он, – значит, разговор откладывается. Где штаб Офира?

– Я провожу, – сообщил Балезор, – сам туда направляюсь.

Умывшись и наскоро перекусив, Федор прибыл в штаб командира местных африканцев, располагавшийся в нижней части города. По дороге Федор миновал двое ворот,

у которых строились пехотинцы, словно собираясь на вылазку. «С этой стороны до римлян гораздо ближе, – припомнил вчерашние наблюдения Чайка, – просто рукой подать. Впрочем, им от своего вала до города тоже».

Офир оказался невысоким, плотно сбитым воякой, со скуластым лицом, спокойное, но хищное выражение которого напомнило Чайке недавно пообедавшего льва. Сейчас он был умиротворен, но едва проголодается – пощады не жди.

«Интересно только, – думал Чайка, слушая свои задачи по охране города и исподволь наблюдая за новым командиром, – он только римлян готов порвать или и своими не брезгует?»

– Слишком уж прямолинеен наш командир, – решил Чайка поделиться впечатлениями с Балезором спустя полчаса аудиенции. – Атарбал против него похитрее будет.

– Не торопись с выводами, – успокоил его Балезор, шагавший рядом по каменной мостовой, – Офир только кажется простаком. Но они друг друга стоят, уверяю тебя. Иначе Атарбал не доверил бы ему половину африканской пехоты.

– Тогда нужно держать ухо востро, – решил Федор, направляясь в казармы, откуда он должен был немедленно вывести одну из трех своих хилиархий, для которой Офир уже назначил задание.

Кроме самого Офира в штабе африканцев находился еще личный представитель сенатора Ганнона, советник по имени Асто. Федор, наслышанный по пути сюда от Балезора, что сенаторы постоянно вмешиваются в дела Гасдрубала и шлют к нему советников, все же был слегка удивлен. Балезор рассказывал о том, что дальше Нового Карфагена они не рискуют заплывать. Этот же советник, поджарый мужчина лет пятидесяти с крючковатым носом, одетый в длинное зеленое одеяние, не побоялся добраться до самого Тарракона. Он внимательно слушал все, о чем говорилось на совещании, но не проронил ни слова.

«Да, видно, метрополия очень хочет держать руку на пульсе, – подумал Федор, осторожно скользнув взглядом по лицу советника, – раз уж он рискнул сунуться прямо в пекло, чтобы лично убедиться в том, что здесь происходит. Ведь не ровен час, тут можно угодить под римскую атаку или шальную стрелу».

Впрочем, ему было сейчас не до политиков. Первый приказ, полученный от нового начальства, предписывал Чайке выйти со своей хилиархией на усиление тех укреплений, что находились в самой гористой части обороны и почти вплотную смыкались с римскими. Само собой, это было уже вне стен Тарракона, в нескольких километрах от него.

Едва оказавшись в казармах, Федор вызвал своих офицеров.

– Адгерон и Карталон, – сообщил он последние новости, – остаются в Тарраконе и будут вести патрулирование восточной и западной стены. А я с одной хилиархией отправляюсь нести службу за стены. Я буду находиться там три дня, затем, даже если сражения с римлянами не произойдет, Адгерон сменит меня.

– Я с удовольствием пошел бы вместо тебя, Федор, – проговорил умелый военачальник с упреком, – а то с тех пор, как мы прибыли в Испанию, я только понес потери в морском бою, но так и не схватился с этими римлянами в открытом сражении. Чего не скажешь о тебе.

– Ничего, – успокоил его Федор. – Римлян здесь много, и они жаждут захватить этот город. Хватит и на твою долю. Мы не успели прибыть, а уже вступили в сражение. Приступы, как говорит Балезор, бывают едва ли не каждый день. Так что ты не засидишься без дела, как и все остальные.

Отдав все необходимые приказания, Федор построил своих солдат во дворе казармы и вывел их из города через ворота между двух огромных башен, которые располагались буквально в нескольких сотнях метров от казармы. Покинув мощные стены Тарракона, Федор Чайка свернул налево и направил свою хилиархию по указанному пути вдоль коммуникаций карфагенян.

Дорога, петляя меж скалистых холмов, шла все время вверх, огибая укрепления. Это был даже не вал, какой насыпали легионеры Сципиона напротив. Это была настоящая

каменная стена, лишь в основании имевшая земляную подушку, чтобы быстрее достигнуть нужной высоты. Она, конечно, была гораздо ниже крепостной стены, но выглядела достаточно прочно. На определенном расстоянии друг от друга в ней были устроены низкие и плоские башенки и даже целые бастионы, в которых виднелись метательные орудия. Инженеры из строительных частей постарались на славу. Федор не видел с дороги, но был уверен, что перед стеной имеется еще ров и наверняка частокол. Не зря же римляне не могли взять эти укрепления уже не один месяц.

– Похоже, нам нужно будет держать часть этой стены, – смекнул Федор, заметив, что такие укрепления идут до самых вершин скалистых холмов, где смыкаются с ними и, загибаясь, уходят влево. Там внизу стоял лагерь, в котором теперь обитали две оставшиеся хилиархии. Вернее, пока одна. Вчера до самой ночи он так и не дождался гонца с новостями о возвращении защитников переправы на Ибере. А сегодня утром, узнав об осаде Илерды, Чайка озадачился еще больше. Но прибывший Балезор и совещание у Офира так не дали ему возможности уточнить это.

– Эй, Урбал! – Федор махнул рукой и подозвал друга, шагавшего невдалеке. – Был сегодня гонец от Атебана?

– Нет, – ответил командир седьмой спейры.

– Странно, – пробормотал Федор, – давно должен был прибыть.

Прошагав еще несколько шагов по пыльной каменистой дороге, чем дальше, тем больше напоминавшей тропинку, он приказал:

– Как только придем на место, отправь сам гонца в лагерь.

– Будет исполнено, – кивнул Урбал.

Примерно через пару часов хилиархия достигла новых рубежей обороны. Забравшись на угловой бастион, где стояло три баллисты, Чайка осмотрелся. Этот угловой бастион находился на самой вершине холма, овраг под которым служил естественным рвом. По самому низу стены в землю были врыты заостренные колья, меж которыми Федор заметил несколько неубранных трупов римских легионеров, оставшихся, видимо, после неудачного штурма. Их тела уже клевали птицы. А римский вал, также укрепленный кольями, находился буквально на другой стороне оврага. На нем можно было рассмотреть патрули и дозоры из легионеров. Всего пара сотен метров разделяла смертельных врагов.

– Вы бы осторожнее здесь, – глядя, как Федор расхаживает по самому краю бастиона, где каменная кладка едва доходила до груди, не удержался от совета командир артиллеристов. В отличие от сменяемых пехотинцев, артиллеристы оставались на месте. – Бывает, римские пращники развлекаются, подобравшись поближе. А то и лучники из кельтов, что служат Сципионам.

Услышав, что здесь часто работают «снайперы», Чайка почел за благо отойти подальше от края, чтобы не оставить без верховного командования только что прибывшую хилиархию.

– И часто они так развлекаются? – уточнил он, останавливаясь у баллисты.

– Бывает, – неопределенно ответил командир, ливиец с обветренным лицом, в потертом кожаном панцире, – вчера только приступ был, так они еще с вечера залегли вон за теми камнями и двух моих людей убили, стоило им только головы высунуть. Но мы их хорошенько пугнули, так что теперь несколько дней можно быть поспокойнее. И все же...

– Ясно, – кивнул Чайка, разглядывая укрепления римлян, которые находились чуть ниже, и отсюда даже можно было увидеть кое-какие коммуникации, что вели от вала к недалекому берегу. Морское побережье просматривалось с этой точки лишь частями, зато были хорошо видны дороги и тропы, по которым туда и обратно маршировали римские легионеры. Судя по непрерывным передвижениям, Сципион тоже проводил замену своих частей на более свежие. Хотя большинство из них шли мимо, направляясь ближе к городским стенам Тарракона. Здесь же, судя по всему, оставался минимум легионеров, необходимых для отражения приступа.

– А как часто бывают приступы? – поинтересовался Чайка, разглядывая небольшую заставу, метрах в пятидесяти сразу за рвом, у которой виднелось скопление легионеров. Там

выстроили сразу несколько манипул.

– Если не считать вчерашнего случая, то на нашем участке в последнее время тихо, – ответил командир артиллеристов, почесывая бороду, – дней пять до этого никто не подступал. Римляне все больше со стороны порта да у самого города пробиться пытаются. А здесь Сципион поначалу атаковать пытался, чтобы отогнать нас и вал свой дальше вести. Но как мы его остановили, перебив строителей, с тех пор у них работы и замерли. Друг против друга стоим и ждем.

Федор перевел взгляд подальше и заметил, что римский вал, загибавшийся параллельно карфагенской стене, действительно обрывался через пару сотен метров. В этом месте было вбито невероятное количество кольев и кое-где даже сделаны насыпи из камней, чтобы не позволить карфагенянам легко обойти укрепления. На всякий случай строители Сципиона даже сделали позади него второй вал, соединив недостроенный с холмом, чтобы обезопасить себя хотя бы на время.

– Значит, говоришь, тихо здесь? – пробормотал себе под нос Чайка, спускаясь с бастиона. – Посмотрим, посмотрим.

Глава шестнадцатая **След Иседона**

Леха подошел к ограждению башни и окинул взглядом открывавшийся отсюда вид. Река делала здесь поворот, рождая мели. Холмы на той стороне, за которыми открывалась бескрайняя степь, золотило вечернее солнце. На реке виднелась лишь пара триер, направлявшихся с «боевого патрулирования» обратно в гавань. Все остальные корабли, включая его караван, уже давно были там.

– Вижу, вижу, – кивнул кровный брат скифского царя, осмотрев за полдня с момента прибытия весь арсенал, а сейчас с большим удовольствием проверявший метательные машины на башнях, – поработали на славу.

– Мы установили здесь восемь баллист, по две на каждой башне, – отчитался Гирун, комендант крепости, за спиной которого выстроились местные «артиллеристы», довольные таким интересом к их службе со стороны прибывшего адмирала.

– Тебя-то мне и не хватало в прошлом бою, – тихо проговорил Леха, любовно поглаживая шершавую балку орудия, смотревшего в сторону реки, а обернувшись, уточнил: – Сколько солдат у тебя?

– Здесь, в крепости, почти тысяча пехотинцев, – ответил комендант, – полторы тысячи пехотинцев на кораблях да еще восемьсот всадников стоит в лагере у подножия холма.

Ларин посмотрел в указанную сторону и увидел отряд конных скифов, что скакал в сторону крепости по дороге, вившейся меж холмов. От лагеря сюда было скакать минут десять, не больше. Так что узел обороны, включавший пехоту, конницу и даже ВМС, выглядел вполне прилично, хотя и не мог похвастаться большими силами. Во всяком случае, греческий десант был отбит, а те, кто смог высадиться на берег, уничтожены подоспевшей конницей. В общем, захваченная в свое время у дарданов и превращенная в перевалочный пункт на пути в Македонию крепость со своей задачей справлялась.

Убедившись в боеспособности гарнизона, Ларин решил пока оставить все как есть и не назначать комендантом Токсара. После встречи с кровным братом эта командировка вскоре могла продолжиться вниз по течению для них обоих.

За время отсутствия адмирала и его помощника, в свое время укреплявших эти берега, в крепости было выстроено множество новых бараков для солдат, склады с продовольствием, конюшни, кузницы и много других сооружений, не говоря уже о лагере для небольшой конной армии.

Катапульту Архимеда пока перегрузили в крепость. Кельтских капитанов Ларин щедро одарил после своего возвращения, как и обещал, отпустив назад. Многие уплыли сразу, едва получили вознаграждение. Остальные задержались на пару дней для того, чтобы подлатать

свои биремы на местной верфи, отстроенной специально для починки пострадавших в сражениях кораблей. Как оказалось, греки, высадив десант, первым делом попытались сжечь именно ее, но не смогли. Лишь слегка повредили. Комендант, впрочем, и эти повреждения уже починил. Так что верфь работала в полную силу и могла принимать сразу по две триеры или три корабля поменьше.

– Был ли гонец от Иллуря? – наконец спросил Ларин о главном.

– Только один, – ответил комендант, – с приказом отправить большую часть моей конницы в ставку и сообщавший о том, что следует ожидать вашего прибытия.

– А о себе царь ничего не сообщил? – уточнил с надеждой Ларин, прохаживаясь по башне. – Где он находился, когда придет армия? Что происходит в македонских землях?

Комендант только развел руками.

– Ясно, – кивнул Ларин, озадаченный таким ответом, – значит, будем ждать царя здесь.

Армия Иллуря, вопреки его заверениям, пока сюда не дошла. А на той стороне реки, по данным разведчиков Гируна, не введенного в курс дела, иногда появлялись небольшие гетские отряды, то и дело нападавшие на скифов, перемещавшихся по дороге к новой столице. Дорога, по которой и сам адмирал однажды ездил в ставку к царю, начиналась как раз напротив крепости и терялась в глубине степей. Там начинались обширные владения скифов, в которых с недавних пор было очень беспокойно. На этой стороне реки, впрочем, тоже. Особенно после того, как греки добрались и сюда, предприняв дальний рейд на своих кораблях.

– Мы никак не могли ожидать этого нападения, – проговорил Гирун, – до морского побережья очень далеко. Скорее можно было опасаться восстания дарданов, чем появления в этих местах греков.

– А что дарданы, – поинтересовался Ларин, отходя от баллисты и рассматривая теперь высокие холмы по эту сторону Истра, – не беспокоят набегами?

– Да нет, – пожал плечами Гирун, – за то время, пока вы были в походе, никто не нападал на нас посуху. Вот только на днях появились греки на своих триерах, а так все было спокойно.

– Спокойные времена, брат, закончились, – проговорил Ларин, взглянув в глаза коменданту, бородавчатому скифу с загорелым лицом и кустистыми бровями. Шлем наполнил ему на лоб, отчего казалось, что брови росли сразу из-под шлема, – опять началась большая война. Так что отдай приказания быть готовыми к отражению новых нападений. И посуху и с реки.

Произнося эти слова, Ларин даже не подозревал, как быстро сбудутся его предсказания. Не прошло и трех дней, проведенных в проверках гарнизона крепости и флота, – а Ларин, едва появившись здесь, сразу стал муштровать свои экипажи, – как со стороны горных перевалов появилось неизвестное войско. Конные разъезды столкнулись с ним на ближнем перевале и были отбиты.

Двигавшиеся к берегу войска тоже имели конницу, превосходившую скифов числом почти втрое. Не говоря уже о пехоте, которой разведчики насчитали почти четыре тысячи. «И все бы ничего, – озадачился Ларин, получив такие сведения, едва пристал к берегу после занятий, – если бы у меня было хотя бы пять тысяч конных скифов. Ну или царь был здесь вместе с ордами Аргима. Не такое уж огромное войско прет на мою крепость. Можно, конечно, отступить на кораблях... но не для того я сюда так долго добирался, чтобы оставить грекам все без боя. Придется повоевать, денек-другой продержимся, а там и братец подтянется».

– Передай Гируну, чтобы немедленно начал готовиться к сражению, – приказал Ларин гонцу, спускаясь вместе с ним по сходням на берег, – будем держать крепость. А еще передай, чтобы прислали ко мне командира конницы.

Запрыгнув на подведенного коня, он вместе с Токсаром усакал в крепость, оставив указания морпехам приготовить к обороне побережье, также обнесенное частоколом с башнями со стороны гор.

– Что за люди? – деловито уточнил Леха, когда перед ним появился скиф в сверкающей чешуе, слегка запыленный от скачки. Позади него гарцевали на конях человек десять всадников. У одного даже поперек седла был перекинут какой-то мешок.

Звали командира Салгир. Для своей должности он был слишком молод, лет двадцать с небольшим, как показалось Ларину, рассматривавшему юное лицо скифа. Но Иллур никогда не ставил людей на должности, если они этого не заслуживали.

«Ганнибал тоже еще не старец, – успокоил себя Леха, все же немного озадаченный возрастом своего полководца, – значит, парень толковый».

– Греки, – ответил тот, спрыгивая с коня, – мы захватили одного во время первой схватки под перевалом и привезли сюда. Сейчас он сам расскажет, кто он такой и откуда.

Салгир спрыгнул вниз и сделал знак своим людям подвезти пленника. Всадник, на седле которого болтался тяжелый мешок, подъехал к Ларину, сбросив пленника прямо у ног адмирала. Разговор происходил во дворе двухэтажного каменного дома с многочисленными пристройками, служившего штабом, казармой и жильем коменданту, а теперь и Ларину, потеснившего его. Дом был крепкий, обнесенный высокой стеной, и вполне подходил на роль цитадели в том случае, если придется оборонять улицы.

Сбросив мешок, всадник спрыгнул сам и ловким движением размотал веревку, стягивавшую узел. А затем чуть отдернул грязную ткань с лица пленника. Взору адмирала предстал греческий профиль человека, затянутого в кирасу, на груди которой красовалось изображение какого-то чудовища с волосами из змей. На лице пленника виднелся обширный синяк, а руки его были связаны и притянуты к груди. Но в этом уже не было особой необходимости. Пленник был мертв.

Заподозрив это, Ларин даже наклонился к нему, но грек уже не дышал.

– Не много он мне расскажет, – заметил Ларин, поднимаясь во весь рост и смерив хмурым взглядом юного командира.

– Разрешите мне немедленно атаковать! – вскинулся Салгир, увидев свою ошибку. – И я привезу тебе десять пленников.

– Успеешь еще, – осадил пылкого скифа Ларин, который, пройдя через множество сражений, уже мог позволить себе быть мудрым.

А обернувшись к Токсару и стоявшим чуть поодаль пехотинцам, крикнул:

– Приведите-ка ко мне моего пленника, того, что гребцами командовал. Думаю, он мне расскажет кое-что и об этом мертвце.

Глядя на странное чудовище, напоминавшее ему морскую гидру, Ларину в голову пришла резонная мысль, что это был какой-то знак, по которому можно было хотя бы определить, что за армия выступила против них. Леха был наслышан, что граждане всех греческих полисов имели такие символы, по которым их отличали в бою друг от друга. «Может, это спартанец? – озадачился Ларин, против воли напрягаясь от такой мысли. Не то чтобы он испугался – Леха не бахвалился тогда, обещая Иллору разобраться и со спартанцами, – но как-то это было неожиданно.

Когда пленник появился во дворе дома, Ларин спросил, обращаясь к гортатору и указав на мертвеца, которого уже полностью освободили от мешка:

– Что это за воин?

Гортатор, несколько дней находившийся между жизнью и смертью, бросил взгляд на мертвеца и, прежде чем ответить, осмелился задать вопрос:

– Ты даруешь мне жизнь, если я скажу?

Но Ларин был не в настроении торговаться.

– Благодарю богов, что ты и твои соплеменники до сих пор живы. Еще одно лишнее слово, и ты станешь похожим на него.

Гортатор замолчал, отвернувшись. Он вновь осмотрел убитого, пошевелил своими связанными за спиной руками и вымолвил наконец:

– Это гоплит из Аргоса.

– Так, – кивнул удовлетворенный ответом Ларин, – уже что-то. Жаль, Салгир, что ты не

захватил других. Возможно, там не только солдаты Аргоса.

– Когда мы сражались с греками, на щитах у них были похожие знаки, – ответил Салгир, – у всех, даже у всадников. Но кто бы это ни был, они уже близко. Только что ко мне прибыл посыльный от разведчиков. Греки прошли перевал и сейчас двигаются по соседней долине в обход хребта.

– Значит, еще до рассвета они будут здесь, – подвел итог адмирал, уперевшись руками в бока. – Больше медлить нельзя.

Сделав жест, чтобы пленника увели, он посмотрел на стоявшего рядом Салгира, который жадно ловил его слова, словно те исходили не от кровного брата Иллур, а от самого царя.

– Пришел твой час, Салгир. Бери своих воинов, но не всех, а человек пятьсот. Три сотни оставь мне под командой верного человека. Сам скачи навстречу грекам и терзай их налетами на горной дороге. Там место узкое, пока они не дошли сюда, ты сможешь нанести им большой урон. А мы тут подготовим достойную встречу.

– Я не вернусь, пока не перебею половину, – пообещал Салгир, вскакивая на коня.

– Даже не думай, их гораздо больше, а ты мне еще понадобишься здесь. Как положишь хотя бы сотню, возвращайся, – крикнул ему вдогонку Ларин, но его голос потонул в дорожной пыли и стуке копыт.

Юный военачальник ускакал вместе со своими бойцами. «Горячий воин, – подумал Леха, – такой может дров наломать. Надо бы его остудить». Но Салгир уже скрылся за холмом, а Лехе нужно было заниматься обороной крепости. Чем он и занялся, рассудив, что Салгир хоть и юн, но не совсем безрассуден. Сам разберется, когда нужно будет отступить.

– Токсар, – подозвал он своего помощника, который был вновь переведен во флот, едва они оказались здесь, – снимешь пять сотен морпехов с кораблей и приведешь их сюда. Мы построим войско у входа в нашу долину, это самое узкое место на подходе к побережью, и дадим бой гоплитам.

Токсар кивнул, отправившись выполнять приказание.

– Гирун, крепость готова к бою? – на всякий случай спросил Ларин, хотя знал ответ заранее. Сам наблюдал, как воины из «артиллеристов» занимали свои места у расчетов и поднимались на стены пехотинцы.

– Готова, – ответил комендант, – кроме метательных машин, на случай, если враг подойдет под самые стены...

«Подойдет, – отчего-то был уверен Леха, – это профессиональные воины. Их немало. Значит, просто увидев нас, они не разбегутся, раз уже пришли. Придется попотеть».

– Мы заготовили еще чаны со смолой, камни, бревна и зажигательные снаряды, – продолжал рассказывать комендант, – если полезут вверх, мало им не покажется. Людей для защиты крепости достаточно, так что в крайнем случае отобьемся.

– Это точно, – согласился повеселевший Ларин и вдруг вспомнил об оружии Архимеда, которое покоилось сейчас в разобранном виде на складах, – а не использовать ли нам еще эту штуку... которую один грек придумал.

– Какую? – не понял Гирун.

– Да ту, что я привез с собой, – проговорил адмирал. – Ладно. Не бери в голову, этим займется Токсар. Он с ней уже знаком. Зато если успеем ее собрать до начала штурма, то это будет для греков такой подарок – смажут пятки до самого Аргоса.

Гирун был окончательно заинтригован, но Ларин не стал ему всего рассказывать.

– Вот соберем, сам увидишь. Только место ей подыскать надо, больно уж громоздкая вещь, – задумался Ларин, – да и боеприпасов у меня нет.

Со своего места Ларин заметил груды валунов средней величины, висившуюся у одной из незаконченных построек.

– А это что за камни?

– Это камни для основания новой башни, что я собирался построить. Она должна быть самой высокой.

– Обождем с башней, – решил Ларин, – их у нас хватает. Зато из этих камней получатся отличные снаряды для новой катапульты.

Комендант посмотрел на валуны и с сомнением покачал головой.

– Боюсь, ни одна катапульта не сможет выстрелить таким камнем.

– Эта сможет, – отмахнулся Ларин, – ты просто не видел настоящих катапульти. Короче, вели перетащить все эти камни до заката вон туда, на площадь перед главными воротами. Там же и установим катапульту.

– На площади? – еще больше округлил глаза Гирун. – Даже не на башне? Но как же она будет стрелять?

– Нормально, – объяснил Ларин, – через стену. Ей перебросить камень через нашу стену проще простого. В общем, выполняй. Когда Токсар вернется, выделишь ему столько людей, сколько потребуется. И еще, что ты там говорил про зажигательные снаряды?

Узнав, что ему предстоит биться с профессиональной армией, да еще столь малыми силами, у Ларина словно открылось второе дыхание. Одна идея сменяла другую, и все казались дерзкими, но выполнимыми. Сражение в долине нужно было, чтобы остановить марш-бросок греков, сбить с них спесь, даже если придется положить там половину людей. Но в том, что основная битва будет происходить под стенами крепости на побережье, Леха не сомневался. А здесь одним нахрапом было не взять. Греки тоже не дураки. Наверняка и осадный обоз имеется. Нужно было применить какую-нибудь военную хитрость, чтобы уничтожить врагов и остаться в живых самому.

Поэтому Леха напряг извилины, хоть и не очень любил это делать. Вдруг, посмотрев в конец прохода между пристройками, он заметил длинные узкие бочки, оставленные здесь кем-то из кельтских капитанов, которые навели его на очередную идею. Вернее, заставили вспомнить опыт из прошлой жизни.

– Я говорил про горшки, что горят еще лучше, чем греческий огонь, – сообщил с загадочным видом комендант, отвечая на вопрос, – мы тут нашли одного умельца; вернее, он прибыл с нашими кораблями из Ольвии. Грек, но сильно обиженный на соплеменников. Вот он и показал нам, как смесь изменить, чтобы горела лучше. Мои солдаты теперь своими баллистами могут поджечь кого угодно. Вон на берегу обгорелая триера лежит – их работа.

– Не Колпакидис, случайно? – насторожился Ларин.

– Нет, – ответил комендант, почесав бороду, словно пытался припомнить трудную фамилию, – Каранадис.

– Пойдем-ка побеседуем с твоим Каранадисом, – решил Ларин, – пока морпехи не прибыли. Есть у меня к нему разговор.

В подвале одного из домов на окраине, примыкавшем к арсеналу, где хранились «взрывчатые вещества», было темно и сухо. Пройдя в никем не охраняемую дверь, Ларин в сопровождении Гируна спустился по высеченным в скале ступенькам вниз, оставив пятерых охранников снаружи.

– Это здесь обосновался ваш умелец? – удивлялся Ларин, осматривая на ходу грязные стены и заваленный глиняными черепками пол.

– Да, – подтвердил комендант, – он специально попросил подыскать ему такое место, чтобы не поджечь случайно что-нибудь. У него бывает... А это у нас единственный подвал, еще от дарданов остался. Они здесь хранили еду и что-то еще. Может быть, свои сокровища. Хотя здесь, говорят, ничего не нашли, когда взяли крепость.

– Факел нам не помешал бы, – проговорил Леха, спускаясь все ниже в полумрак и никак не отреагировав на замечание о сокровищах, – еще немного и свет вообще исчезнет. Глубоко еще спускаться?

– Мы уже пришли, – заметил Гирун, – вон тлеют его свечи. Он всегда только при них работает.

Ларин посмотрел в указанную сторону и сам увидел огарки свечей на длинном столе. Они почти не давали огня, но сейчас, в этой темноте, показались ему настоящими фонарями. Глаза адмирала быстро привыкли, и он стал различать детали большого вытянутого

помещения, своды которого уходили вверх и смыкались метрах в трех над головой. Место здесь действительно было какое-то странное. «Может, дарданы тут жертвы своим богам приносили? – подумал Ларин, осматриваясь. – Или подземным духам огня?»

За столом, склонившись над каким-то горшком, спиной к ним сидел невысокий бородатый человек в хитоне. За ним в стене виднелись ниши, уставленные глиняными горшками разных форм и размеров. Среди них были обычные, предназначенные для хранения жидкостей, почти круглые и даже вытянутые, напоминавшие своей формой гильзу от снаряда.

«А этот алхимик, похоже, экспериментирует с формой, – догадался Ларин, разглядывая горшки, – отлично. Похоже, у него есть такая, что мне нужна. Это сэкономит время».

– Как его зовут? – опять почему-то вполголоса поинтересовался Леха, невольно проникаясь уважением к ученому и позабыв на мгновение, что он здесь главный и может вмешиваться в любое дело.

– Он назвался Каранадисом, – напомнил комендант, – так мы его и зовем.

– Эй, – воскликнул Ларин, голос которого эхом отозвался под сводами помещения, – это ты готовишь горшки с греческим огнем? У меня к тебе дело.

Но не успел Леха сделать и пары шагов, как человек, не обращая на него никакого внимания, чиркнул камнем о камень, высекая искру, и поджег содержимое горшка. Тот вдруг заискрился и резко вспыхнул, разлетевшись на несколько частей.

«Опоздал, – пронеслось в голове у падающего на пол Ларина, когда огненные языки пламени метнулись сразу во все стороны, а черепки забарабанили по стенам, – пропал алхимик».

Но, к своему удивлению, он обнаружил грека живым и здоровым, правда под столом. Да и отыскать его удалось только по раздававшимся оттуда стонам. Такой вокруг стоял плотный дым, да и огонь еще не везде потух.

– Как же так, – сокрушался грек о потере горшка, – я же его два дня набивал, слоями. Все предусмотрел.

– Значит, не все, – оборвал его причитания Ларин, – а ну вылезай, а не то я тебя сейчас посажу на твой горшок и с удовольствием подожгу. Хочу посмотреть, умеешь ли ты летать.

Грек с недоверием уставился сначала на незнакомого Ларина, возвышавшегося над ним громадой, а затем на вынырнувшего из дыма коменданта.

– Вылезай! – повторил с поспешностью Гирун, испугавшись, что Ларин в гневе сейчас просто заколет неуклюжего умельца. Но Леха на сей раз не торопился с расправой, хотя разлетевшийся во все стороны горшок едва не лишил его головы. Он хотел сначала убедиться в том, что грек в состоянии осуществить его идею. Увиденное только утвердило его в желании. «А казнить мы его всегда успеем, – решил адмирал, – пусть поработает на благо Великой Скифии. Может, из него второй Архимед выйдет».

– Я твой новый хозяин, – коротко ввел алхимика в курс дела скифский адмирал, – если будешь думать слишком долго, я тебя казню. Понял?

Грек кивнул и вылез из-под стола.

– Откуда родом? – поинтересовался Леха, оглаживая тщедушного гения от артиллерии.

– Из Одесса, – ответил тот.

– Откуда? – не поверил своим ушам Ларин и лишь мгновением позже понял, что к одесситам этот грек не имеет никакого отношения. Речь шла совсем о другом городе.¹³ И Ларин уже знал о его существовании, но как-то позабыл. А тут выпал случай вспомнить.

– Ты же грек и даже не македонец, а почему нам служишь? – продолжал неожиданный допрос адмирал, которому вдруг показалась подозрительной личность этого оружейника, – ведь все греки против нас воюют.

---

¹³ Греческий город Одесс не имеет никакого отношения к расположенной на территории Украины Одессе. Он находился на западном берегу Черного моря на территории, сейчас относящейся к Болгарии, между Томами и Аполлонией, другими греческими колониями в этой области.

– Я был свободным гражданином, но не смог вовремя отдать долг одному богатому торговцу, – начал свою историю Каранадис, – и меня посадили в тюрьму. А потом, когда в Одессе появился один знатный беглец из скифского устья, он выкупил меня, узнав, что я оружейник, и заставил меня отрабатывать долг.

Ларин молчал, давая греку выговориться.

– Он обращался со мной как с рабом, – продолжал Каранадис, нервно дергая руками, – а когда я попытался пожаловаться чиновникам, те высмеяли меня, сказав, что я и так уже почти раб, а Иседон столько денег заплатил за меня в казну, что может делать со мной что угодно. Даже... развлекаться, как он любит. А кроме того, он большой друг одного из хозяев нашего города.

– Как ты сказал? – не поверил своим ушам Ларин. – Иседон?

– Да, так звали того старика, – кивнул Каранадис, – и вот однажды, когда я опять отказался работать, он приказал избить меня, а потом хотел взять силой...

«Так он еще и педик, – охнул Ларин, с сожалением посмотрев на несчастного грека и ожидая грязной развязки, – нет, я его просто обязан убить».

– Но я ударил его по голове горшком и бежал, – выдохнул грек, – так что теперь в своем городе я вне закона, и за мою голову назначена награда как за беглого раба.

– Ну, слава богам, все обошлось, – выдохнул Ларин, как-то сразу подобрев к несчастному гению. – Поверь, очень скоро мы войдем в твой город победителями, и ты вернешь все свое имущество назад. А этого Иседона я, кстати, хорошо знаю. И если ты укажешь мне, где его найти, то я тебя просто озолочу.

– Всю мою семью наверняка продали в рабство, – продолжал причитать грек, но когда до его сознания дошли последние слова адмирала, он мгновенно пришел в себя.

– Конечно, укажу, – проговорил он, и в его голосе появилась радость отмщения, никак не связанная с золотом, – с большим удовольствием укажу.

– Об этом позже, – кивнул Ларин, нехотя меняя тему, – теперь я знаю, где этот Иседон обосновался, и он от меня никуда не денется. Он ведь не собирался уезжать?

– Зачем? – пожал плечами беглый грек. – У него в Одессе большие связи, да и денег хватает. Он не торгует, но живет богачом. Хотя в последнее время все же завел торговлю оружием. Так мы с ним и познакомимся.

«Не иначе казну Палоксая увел, – решил Леха, – вот Иллур-то обрадуется, когда я ему об этом сообщу. А еще лучше захвачу эту сволочь вместе с деньгами и привезу пред светлые царские очи. Хотя нет, за то, что он со мной сотворил, я его лучше сам убью».

Узнав о наклонностях своего обидчика, Леха, впрочем, возблагодарил богов, что старейшина Иседон за время короткого знакомства не покушался на его честь. Но у Ларина и без того закипало в душе, едва он вспоминал о предательстве и пережитых за время бегства мытарствах.

«Позже, – остудил свой гнев адмирал, собрав всю волю в кулак, – я его обязательно найду и убью. Заодно и за Гнура с бойцами рассчитаюсь. А сейчас нужно думать о том, как остановить гоплитов Аргоса. А то некому будет мстить Иседону».

И, отогнав сладкие мысли о мести, он вернулся в реальность.

– Ты, говорят, хороший мастер, – сменил тему Ларин, поглядывая на догравшую по углам смесь, – хорошие горшки для наших баллист делаешь.

– Я учился у лучшего мастера в Одессе, – улыбнулся тщедушный грек, не лишенный, как оказалось, самодовольства. Он отошел от стола и зажег огнивом несколько тусклых свечей.

– А можешь ты изготовить мне вот что, – проговорил Ларин и, шагнув к давно примеченной доске с угольками, на которой алхимик чертил какие-то каракули, взял уголек и, набросав очень простой рисунок, начал излагать ему свою идею. Вернее, не совсем свою. Как бывший морпех их двадцать первого века он просто не раз видел эту разрушительную идею в действии и надеялся, что если ему удастся сейчас изобразить хоть жалкое подобие, то это уже может сильно повлиять на исход битвы с греками.

«Если не получится, бог с ним, – решил Леха, – но попытаться надо».

И на доске за минуту возникла конструкция, состоявшая из направляющей трубы и скользящего по ней реактивного снаряда, очень напоминавшая своим видом легендарную «Катюшу», местному умельцу, конечно, неизвестную.

– Вот это длинный горшок с закупоренным носом, набитый или наполненный твоей «гремучей» смесью, – попытался растолковать заинтригованному греку адмирал, – а это труба, по которой он скользит. Сила огня толкает его вперед. Разогнавшись до нужной скорости, он должен улететь и упасть на головы наших врагов.

– Улететь без баллисты? – озадачился грек, глянув в поисках поддержки на обомлевшего от такого известия Гируна.

– Но ведь в горшках жидкая смесь, – попробовал вставить слово комендант.

– Если я не ослеп, – проговорил Леха, указав на следы пожарища, – в том горшке была какая-то сухая смесь. Так?

По глазам Ларин понял, что мозг алхимика уже начал работать над поставленной задачей.

– Да, у меня есть сухой состав, – кивнул удивленный грек, – но как вы догадались? Ведь ее нет еще ни у кого во всей Греции. Я ее сам изобрел, совсем недавно. Только начал ставить опыты. Один из них... вы только что видели.

– Да технология сыровата, – кивнул адмирал, озадачив грека непонятным словом, – но времени доводить до ума сейчас нет. К нашей крепости приближаются воины Аргоса. Так что потом этим займешься, если выживем.

Оружейник вздрогнул, услышав такой оптимистичный прогноз.

– А сейчас просто сделай так, – решил Ларин, – есть у тебя узкие и длинные горшки?

Каранадис еще не успел ответить, как Леха уже сам все увидел, скользнув взглядом по полкам.

– Есть, вижу, – сказал он, протянув руку в сторону длинных, почти полметра длиной изделий, – набей их своей сухой смесью и засунь в какую-нибудь трубу. Лучше глиняную, но можно и деревянную; главное, чтобы этот снаряд направление полета получил.

Грек слушал, разинув рот, идея ему нравилась, но, похоже, результат уже вызывал опасения.

– У меня пока очень мало этой смеси, – признался он, решив наконец вставить слово, – не хватит на все эти горшки. Только на один, да и то...

– Тогда найди поменьше, – отмахнулся от проблем Ларин, – мне главное, чтобы они упали на голову врагов, пролетев меньше стадии, и взорвались, наделав шуму. Пусть даже не убьет никого.

– А как же я подожгу их? – снова озадачился алхимик и осторожно добавил: – Я только что пытался придумать один способ...

– Этот способ не подойдет, – отрезал Ларин. – Что такое фитиль, знаешь?

Грек округлил глаза.

– Ну веревка такая просмоленная. Длинная, которая может долго гореть? – уточнил Ларин. Но не встретив понимания, попытался объяснить, хотя и сам плохо представлял техническую часть вопроса.

То, что Леха слабо разбирался в подрывном деле, – другая у него была специальность на службе, – его не очень смущало. В таких случаях Ларина всегда выручала природная наглость. Если не умел чего-либо сам, то обладал талантом находить и припахивать других людей, которые это умели. Вот и сейчас был похожий случай. Правда, с небольшой разницей. В родном времени все, даже неспециалисты, знали, что такое порох, динамит и бикфордов шнур. Не говоря уже о снарядах. Здесь же этого не было и в помине. Поджигать местные греки уже научились хорошо, даже на расстоянии, но вот подрывное дело еще не освоили во всех тонкостях.

«Ничего, надо их чуток подтолкнуть, – размышлял Ларин, разглядывая чумазую физиономию греческого умельца, – потом само пойдет. А в будущем не раз пригодится.

Война ведь не завтра закончится».

– Короче, найдешь веревку и намажешь ее каким-нибудь маслом...

– Можно пропитать горючей смесью, – подал дельную мысль алхимик.

– Да, можно, – согласился Ларин, осматривая хозяйство на полках, – потом засунешь в открытую часть длинного горшка и подожжешь, когда будет надо. И главное – беги оттуда подальше, как только эти веревки загорятся. Если что пойдет не так, не важно. Тебе самому сгореть никак нельзя раньше времени – мне от тебя еще надо адресок Иседона получить. А в остальном дело не сложное. Ну все понял?

Грек посмотрел на него ошалевшим взглядом, но перечить не посмел. Даже кивнул, но как-то неуверенно.

– И проследи, чтобы в последний момент рядом никого не было, мало ли что, – повторил Леха, а обернувшись к коменданту, который слушал весь этот разговор примерно с таким же выражением лица, как и грек, добавил: – А ты отвечаешь за то, чтобы к вечеру, самое позднее к рассвету, на стене у главных ворот или на ближней к ним башне стояла вот эта штука.

И он постучал грязным пальцем по доске, на которой красовался странный чертеж.

Глава семнадцатая

Интересный человек

И тот день до самого вечера действительно прошел вполне спокойно, если не считать, что курьер, посланный Урбалом в лагерь, вернулся ни с чем. Новостей о хилиархии Атебана не было, и это начинало сильно беспокоить Федора, особенно в связи с прорывом римлян у Илерды. Обходной маневр, закончись он успешно для братьев Сципионов, мог отрезать Тарракон не только от моря, но и от сухопутных дорог в глубь страны. Впрочем, на следующий день у Чайки, немного заскучившего к вечеру от вынужденного бездействия, появилась новая тема для беспокойства, озадачившая его даже сильнее прежней.

Когда солнце начало клониться к закату, наблюдая за римлянами из укрытия на стене, Чайка вдруг заметил недалеко от римской заставы человека, чья походка и лицо показались ему отчего-то знакомыми. Федор имел орлиное зрение, но с такого расстояния не смог его детально рассмотреть – лицо человек раскрыл лишь однажды, откинув капюшон и ненадолго распахнув свою длинную накидку, когда в сопровождении двух человек миновал римский патруль. Федор успел заметить лишь крючковатый нос. Человек явно не был римлянином и, похоже, не носил доспехов, но центурион встретил его очень любезно и лично проводил в помещение. Из этого Чайка заключил, что неизвестный был важной птицей. Может быть, кем-то из местных вождей или старейшин, желавших переметнуться на сторону римлян, и тайно прибывшим сюда, чтобы войти в предательский сговор.

Но чем больше Федор напрягал свою память, едва человек скрылся со своими спутниками за воротами заставы, тем больше ему казалось, что он видел этого человека совсем недавно. Буквально несколько дней назад. Мужчина был явно немолод, лет пятидесяти, с крючковатым носом...

– Да это же советник Асто, – не поверил своим глазам Чайка, когда все малейшие детали сложились в единый портрет, – человек сенатора Ганнона. Неужели он водит дружбу с римлянами?

Федор был в шоке от такого предположения – сенатор Карфагена помогает римлянам, – но такой вариант не исключался. Ведь имел же римский сенатор Марцелл, судя по его архиву, какие-то контакты с карфагенянами. Однако, чтобы уличить советника Асто, а заодно и его покровителя в сенате Карфагена во лжи, одних предположений было мало, требовались факты. И Чайка решил действовать, не дожидаясь возвращения Гасдрубала. Нет, начинать штурм римских укреплений не следовало. Будет слишком много шума, а за время суматохи советник легко улизнет.

Нет, тут надо было действовать аккуратно. Если это был действительно Асто, каким-то

образом преодолевший все патрули и пробравшийся к римлянам, то его можно было попытаться захватить, как говорили в прошлой жизни, «с поличным». А для этого требовалось «всего лишь» прямо сейчас, с небольшой группой бойцов, очень тихо перебраться через римский вал и захватить его в плен. А может быть, и его римских друзей.

– Вот подарочек будет Гасдрубалу, – усмехнулся Федор в предвкушении от ночного рейда в тыл к противнику, в котором он решил принять участие лично, тряхнув стариной, – только надо поторопиться. А то уйдет советник.

Когда он объяснил свой план Урбалу и Летису, явившимся вскоре на его наблюдательный пункт, те сразу же поддержали его.

– Я готов, – сообщил Летис, проверив свои кинжалы, – можно хоть сейчас отправляться.

– Обождем еще немного, – решил Федор, вглядываясь сквозь темнеющий воздух в римские позиции, – он никуда не выходил пока. И если Баал-Хаммон не допустит предательства, то проведет там еще какое-то время. А ты, Урбал, выбери пока человек пять из своих солдат, самых лучших. Идти большим отрядом не стоит, быстрее заметят, но и втроем слишком опасно.

Урбал кивнул.

– Как стемнеет, встречаемся вон там, – указал рукой Чайка на частокол чуть ниже бастиона, – осталось недолго. Охранников я предупрежу в самый последний момент.

За те двадцать минут, что прошли до назначенной встречи, Чайка не спускал глаз с римской заставы. К счастью, никто оттуда не выходил, кроме нескольких легионеров. Помещение показалось Федору очень похожим на караульное, из которого расходились на свои посты патрули. Вот и сейчас несколько отрядов по три-четыре человека, покинув его, направились с факелами вдоль вала, исчезнув из поля зрения.

«Хорошо бы оказаться там в такое время, когда внутри никого не будет, кроме нужных людей, – лихорадочно соображал Федор, который после краткого разговора с охранниками бастиона и осмотра личного состава первым нырнул в сгустившуюся темноту, – а еще хорошо бы, чтобы римляне не задумали сегодня ночью никакой каверзы. А то попадем под раздачу, тогда мало не покажется».

Миновав частокол, восемь человек во главе с командиром хилиархии осторожно зашагали по дну оврага, прячась за возвышениями. Ступать старались тихо, но Федор то и дело слышал за собой шорохи камней, вылетающих из-под тяжелых армейских башмаков. Времени на долгие сборы не было, а то Чайка приказал бы надеть сандалии помягче. Но его единственным козырем была внезапность и, конечно, помощь богов.

Достигнув подножия римского вала и первым пробираясь между близко вбитых кольев, Федор поймал себя на предательской мысли: «А вдруг я ошибся и это действительно какой-нибудь местный вождь, а не помощник Ганнона? Вот будет позор, если, конечно, вернусь живым». Но отступить было поздно.

Солдаты, которых привел за собой Урбал, были несказанно удивлены, увидев, что в разведку их поведет сам командир хилиархии, любимец Ганнибала. Не часто его подопечным выпадала такая честь. Но Чайка старался не слишком придавать этому значение. Сейчас он считал себя просто командиром взвода разведчиков, в котором было пятеро бойцов, вооруженных фалькатами, и трое лучников. Конечно, у каждого «диверсанта» имелись кинжалы, но вот щиты пришлось оставить. С ними по-тихому было никак не пробраться. Да и шлемы оставили в бастионе. В общем, Федор готовился самое большее к молниеносной рукопашной схватке, а о большой драке с десятками римлян и речи не могло быть.

Когда колья с шипами по краям, о которые они изорвали свои одежды, закончились и начался резкий подъем, Федор несколько сбавил темп. Вал был для того и создан, чтобы по нему было трудно взбираться вверх. Твердая земля здесь была посыпана глиной и время от времени поливалась водой. Поэтому Чайка, еле удерживая равновесие, выхватил из ножен кинжалы и, делая шаг, стал вгонять их в поверхность, чтобы не скатиться вниз. То же самое

сделали и остальные, так что вся группа смогла взобраться наверх без особого шума. Подбравшись к самой кромке, Федор притих. Группа «диверсантов» замерла под ним, едва он остановился. Слушая голоса римских часовых, что бродили еще за одним частоколом, вбитым по самой кромке, Федор боялся, что вот-вот на сторожевых башнях должны были зажечь факелы, освещавшие по ночам самые опасные участки обороны. Стемнело недавно, и факелы, по счастливому стечению обстоятельств, еще не зажгли, но это счастье скоро должно было закончиться. А ждать было никак нельзя, этот Асто, или как его там, мог уже покинуть «караулку», растворившись во тьме. И тогда все станет бессмысленным.

– Как только я перемахну через частокол и разберусь с часовыми, сразу лезь за мной, – глухим шепотом приказал Федор зависшему на ножах чуть в стороне Летису. А когда здоровяк из Утики кивнул, Федор, прислушавшись в последний раз, резким движением подтянулся, оттолкнулся и перебросил тело через обструганные колья.

Приземлившись на утоптанной десятками ног тропинке сразу за частоколом, Федор присел и осмотрелся, готовый к немедленной атаке. Справа на валу, метров десять, не было никого. Дальше он заворачивал, и что там творилось, отсюда было не разглядеть. Вперед и вниз вело несколько деревянных лестниц, специально устроенных для того чтобы легионеры занимали свои места по первому сигналу. Буквально в двадцати метрах угадывался длинный барак, похожий на склад или арсенал, но с этой стороны никакой охраны у него не было, впрочем, как и дверей. Этот сарай тонул в темноте. Зато в сотне метров слева, у одной из башен скопилось человек сорок легионеров. Они столпились вокруг костров, где на больших треногах были подвешены котлы, и громко смеялись, предвкушая скорый ужин. «Отлично, – усмехнулся Федор в темноте, – кушайте, ребята, на здоровье. Мы вас не побеспокоим».

Такие же костры горели и дальше вниз по склону, на расстоянии сотни-другой метров друг от друга, выдавая места скопления солдат. Немногочисленные пока языки пламени слегка подсвечивали палатки и бараки расположившейся на постой армии. Единого лагеря, обнесенного общей стеной, здесь не было. Видимо, римляне считали эту передовую территорию частью одного большого лагеря, растянувшегося вдоль побережья. Там Федор тоже заметил костры, явно зажженные моряками.

Интересующее его здание находилось метрах в ста от частокола. И там горел костер у входа, рядом с которым грелись четверо легионеров. От вала, минуя барак, к нему вела тропинка, угадывавшаяся в темноте. Путь был ясен. Дело оставалось за малым – пройти его туда и обратно.

– Летис, давай! – прошипел Федор, отползая к ближайшей лестнице.

Здоровяк перемахнул частокол и оказался рядом. За ним быстрой тенью появился Урбал, следом один из лучников. И тут из-за поворота вышли сразу четверо римлян. Чайка различил их только по громким голосам, поскольку шли они уверенно по знакомой дороге, но без факелов. Это был патруль, который мгновенно заметил чужаков.

Выхватив мечи, римляне устремились к Летису, но ни он сам, ни Федор не дремали. Чайка метнул свой кинжал почти одновременно с другом, однако убить наповал не смог. Помешала темнота. Римлянин охнул и схватился за бедро, согнувшись. А Летис был точнее. Его жертва уже хрипела, упав на колени и пытаясь выдернуть длинный кинжал из распоротого горла, когда Федор вновь взлетел по лестнице на вал и, рубанув фалькатой, добил раненого легионера.

Едва Чайка распрямился, как над его головой просвистели сразу две стрелы, – оставшиеся легионеры рухнули замертво. «Хороших Урбал выбрал лучников, ничего не скажешь, – мысленно похвалил своего друга Федор, – однако надо спешить. И так мы тут слишком задержались».

– Сбросьте их с вала! – приказал Федор глухим шепотом, махнув рукой в сторону мертвых римлян и озираясь по сторонам. Но больше никого из-за поворота не появилось.

Пока Летис, Урбал и двое лучников, схватив за ноги убитых римлян, аккуратно перекидывали их через частокол, на валу появились остальные карфагеняне.

– За мной, – проговорил Федор, когда трупы римлян с еле слышным шорохом

укатились вниз, остановившись где-то посередине. Но, сделав шаг, запнулся обо что-то. Подняв длинный предмет, Федор понял, что это меч-гладий, оброненный одним из легионеров. «Здесь все должно быть чисто, – сказал он сам себе, выбрасывая его за частокол, – мало ли кто тут может пройти в ближайшее время. А так нет их и никогда здесь не было. Пока хватятся, мы уже все успеем сделать».

Едва весь отряд спустился вниз и прижался к бревенчатой стене барака, как на ближайшей сторожевой башне загорелся факел, освещая часть вала. «Хорошо бы погасить этот фонарь, – пронеслось в мозгу у Федора, пока он успокаивал дыхание, – эх, жаль, нет снайперской винтовки с прибором ночного видения. Все было бы проще некуда. А тут крутись как хочешь».

Обогнув барак, карфагеняне столкнулись еще с двумя праздношатавшимися легионерами, которые были к тому же пьяными, видимо недавно сменились. Они шли по тропе, горланя песни и ничуть не беспокоясь о том, что их услышат в «караулке». Один из них нес в руке бурдюк, полный вина. Но выпить его до дна римлянин так и не смог. Вынырнув из-за угла, Летис оглушил его ударом в лицо. А второго Урбал отправил в нокаут, саданув в челюсть массивной рукоятью фалькаты. Оба легионера с глухими стонами повалились на камни и были добиты короткими ударами клинков. Оттащив трупы под стоявшую рядом с сараем телегу, карфагеняне уже хотели двинуться дальше, как Летис нащупал у одного из римлян на поясе связку ключей. Сняв, он протянул ее Чайке, намекая на то, что неплохо бы взглянуть, что хранится в этом сарае.

– Отставь их, – приказал Федор, – видимо, вы только что убили сторожей. Но мы сюда не за ними пришли. Нам нужен старик с орлиным носом в длинной накидке. Он должен быть там.

Федор указал на видневшуюся уже совсем рядом «караулку». До нее оставалось метров пятьдесят, и пройти их надо было по затемненной, но открытой местности. Слева вдалеке «гуляли» легионеры, наслаждаясь ужином. Справа в темноту уходила дорога, в конце которой тоже горели костры. Приземистое здание «караулки», напоминавшее прямоугольный сарай с бревенчатой крышей, освещалось только со стороны входа. Все ее пристройки тонули в сумраке. «А может, это и не „караулка“ вовсе? – озадачился Федор. – Больно уж народа мало. Впрочем, какая разница, это только к лучшему».

– Убираем часовых и врываемся внутрь, – приказал он, старясь ступать осторожно, держа в одной руке кинжал, а в другой фалькату, – находим старика, вяжем и тащим к валу.

Карфагеняне беззвучными тенями устремились к цели. Двое римлян умерли на месте, на этот раз Федор и Летис метнули кинжалы отменно. Зато двое других тоже выказали хорошую реакцию. Почуввав опасность, они успели отпрыгнуть от костра и откатиться в сторону, словно заправские гимнасты. Кинжал Летиса, а также стрела одного из лучников просвистели мимо.

– Догнать их! – приказал Федор своим солдатам. – Никто не должен уйти живым отсюда!

Римляне, к счастью, и не думали убегать. Один из них, подхватив стоявший у стены щит, приготовился к обороне, что-то крикнув своему сослуживцу. А тот, без щита, лишь с обнаженным клинком, бросился навстречу карфагенянам. Пока лучник исправлял свою оплошность, а Летис бился с единственным оставшимся из охранников, Чайка подскочил к дверям. Рядом с ним замер Урбал, а за его спиной лучники.

– Заходим! – рванул дверь на себя Федор и, вскинув фалькату, первым ворвался внутрь.

За дверью оказалось всего одно тесное помещение, сверх ожидания запруженное столами и большими сундуками, каждый из которых был обит полосами металла. «Похоже на контору квестора, – промелькнуло в мозгу Федора что-то знакомое, когда он, шагнув вперед, едва не налетел на раскрытый пустой сундук, – здесь, видно, легионеры получают свое жалованье. Только не сегодня».

За дальним столом при свете тусклой свечи сидели три человека – двое римлян в богатых доспехах и один человек в балахоне, с откинутым капюшоном. Он сидел почти

спиной к вошедшим, но Федор сразу узнал эту фигуру и крючковатый нос. Особенно когда тот невольно обернулся на шум в дверях.

– Советник Асто! – воскликнул Федор, обходя сундук. – Какая встреча. Я так рад, что не ошибся! Куда же вы!

Едва услышав голос Федора, гость римлян накинуд балахон, вскочил и молча бросился к дальней стене, в которой Чайка неожиданно увидел вторую дверь, ведущую в темноту. Он хотел немедленно кинуться за советником, но тут от стены отделились несколько теней и перед карфагенянами возникли четверо охранников. Двое из них были легионерами, а другие двое – теми самыми людьми, что сопровождали сюда советника. Они держались в стороне от своих хозяев, в боковой нише, и Федор не заметил их сразу.

Клинок просвистел в двух сантиметрах от его лица, и Чайка едва успел увернуться, отпрыгнув в сторону. Но задел сундук и рухнул на пол, не сумев удержаться на ногах.

– Задержать! – взревел Чайка, видя, как советник исчезает в узком проеме двери. – Он не должен уйти! Урбал, можешь даже его убить!

Командир седьмой спейры, отбив удар меча римского легионера, перемахнул сундук и швырнул кинжал вслед убежавшему советнику, но клинок впился лишь в косяк двери. Федор вскочил на ноги и в ярости набросился на одного из охранников-пунов, саданув тому рукоятью фалькаты в челюсть. Он не мог поверить, что такой блестящий и дерзкий маневр вдруг провалился в одно мгновение.

Его противник отлетел назад и, перекувыркнувшись, рухнул за стол без чувств. Похоже, Федор сломал ему челюсть.

– Какое единение, – недобро ухмыльнулся Чайка, набрасываясь на второго охранника, – карфагеняне бьются с римлянами на одной стороне. Вот Гасдрубал обрадуется, узнав об этом. Но вначале мы сами рассчитаемся с предателями, а ему я покажу ваши головы!

Когда лучник убил наповал второго легионера и ворвавшиеся карфагеняне стали пробираться к дальнему углу помещения, перепрыгивая и обходя столы с сундуками, один из двух богато одетых римлян замер в дверях. Его отступление прикрывала лишь пара оставшихся в живых бойцов, один из которых был к тому же ранен. Когда возникший рядом Летис зарубил и его, римлянин, не выдержав, выхватил свой меч из ножен, присоединившись к последнему легионеру. Это был опытный боец. Даже военачальник, судя по доспехам. И не трус.

– А ты чего не бежишь? – крикнул ему Федор по-латыни. – Как твой дружок-предатель.

– Не знаю, откуда вы здесь взяли и откуда ты знаешь латынь, – проскрежетал римлянин, обращаясь к Федору и одновременно ловким выпадом убивая финикийского солдата, – но тем лучше. Значит, ты поймешь меня без перевода. Сейчас ты умрешь! Вы все умрете, сколько бы вас тут ни было.

Он прыгнул между столами, взмахнул рукой, его меч сверкнул в зыбком пламене свечи так быстро, что Чайка едва успел отразить удар, направленный ему в живот.

– Нет, я пропущу тебя вперед! – рявкнул он в ответ и рубанул наотмашь, желая отсечь этому военачальнику голову даже в шлеме. Но римлянин отступил на полшага, и смертоносное лезвие пронеслось мимо, лишь вспоров кожаный рукав куртки. Кровь потекла по его руке.

Отпрыгнув еще на шаг, он увидел, как Урбал выбил меч из рук последнего легионера и умертвил его своим чудовищным оружием. С рассеченным плечом тот упал на стол, заливая его кровью, казавшейся черной в этом полумраке.

– Я встречу тебя и отомщу, – прошипел римлянин, – никто еще не мог оскорбить меня безнаказанно!

Сказав это, он выскочил за дверь и, захлопнув ее, исчез во мраке.

– Назад! – крикнул Федор, когда Летис попытался выбежать за ним, чтобы догнать. – Мы опоздали! Советник ушел, а нам надо уносить ноги, пока не поздно! Он сейчас поднимет крик на весь лагерь!

Словно в подтверждение его слов, где-то далеко за входной дверью послышался сильный шум, напоминавший рокот прибоя. Но Чайка, привычный к звукам войны, сразу распознал в нем шум сотен солдат, бросившихся на штурм укреплений противника. И этот шум начался явно на римской стороне.

– Этого нам еще не хватало, – пробормотал он, окидывая нервным взглядом место недавнего сражения, где погибли сразу трое его людей. – Урбал, посмотри, что там снаружи.

А пока его друг выполнял поручение, Чайка бегло осмотрел тела убитых слуг советника. На груди одного из них он увидел небольшой кошелек из кожи, но тот казался на вид почти пустым.

– Какая бедность для слуг такого богатого человека, – усмехнулся Федор и, сорвав кошелек с тонкой цепочки, на которой он висел, высыпал его содержимое на ладонь, почти не сомневаясь, что он там увидит. В тусклом свете огарка свечи он разглядел несколько монет и одну, с которой на него шурилась знакомая сова с отверстиями вместо глаз.

– Значит, все-таки Ганнон, – пробормотал Федор, сжимая ладонь и испытывая при этом странное облегчение, – уже что-то.

– Ты о чем? – не понял здоровяк, только что осмотревший всех валявшихся на полу карфагенян и убедившийся, что они мертвы. – Что это за монеты?

– На эту монету, Летис, можно купить дружбу римлян, – проговорил Чайка, засовывая ее обратно в кошелек, а его за свои доспехи.

– Мне она не нужна, – сплюнул Летис на труп одного из легионеров и поигрывая фалькатой, – даже даром.

– На соседнем участке римляне начали штурм укреплений, – сообщил Урбал, возвращаясь в помещение, – к укреплениям отовсюду движутся отряды легионеров.

– Быстрее, – приказал Федор, перехватывая покрепче клинок и направляясь к двери, – надо прорваться к валу, пока наступление не началось и здесь. По той же тропе назад. Шансов мало, но придется идти напролом. Возможно, впопыхах нас не сразу распознают.

Он толкнул дверь, осмотревшись по сторонам, но, кроме мертвых римлян, у порога никого не было. Его взгляд сразу же выделил участок вала, куда стекались римские манипулы. Перед каждой из них бежали легионеры с факелами. А там, где началось сражение, небо, словно трассеры, чертили огненные линии от горящих горшков. Баллистарии уже начали артподготовку. «Уж не для того ли все затеяли, чтобы вернуть советника назад? – подумал Чайка, первым бросаясь в сторону вала. – Надо выбраться отсюда и обязательно поговорить с ним еще раз. Лицом к лицу. Посмотрим, что он мне сможет возразить».

Остальные бойцы, сжав покрепче оружие, устремились за ним. Пятеро оставшихся в живых карфагенян не успели пробежать первые пятьдесят метров, как справа показался отряд римских легионеров. Впереди, освещая первую шеренгу и двух офицеров, бежали факелonosцы. Это была целая манипула, перемещавшаяся не то в сторону позиций, откуда начался штурм, не то на поиски «диверсантов». Но Чайка решил не выяснять. Путь до сарая был пока свободен.

– За мной! – крикнул Федор, бросаясь вперед, слегка пригнувшись. – Не останавливаться!

Карфагеняне пробежали оставшиеся пятьдесят метров в зыбком мраке и приникли к стене. Римляне продолжали движение с прежней скоростью. Но стук их подкованных башмаков приближался.

– Наверно, приняли за своих, – выдохнул Федор, оглядываясь.

Телега с мертвыми охранниками под ней была на месте. Никто их еще не успел обнаружить, и здесь пока было тихо. Зато чуть впереди, на валу, Чайка еще на бегу заметил перемещения солдат. Несколько римских патрулей двигались по нему вдоль частокола.

– Тоже, наверное, готовятся к наступлению, – кивнул Федор в сторону вала, – ну да ничего. Нам бы только добежать. А там – помогай Баал-Хаммон – руби всех подряд. Главное – до частокола добраться и успеть вниз спрыгнуть, пока тут не станет тесно от римлян.

– А еще надо нижний частокол пересечь под обстрелом лучников, – добавил оптимизма Летис, сжимая во второй руке кинжал, – в спину ведь будут бить. Пока сюда шли, я весь доспех об эти острые сучья чуть не изорвал.

– И потом чтобы свои за римлян не приняли, когда наверх полезем, – вставил слово Урбал, – а то ведь могут и не узнать. Решат, что легионеры и здесь на приступ пошли.

– Ничего, прорвемся, – сплюнул Чайка под ноги. – Пошли. Летис – замыкающий.

Манипула приближалась. И едва Федор отделился от стены, как один из факелоносцев вдруг крикнул, замахав факелом в их сторону:

– Вон они!

«Значит, за нами, – пронеслось в мозгу Федора, – теперь только вперед!»

Едва он в три прыжка обогнул угол сарая, как столкнулся с легионерами, тащившими какой-то ящик по лестнице. Римляне ничего не успели сообразить, как уже были убиты. Трех сразили его лучники, пустив на ходу стрелы. А последнего он зарубил сам, молниеносно оказавшись рядом и саданув наотмашь фалькатой. Острое лезвие рассекло толстую кожу доспехов, и легионер упал на ступеньки лестницы, заливая их кровью. В его глазах застыло недоумение с той самой секунды, когда он увидел вынырнувших из глубины лагеря карфагенян.

Перепрыгнув мертвые тела, Федор стал взбираться вверх по лестнице, стремясь как можно быстрее достигнуть вала, но там его уже ждали. Трое солдат без щитов, но с копьями наперевес. Видимо, они выполняли здесь какие-то работы и не успели схватить щиты, когда Чайка взлетел на верхнюю ступеньку, размахивая своим смертоносным клинком. Первого бойца он рубанул по ноге. Тот взвыл и упал на одно колено, выронив копье. Но добить его Федор не успел, двое других набросились на него.

Рискуя свалиться обратно вниз, Федор пригнулся, отбил пару выпадов и отступил по кромке вала в сторону, освобождая дорогу другим поднимавшимся карфагенянам. Следом за ним на валу показались Урбал и еще один боец, напавшие на римских копейщиков. А Чайка, развернувшись, принял на себя удар двоих меченосцев, которые возникли на валу из полумрака позади него.

Отбиваясь от наседавших римлян, он заметил огни внизу – это были легионеры из преследовавшей их манипулы. Едва появившись из-за сарая, они растеклись по трем лестницам и теперь стремительно поднимались на вал, бряцая оружием.

– Взять живыми! – орал офицер. – Тому, кто схватит их первым, Публий обещал большую награду.

– Хрен ты увидишь эту награду, – объявил Федор ближнему легионеру с гладием, делая выпад.

Острые фалькаты вспорол кожаный панцирь и вошло в плоть. Легионер охнул, выронил меч и, схватившись за бок, упал на колени. Раздался свист, и рядом тут же упал второй. Это карфагенский лучник, все еще державший центральную лестницу, решил ему помочь.

– Уходим! – крикнул Федор, увидев, как на валу появился Летис. – Все вниз!

И первым перемахнул ограждение, схватившись за один из кольев. Улетая в темноту, он успел заметить, как Урбал, отбив удар взбравшегося по лестнице легионера и пнув того ногой в грудь, последовал его примеру. Приземлившись на скользкую поверхность, Чайка пробежал несколько шагов, после чего поскользнулся, рухнул и кубарем покатился вниз, кувыркаясь через голову. Сжимая в руке фалькату, он пролетел несколько метров с мыслью о том, что если немедленно не остановится, то он просто налетит на один из заостренных колов, который наверняка остановит его полет вместе с жизнью. Изогнувшись, Чайка попытался «зарубиться», как это делали альпинисты из его прошлой жизни, соскальзывая по заснеженному склону. Ледоруба у него не было, кинжала тоже, и он попытался воткнуть на лету в поверхность вала то, что имелось, – свою фалькату. Получилось не очень, клинок звякнул о какой-то камень, пытаясь проникнуть вглубь, но лишь на секунду затормозил полет, развернув тело. А затем Федор, увлекаемый силой тяжести дальше, вновь устремился

вниз, но теперь уже животом по склону.

Это его и спасло. Когда он, пропахав еще несколько метров лицом по склону, все же остановился и попытался подняться, то едва не выколол себе глаз торчавшим в сторону заостренным сучком. Чуть левее он услышал сдавленный стон, – кому-то повезло меньше.

Подняв голову, Чайка в отблесках недалекого зарева разглядел линию обструганных кольев. Не слишком далеко слышался шум сражения, а ночное небо над позициями обеих армий пересекали огненные шары. Усилием воли Федор поднял свое избитое тело и заставил себя двигаться вперед. Но, протискиваясь между кольями, вдруг понял, что застрял.

– Вон они, – крикнул кто-то с вала, – там, внизу. А ну, бросьте туда факел!

Тотчас рядом с ним, буквально в нескольких метрах пролетел и упал на склон горящий факел. Еще один улетел левее, туда, где мощнотелый Летис едва не выломал кол, чтобы преодолеть эту преграду. Становилось все светлее. «И как мы умудрились пройти все это так легко в первый раз, – удивился Федор, почуяв, что сейчас он и его бойцы, пробиравшиеся через частокол, станут отличной мишенью, – помоги мне, Баал-Хаммон!»

– Лучники, ко мне! – прозвучала за спиной команда, словно в ответ на его мысли.

Впрочем, чтобы помочь остальным, для начала надо было выбраться самому. И он выбрался, окончательно исцарапав в кровь свои бедра, ноги и руки. «Зато глаза пока целы», – подбодрил себя Федор, когда первая стрела просвистела над ухом, стукнувшись о камень.

Оставив частокол позади, Чайка в несколько прыжков достиг оврага, где по-прежнему царила тьма, и рухнул туда, накрыв голову одной рукой, потому что в другой все еще нервно сжимал фалькату, словно это могло его спасти. Через мгновение под бешеный свист стрел кто-то упал рядом.

– Эй, – позвал Федор, – Летис?

– Это я, – подал голос Урбал, – Летис в порядке. Поцарапался немного, отлеживается за соседним бугром.

– Значит, это не его убило стрелой? – с облегчением уточнил Федор, видевший за мгновение перед падением, как кто-то из карфагенян получил стрелу в спину, так и не успев перебраться через частокол.

– Нет, – проговорил Урбал, отплевываясь от земли, – это погиб мой боец. Последний из тех лучников, что я взял с собой.

– Надо идти дальше, – решил Федор, когда обстрел немного ослабел, хотя римляне все еще бесновались на валу, изрыгая проклятия им на голову, – пока они лишь пускают стрелы. А то вдруг еще решат пойти на приступ.

Урбал не ответил, но Федор и сквозь темноту смог «увидеть», как тот кивнул. Однако, едва они поднялись, предсказание Федора сбылось. Со стороны вала вдруг послышался страшный рев, и небо между позициями противников осветилось огненными линиями. Обернувшись, в свете «трассеров» от внезапно заработавшей вблизи артиллерии римлян Чайка увидел, как legionеры, спустив с вала длинные лестницы, десятками прыгают по ним вниз, размахивая клинками.

– Быстрее! – рявкнул Федор, испугавшись, как-бы не сбылось теперь и предсказание его друга.

Они бросились бежать по оврагам в сторону собственных укреплений. Вскоре к ним присоединился и Летис; пыхтя и отдуваясь, здоровяк приволакивал за собой раненую ногу. Федор тоже был весь в ссадинах и порезах, но не замечал их. К счастью, римляне перестали пускать им вдогон стрелы, решив, что беглецы уже вне зоны досягаемости. Но, стоило им вновь появиться в поле зрения, как Федор, прыгая в очередной овраг, услышал отчетливый вопль центуриона:

– Вот они! Догнать!

Вскоре они были уже под самыми укреплениями, где им пришлось вновь преодолевать частокол, но уже собственный. Напрягая последние силы, трое карфагенян карабкались по склону вверх, когда над их головами просвистел горшок с зажигательной смесью и, ударившись о стену бастиона, разлил по камням жидкий огонь. От удара в стороны

разлетелись огненные протуберанцы, один из которых едва не изжарил друзей.

– Твою мать! – выругался себе под нос Федор, когда рядом с ним задымилась трава, а капля горячей жидкости упала на кожаный рукав доспеха, заставив его тлеть и вонять. – Быстрее в бастион, пока эти римские балистарии совсем не разошлись.

– Кто здесь? – раздался окрик с бастиона, едва разрыв горшка осветил фигуры трех карфагенян.

– Это я, Федор Чайка, – крикнул он, хватаясь за край ограждения и втягивая свое тело наверх, где ему помогли в этом еще двое солдат, подхватив под руки.

– Хорошо, что не убили, – поблагодарил Федор, переводя дыхание и поглядывая на лучников, дежуривших у кромки бастиона. Летис и Урбал вскоре тоже оказались по эту сторону стены. – Хотя вполне могли принять и за римлян.

– Я даже в полной темноте узнаю своих, – похвалился главный «артиллерист», всматриваясь через плечо командира хилиархии в то, что происходило внизу. Там римляне уже приближались к частоколу, прихватив с собой свои штурмовые лестницы.

– Мы ждали вас до последней возможности. Вы же сами отдали такой приказ.

– А теперь отдам другой, – кивнул Федор и, тоже обернувшись назад, проговорил: – Немедленно открыть стрельбу по легионерам Сципиона, не то они так же легко вскарабкаются сюда, как и мы. – Взмахнув окровавленной фалькатой, что до сих пор держал в своей руке, добавил: – И вызвать ко мне всех командиров спейр, нам предстоит веселая ночь.

Не успел Федор отойти на десять шагов от передовой в сторону своего командного пункта, находившегося поблизости от бастиона, как небо осветилось новыми вспышками. Это заработали баллисты карфагенян по всему фронту, вслед за орудиями на участке двадцатой хилиархии. Чайка остановился в изумлении и окинул пристальным взглядом всю линию огня, где были слышны звон оружия и крики сражавшихся бойцов. Римляне перешли в наступление почти по всему фронту с этой стороны города. Во всяком случае, насколько мог видеть Чайка со своего места.

– Похоже, Сципион не на шутку рассердился после нашего визита, – пробормотал он, – и веселая ночь предстоит не только нам.

Глава восемнадцатая

Секретное оружие

– Красиво идут, – заметил Ларин, разглядывая с небольшого возвышения гоплитов Аргоса, маршировавших с перевала вниз по дороге, – и скоро уже здесь будут.

Только что состоявшееся конное сражение, вернее очередная сшибка всадников Салгира и конных греков остановила на некоторое время их продвижение. Но теперь, подсчитав потери, греки вновь двинулись вниз. Их конница, уже несколько раз вразумленная отрядом молодого и отчаянного скифа, понесла большой урон, потеряв едва ли не треть своего состава, и пока не атаковала сама, держась рядом с пехотинцами.

– Молодец, Салгир! – похвалил Ларин молодого командира, который вернулся со своими людьми обратно вниз. – Оставайся здесь, на правом фланге. Спрячь своих людей вон в том глубоком овраге за холмом. Будешь находиться там и опять начнешь биться, только когда я велю. Пришло время и нам поразмяться, а, Токсар?!

Ларин едва не хлопнул стоявшего рядом бородача по плечу. Но в последний момент сдержался. У скифов это было не принято. Не русские пока все же. Отвернувшись от греков, которые медленно приближались, блестя в утреннем солнце доспехами, Ларин взобрался на коня и осмотрел собственное войско.

Почти полторы тысячи пехотинцев, считая снятых с кораблей морпехов, собрались здесь по команде адмирала. Выстроившись в колонну, они перегородили от края до края небольшое ущелье, через которое шла дорога в сторону побережья Истра, так хорошо известная дарданам и македонцам. Да и солдаты Аргоса, оставившие за спиной земли всей

Греции, тоже с пути не сбились. Выглядели они воинственно, и в движении каждого пехотинца, составлявшего фалангу, чувствовалась уверенность.

«Побеждать пришли, – усмехнулся Леха, вновь окидывая взглядом свои войска, – доказывать, кто тут главный. Думают задавить меня числом. Видно, кто-то шепнул им из добрых людей, сколько сейчас в крепости сил. Ну ничего. Не торопитесь, кто из нас выйдет победителем, это еще бабушка надвое сказала».

Оставшихся морпехов Леха определил к обороне побережья, верфи и пирсов на случай прорыва греков. Морпехам предстояло удерживать против гоплитов частокол, которым был обнесен весь берег почти до самой крепости. А если греки прорвут и этот рубеж, отойти на своих кораблях от берега и «поддержать огнем» баллист гарнизон.

– Дальше будет видно, – задолго до битвы объяснял Леха диспозицию Токсару, которому предстояло биться пешим и вернуться на корабли при первом же признаке отступления, – главное, чтобы гоплиты не успели добраться до моего флота. В общем, держись рядом и помощника себе найди. На всякий случай...

Одну сотню своих людей под командой Уркуна, вновь ставшую всадниками, Ларин также выстроил в ущелье, позади пехотинцев, вместе тремя сотнями Салгира они составляли небольшой резерв. Отсюда можно было увидеть и крепость и даже сам Истр с кораблями. Расстояние было невелико. Раненый Инисмей, который уже рвался в бой, – ему стало легче, – был оставлен командовать второй сотней в крепости. По мере сил он должен был надзирать за ходом работ по изготовлению «ракет» и установке катапульты Архимеда. Но сотник был еще очень слаб, поэтому Леха отдал такой приказ больше из сочувствия к воину, который едва мог встать с постели, поручив всю основную работу коменданту. Сам Ларин тоже прихрамывал на ногу, но считал себя уже здоровым для того, чтобы держать меч и вести людей в бой. Сидеть в седле нога уже не мешала.

Впрочем, биться долго против превосходящих сил отборных пехотинцев Аргоса он и не собирался. Главной целью адмирала было задержать их здесь на некоторое время, а потом заманить под баллисты крепости и кораблей. В этой схватке на суше Ларин больше рассчитывал не на удачу своих бойцов, которых у него было не много, а скорее на точность «артиллеристов».

«Только бы Каранадис не облажался, – размышлял Леха, поглядывая из-под шлема на приближавшихся гоплитов, которые тоже не стали пускать вперед конницу, – если хоть одна ракета у него получится, то это будет большой сюрприз для греков».

Покидая еще с вечера крепость, Леха уже видел «пусковую установку», связанную из четырех «стволов» – коротких деревянных труб, сделанных из выдолбленного и «отполированного» внутри дерева. Ее поставили, как и было приказано, рядом с главными воротами. Стволы смотрели вниз, так что если даже «ракеты» и не улетят далеко, но, упав на головы штурмующим крепость грекам, хотя бы взорвутся в нужное время, то адмирал будет доволен.

А уж залп из катапульты Архимеда, которую заканчивали собирать скифы из его сотни, должен был вообще не оставить от них мокрого места. Гирун, глядя, как у него на виду вырастает огромная машина, до самого конца не верил, что она сможет перебросить хоть один валун через стену. Но Ларин и не стремился произвести на него впечатление заранее. Изделие Архимеда должно было выступать само за себя.

– Приготовиться, – приказал Леха, видя, как близко уже подошли передовые отряды легких пехотинцев с дротиками и сами гоплиты, готовые к смертельной схватке. – Твое слово, Токсар!

Сам же отъехал сквозь образовавшуюся в строю брешь назад, присоединившись к своим всадникам. Салгиру было приказано в бой не ввязываться до тех пор, пока гоплиты не начнут теснить скифов или вдруг не ударит по ним греческая конница.

Не успел он добраться до конца своих глубокоэшелонированных порядков, как позади раздались дикие крики – гоплиты Аргоса после обстрела дротиками бросились в атаку. Скифы, встретив приближавшегося противника стрелами, схватились за мечи. Зазвенело

оружие, слышались первые стоны раненых.

Развернув коня, Ларин успел увидеть, как лавина греческих щитов столкнулась со скифскими, почти сразу же продавив строй более привычных к конному бою кочевников, ставших пехотинцами только по воле царя.

Леха заметил, как Токсар что-то кричал стоявшим рядом морпехам, яростно работая мечом. Вот упал один из его воинов, за ним другой, молниеносно сраженный греческим гоплитом. Греки плечом к плечу наступали, выдавливая противника из ущелья. Увидев, что может оказаться отрезанным от своих, Токсар отступил на несколько шагов, нанеся мощный удар в голову бросившемуся на него греку. Лезвие меча угодило по шлему, и гоплит упал. Когда его накрыла лавина наступающих тел, Токсар вновь уже стоял рядом со своими бойцами, отбивая удары щитом. Скифы дрались отчаянно, и все же их порядки таяли на глазах. Тяжеловооруженные греческие воины с «гидрой» на щите продвигались вперед все быстрее.

– Если так пойдет дальше, – не выдержал Ларин, – то отступление начнется гораздо раньше, чем я задумал.

За полчаса сражения аргивцы смяли шесть первых шеренг, глубоко вклинившись в порядки защитников. Фронт скифов сильно прогнулся, но оборона еще имела запас прочности, поэтому Ларин, на манер монгольских ханов устроивший себе наблюдательный пункт позади и чуть в стороне от главного сражения, пока не вводил в бой резервы.

– Морпехи стоят хорошо, – сообщил он Уркуну, гарцевавшему рядом на отдохнувшем за время долгого плавания скакуне и сейчас просто рвавшемуся в бой, – подождем еще немного. И Салгиру скажите, чтобы стоял на месте. Еще не время.

Последние слова относились к посыльному, которого прислал юный военачальник, тоже рвавшийся ударить во фланг гоплитам. «Греки еще не начали ощущать победу, – думал Ларин, наблюдая за сражением, – они бьются еще не в полную силу. Осторожно. Вот когда их предводители решат, что сломали нас, что осталось чуть-чуть, тогда и надо отступить под самые стены, чтобы они преследовали нас без оглядки. Желая раздавить нас одним ударом и покончить с битвой. В предвкушении победы они хоть на время, но потеряют бдительность. И тогда мои баллисты „объяснят“ им, где раки зимуют».

Пока все шло, как и планировал скифский стратег, то и дело поглядывавший в сторону крепостных стен. Греческая фаланга продолжала наступление, стараясь задавить пеших скифов превосходящими силами. Ее командиры, несколько офицеров с красными плюмажами на шлемах, видели, что скифов не много. Несколько часов такого боя и все, не останется никого, кто смог бы их остановить на пути к побережью. После жестоких конных схваток, стоивших им немалых потерь, сейчас наступление развивалось для греков даже слишком хорошо.

Но, видимо, так казалось только Ларину, видевшему, как погибают его солдаты, смело сражаясь с превосходящими силами противника, но не самим грекам. Аргивцы вновь почуяли уверенность в своей силе, едва завидев такие близкие берега Истра, решили ускорить ход событий. И ввели в бой конницу.

Удар катафрактариев был жесток и страшен. Левый фланг, принявший на себя этот удар, был наполовину выкошен буквально за двадцать минут. Солнце сверкало на клинках греческих всадников, с остервенением рубивших пехоту. Скифы-лучники, выстроившиеся за спинами меченосцев, встретили их тучами стрел, поразив, однако, не многих. Доспехи у греков были первоклассные. И нужно было скифское копье, чтобы пробить их.

– А вот теперь пора, – крикнул Ларин своему адъютанту, глядя, как греческие всадники топчут копытами его пехоту. – Передай Токсару приказ немедленно отступать. А Салгиру атаковать конницу греков и задержать их наступление до тех пор, пока мы не приблизимся к нашей крепости!

Посыльные унеслись быстрее ветра, но и Токсар и Салгир не зря были опытными воинами. Приказ адмирала еще не успел достичь их, а скифская пехота с боем стала пятиться назад значительно быстрее, чем раньше. Со стороны могло показаться, что сейчас она

обратится в беспорядочное бегство, побросав на поле боя свое оружие. Но этого не происходило. Даже с того фланга, где они были атакованы конницей, скифы выровняли фронт и теперь пятились назад, отбиваясь от наседавших гоплитов и катафрактариев.

К грохоту всеобщей свалки вскоре добавился боевой клич скифской конницы. Салгир, с оставшимися тремя сотнями всадников, выскочил из оврага. Проскользнув вдоль скал, он ударил во фланг не помышлявшим ни о чем подобном греческим всадникам, уже предвкушавшим скорую победу. Удар был силен, греки даже почти прекратили теснить пехоту противника, переключившись на всадников. В узком пространстве ущелья стало тесно от бешеного ржания коней, криков и стонов сражавшихся людей. Копья скифов, чешуйчатые доспехи которых ни в чем не уступали греческим, опрокинули несколько десятков катафрактариев, оттеснив их в сторону своей же пехоты.

Ларин видел, как Салгир буквально насадил на свое копьё предводителя греков. Но, пробив кирасу, копьё сломалось. Тогда он, отбросив обломки, выхватил меч и сшибся с другим катафрактарием. Это была невообразимая свалка, где победа вновь оказалась у скифов. Но Ларин видел и другое: ручеек скифских всадников вскоре мог раствориться в море греческих плащей. Конницы у греков все же было больше, хотя здесь ей было особенно негде развернуться. «Этого „заряда“ хватит минут на пятнадцать, – поймал себя на мысли Леха, – а потом начнется неминуемое отступление. Если не бегство».

– За мной, Уркун! – крикнул адмирал, вздыбливая коня, и, обогнув тылы своей отступавшей пехоты, нанес удар в том месте, где греческая пехота смыкалась с конницей. Пробив тонкую линию катафрактариев, он врезался встрой гоплитов и стал топтать их копытами, как раньше поступали греческие всадники с его пехотинцами.

– Что, не нравится?! – кричал в упоении боя адмирал, повалив конем очередного гоплита, а другому отвешивая хороший удар мечом по шлему. Свое копьё он сломал первым же ударом о доспехи катафрактария, отправив того на встречу с богами.

– А ну-ка отведаете этот удар. – Леха рубанул мечом еще одного подвернувшегося воина, но грек отразил его удар, вовремя прикрывшись щитом. Тогда Ларин вздыбил коня, и тот ударом копыт заставил грека отлететь на пару метров. Остановила этот полет только стена из тел его товарищей по оружию, наступавшая следом.

Оглядевшийся в поисках новой жертвы, Ларин вдруг заметил в нескольких метрах от себя Токсара, который только что разделался с очередным греком.

– А ты что здесь делаешь?! – завопил адмирал. – А ну быстро отступать! Оставь греков нам.

Устремившись дальше, он увлек за собой всадников и совершенно отрезал греческую пехоту от скифской, приняв на себя удар разъяренных гоплитов, у которых украли победу.

Сколько времени Ларин сражался так бок о бок с Уркуном, он не заметил. Вокруг него бушевала смерть – сшибались мечи, копья, свистели стрелы, люди сыпались с коней один за другим. Греки наседали, и адмирал вскоре стал понимать, что в этом затянувшемся сражении греки изрубили уже почти половину его и без того малочисленной конницы. Обернувшись наконец, он заметил, что битва переместилась значительно ближе к берегу. Остатки его пехоты уже отошли к самому частоколу, прикрывавшему главные ворота крепости, и солдаты, один за другим, пропадали в них. Другая часть во главе с Токсаром приближалась к укреплениям на берегу, за которыми виднелось несколько баллист, заранее переташенных туда с кораблей.

Конные греки же, пробившись через узкое ущелье, теперь растекались лавой, которая должна была вот-вот охватить с флангов и растерзать остатки скифского войска.

– Ну все, – выдохнул Ларин, отбивая измочаленным щитом удар меча пролетевшего мимо всадника, – пора и нам отступать.

Но не успев еще отдать приказ сражавшимся вокруг него бойцам, которых оставалось не больше половины из четырех сотен, с которыми он начинал битву, Леха увидел, как погиб Салгир. Ловким ударом, ссадив с седла катафрактария, он с ходу рубанул по голове второго, налетев на бешеной скорости, но сам пропустил удар копья возникшего из-за спины

всадника. Острие греческого оружия пронзило бок молодого скифа, выбив его из седла. Обливаясь кровью, Салгир упал на траву.

Вскинув меч, Ларин в ярости хотел наказать обидчика, но в это время началась новая атака греческой конницы, почти довершившей окружение. Услышав их победные вопли почти за своей спиной, Ларин приказал немедленно отступать. И уцелевшие всадники, его и Салгира, устремились за ним к воротам крепости, которые все еще были открыты.

Леха смог перевести дух только тогда, когда ворота за ним со скрипом захлопнулись.

– Все вернулись? – прохрипел он, осаживая коня перед гигантской катапультой Архимеда и осматриваясь по сторонам в поисках Уркуна. Но, еще не дождавшись ответа, понял, что все, кто остался после этой мясорубки, – человек двести, не больше, – собрались на этой площади.

– Жив? – уточнил он у сотника, когда тот подъехал к нему в окровавленных доспехах и без щита. Но кровь, похоже, была кровью убитых греков.

Уркун хмуро кивнул.

– Пересчитай, сколько осталось всадников, – приказал Ларин, – пусть отдыхают, а я на стены.

И, забыв про раненую ногу, лихо спрыгнул вниз. Стопу и лодыжку пронзила такая сильная боль, что он едва не упал. Но, выругавшись по-русски, Леха схватился за стремя, устояв. Когда боль прошла, он осторожно двинулся к лестнице, что вела на стены. Не успел он преодолеть десяти метров в этом направлении, как перед ним возник комендант.

– Все готово, – отрапортовал тот, указав на устремленную в небо конструкцию Архимеда, вокруг которой суежилась дюжина пеших скифов.

– Отлично, – остановился Ларин, чтобы бегло осмотреть оружие.

Отсвечивая на солнце своими лощеными балками, массивная катапульта внушала уважение одним своим видом. Ларин с удовольствием вспомнил, как из такой же они громили флот Марцелла в Сиракузах.

– Сколько у нас камней для нее? – уточнил адмирал, переступая с ноги на ногу.

– Штук пятнадцать, – сказал, обернувшись в сторону груды валунов Гирун.

– Заряжай, – махнул рукой Леха и ступил на лестницу.

Когда он оказался наверху и, устало выдохнув, преодолел последнюю ступеньку, – все же схватка отняла у него немало сил, – перед ним открылась поверхность холма, сплошь усеянного греческими гоплитами. Их останавливал от немедленного штурма только второй частокол, ограждавший главные ворота метрах в пятидесяти. Впрочем, никаких осадных приспособлений у них с собой не было. Греки либо не знали про крепость перед началом атаки, что было маловероятно, либо рассчитывали ворваться в нее на плечах отступающего противника. Но не вышло. И сейчас они остановились у подножия холма, разбившись на отряды и решая, что предпринять.

Ларин поднялся на стену как раз в тот момент, когда конница противника достигла другого частокола, окаймлявшего береговые сооружения. Но и там ворота между небольшими башенками захлопнулись. А едва всадники приблизились на расстояние выстрела, в них полетели камни, выпущенные из баллист.

«Артиллеристы» били почти в упор. Катафрактарии явно не рассчитывали на такой прием. И Ларин с удовольствием увидел, как камни, врезаясь в плотную массу всадников, опрокидывали их по двое и трое, часто вместе с конями. Потеряв множество людей на ровном месте, греки были вынуждены отступить к своей пехоте, что было только на руку Ларину.

– Давай! – махнул он рукой своим «баллистариям».

И принимая эстафету, заработали орудия на башнях. Их дальноточность уже позволяла накрыть ближние отряды пехотинцев, так неосторожно приблизившиеся к крепости в пылу атаки. Что и произошло. На этой стене и башнях в сторону греков смотрели восемь баллист. Они немедленно дали залп, потом другой. Камни посыпались на голову «победителей» словно град, превращая их в кровавое месиво. И здесь греки, получив отпор, были

вынуждены отойти на приличное расстояние, чтобы избежать обстрела. Отодвинув свои порядки за соседний холм, воины Аргоса сочли себя в безопасности. Но Ларин-то знал, на что способны орудия Архимеда.

Перегнувшись через ограждения, он махнул рукой коменданту, находившемуся у орудия, и крикнул:

– Пора!

Тот передал команду скифу, командовавшему расчетом. И через мгновение со страшным скрипом гигантское орудие распрямилось, с видимой легкостью вышвырнув глыбу высоко в небо на глазах изумленного Гируна. Преодолев стену, валун унесся в сторону греческих отрядов и приземлился прямо посередине одного из них, а затем, отскочив в сторону, пропахал еще и широкую борозду через шеренги гоплитов, сшибая их словно кегли. Стан противника огласился жуткими воплями. А в том месте, куда приземлилась глыба, со стены вообще было не различить ни одного тела. Сплошная масса из костей и крови.

– Еще раз заряжать? – уточнил Гирун, не видевший результатов стрельбы.

– Обожди, – приказал Ларин.

Он был уверен, что греки получили хороший урок, который им надо еще усвоить. И прямо сейчас штурм не будет. Так оно и случилось. После выстрела катапульты Архимеда гоплиты в спешном порядке отступили к самому краю долины, заняв пустой лагерь, в котором раньше размещались люди Салгира.

– Надолго запомнит Аргос этот день, – удовлетворенно проговорил Ларин.

И похвалив всех «артиллеристов», отправился отдыхать, пока позволяло время. За побережье, от которого он был отделен греками, адмирал не сильно беспокоился. Там его отлично заменял Токсар.

Кроме немедленного отступления греков, он был уверен и в другом – такого унижения Аргос не перенесет. Из четырех тысяч пехотинцев на первый взгляд в живых осталось не больше двух с половиной, а конница уменьшилась почти втрое. Но и этой силы может хватить, чтобы захватить крепость, перекрывавшую дорогу в глубинные владения Иллера. Ведь скифы тоже понесли потери. Так что Аргос обязательно попытается взять реванш. И не позднее чем сегодня ночью. Когда баллисты не смогут бить так точно.

Ларин не ошибся. Его разбудили, едва стемнело.

– Греки пошли на штурм, – сообщил посыльный от Гируна, который командовал обороной, находясь на стенах.

Адмирал встал с лежанки, на которой спал прямо в доспехах, не пожелав их снять после битвы. Умылся, накинул через плечо ножны меча и вышел на воздух. Отдыхал он в своем штабе посреди города, который отстоял не так далеко от городских стен, чтобы не слышать воплей сражения.

– Началось, – проговорил Ларин, втянув носом запах гари и заметив огненный след от горшка, прочертивший по небу и разливший свое адское зелье по крыше соседнего амбара, – они к нам тоже не с пустыми руками пришли.

И, не обращая внимания на занимавшийся пожар, в сопровождении Уркуна и десятка бойцов из своей личной сотни, направился напрямик к надвратной башне. Рядом с ней уже был установлен первый «ракетный комплекс» в истории.

– Ну как, готова твоя система? – озадачил Леха странными словами алхимика и, увидев его замешательство, добавил: – Горшки готовы, что я приказал сделать?

Тот кивнул и как-то странно покосился в сторону четырех деревянных труб, смотревших в сторону противника. Из задней части каждой свисал едва различимый в темноте шнур.

– Готовы, – выдавил он из себя наконец, – только ведь я ничего не испытывал еще... времени мало было.

– Ничего, – отмахнулся Ларин, – не боги горшки обжигают. Вот сейчас и проведем испытания.

Он приблизился к конструкции, чтобы рассмотреть ее получше, но в этот момент очередной греческий снаряд, просвистев над головой, разбился рядом с катапультиой Архимеда, обдав ее балки жидким огнем.

– А ну потушить немедленно! – рявкнул Ларин на возникшего из темноты Гируна, – хоть одна веревка сгорит, я тебя самого на углях изжарю!

Коменданта как ветром сдуло. А Ларин, проследив за ним, увидел, как вокруг гигантской катапульти запрыгали люди, поливая ее водой из чанов, быстро потушив огонь.

Успокоившись насчет орудия главного калибра, Ларин осмотрел прилегавшие к стенам холмы. Для того чтобы хоть как-то видеть врагов, которые уже лезли на стены в нескольких местах, приставив штурмовые лестницы, его собственные «артиллеристы» тоже забросали подступы к крепости зажигательными горшками. И в отсветах кое-где горевших огней по эту сторону частокола были видны греки, появившиеся из темноты и сразу бежавшие к лестницам. Со стен, кроме работавших без перебоя баллист, в них стреляли лучники, летели камни, и лилась из котлов смола. На глазах Ларина греческому гоплиту, который сумел уже доползти по лестнице под таким обстрелом почти до самой кромки стены, боец вылил прямо на голову чан со смолой. С диким криком, отбросив меч и щит, аргивец рухнул вниз, сломав себе шею.

Другому гоплиту лучник всадил стрелу с десяти метров в шею, а когда тот исчез с лестницы, следующему вогнал ее прямо в глаз. После чего послышался дружный возглас, и на лестницу четверьмя воинами было сброшено увесистое бревно, переломившее ее пополам.

– Эх, сюда бы все механизмы Архимеда, – невольно вырвалось у Ларина, вспомнившего огромные краны, бросавшие на штурмовые лестницы римлян длинные бревна, – не пришлось бы так корячиться.

В целом оборона шла нормально, скифов в крепости было достаточно, чтобы держать стены как минимум несколько дней, если только удача не обернется к ним спиной. Посмотрев в сторону берега, Леха заметил и там горящие огни, а также гоплитов, которые появлялись над частоколом и слетали с него обратно. Драка там шла нешуточная, да стены были пониже, но Ларин надеялся, что Токсар выстоит. На крайний случай инструкции у него тоже были.

– Ну давай, – обернулся Леха к своему гению, позабыв про далекого Архимеда, – работай. Вон уже сколько греков под стенами. Как раз самое время помочь баллистам. Только подожди, пока я подальше отойду. Как поднимусь на башню, можешь начинать.

Каранадис кивнул, но Ларин заметил, как дрожали руки алхимика, когда он взялся высекать искру.

Приказав отойти всем солдатам и командирам от места пуска метров на тридцать, Ларин невольно оголил стену. И, оказавшись уже на соседней башне, с которой две баллисты посылали во врагов проверенные зажигательные снаряды, он заметил, как греки немедленно устремились туда с новой лестницей, почуяв, что на этом участке обстрел почти прекратился.

– А ну долбани вон туда! – приказал Ларин расчету ближней баллисты. – И вы тоже, придержите мне этих отчаянных гоплитов.

Последнее относилось к группе из восьми лучников, также находившихся в башне. Пока «артиллеристы» разворачивали свое орудие, лучники уже обстреляли нападавших, сразив несколько человек из тех, кто нес на себе лестницу. Рухнув на землю под тяжестью придавившей их лестницы, остальные все же вскоре смогли подняться и приставить ее к стене в двух метрах от «ракетной установки» и ничего не замечавшего Каранадиса, который еле успел поджечь один фитиль. Он был так увлечен своим занятием, что не обращал внимания на свистевшие над головой стрелы и ядра.

Зато Ларин не мог успокоиться, видя, как греки ползут к установке, словно неуязвимые. Баллисты тут уже были бесполезны, а лучники как назло не могли поразить гоплитов стрелами. Когда Леха видел, как алхимик поджигает третий фитиль, самый ближний гоплит был уже у кромки стены. Грека отделяло от «секретного оружия» и его

изобретателя не больше трех метров. Не в силах смотреть на это, адмирал сам спрыгнул на стену и, выхватив меч, понесся на помощь Каранадису так быстро, что охранники не смогли его сразу догнать.

Преодолев положенное расстояние, Ларин проскочил за спиной у алхимика и с размаху рубанул показавшийся над стеной шлем греческого пехотинца, а когда тот, удержавшись отразил второй удар, выбил у него из руки меч и пнул ногой в грудь так сильно, что грек с воплем улетел вниз, рухнув на головы своим собратям. Второго убил подоспевший лучник, не дав добраться даже до верха стены.

– Что случилось? – удивился Каранадис, поворачиваясь на шум, словно до этого рядом ничего не происходило.

– Все нормально, – успокоил его адмирал и крикнул лучнику: – А ну помоги!

Они вдвоем схватили лестницу и, вместе с болтавшимися на ней греками, оттолкнули от стены. Только сейчас Ларин смог обернуться и заметить, что горели все четыре фитиля, но первый огонек уже приближался к самому горшку. Оставалась буквально пара сантиметров.

– А ну бегом отсюда! – рявкнул адмирал выросшим перед ним охранникам. – И ты тоже!

Видя, что Каранадис хотел что-то переспросить, Ларин схватил его за тунику и потащил за собой в башню. Едва они успели в нее забраться, как позади раздался какой-то скрежет. Первый «реактивный снаряд», с трудом преодолев пару метров, выпал из трубы и рухнул на головы грекам. Где-то далеко внизу под стеной мощно полыхнуло.

– Ты смотри, – с восхищением, непонятым перепуганному оружейнику, проговорил Леа, – не взорвался сразу. Даже с места сдвинулся. Молодец!

А когда мгновением позже второй снаряд выплонуло из трубы и забросило метров на десять в самую гущу гоплитов, где он взорвался так, что разметало в клочья не один десяток аргивцев, Ларин был просто в восторге. Греки в ужасе отпрянули от стены, даже прекратив штурмовать. К зажигательным горшкам они привыкли, но их никто еще не забрасывал горшками, которые могли разрываться людей на части.

– Да ты просто гений, брат! – не удержался адмирал и хлопнул по плечу вжавшегося в стену грека.

Правда с остальными снарядами вышла промашка. Третий взорвался прямо в стволе, а за ним, понятное дело, и четвертый. Грохот был такой, что слегка оглохшему Ларину показалось, будто башня качается. А вспышка осветила всю крепость и греков на ближних холмах, для которых это стало окончательной демонстрацией воли богов, велевших им прекратить штурм. В этой суматохе они даже не обратили внимания, что «боги» разрушили часть стены по соседству с воротами.

– Ничего, ничего, – успокоил Ларин Каранадису, который уже решил, что дни его сочтены, – главное, технология верная. Надо только немного доработать и все. А стену отстроим.

Он приподнялся над ограждением башни, скользнув взглядом по изумленным лицам «артиллеристов», которые даже перестали стрелять. Сквозь дым было видно пожарище внизу под стеной и десятки убитых гоплитов. Остальные солдаты Аргоса растворились во мраке.

Наутро, пришедшее очень быстро, – бой шел почти до рассвета, которого Ларин даже не заметил, – выяснилось, что Аргос все же нанес кое-какой урон скифам. Гоплиты за ночь сожгли все пристани и верфи, полностью захватив побережье. Но корабли им не достались.

– Молодец, Токсар, – проговорил Ларин, разглядывая качавшиеся на почтительном расстоянии от берега триеры, – все правильно сделал.

Но самая большая радость ждала его, когда солнце позолотило вершины холмов. В его лучах бравый адмирал заметил стройные ряды затянутой в чешую конницы, что вошла в долину со стороны гор и уже охватила кольцом лагерь воинов Аргоса. Это был не отряд разведчиков. Это было настоящее войско, тысячи и тысячи воинов, которые все продолжали

прибывать. Быстро уничтожив оставшихся солдат Аргоса в короткой схватке у лагеря и очистив от них побережье, скифская конница приближалась к самой крепости, над которой тоже кое-где поднимались дымы от недавних пожаров.

– А вот и братец пожаловал, – выдохнул Ларин, разглядев статного предводителя перед многотысячным войском, не спеша ехавшего на коне к городским воротам, – дождались.

Глава девятнадцатая

Осада Тарракона

За прошедшие с момента начала штурма несколько часов Федор не раз возблагодарил Баал-Хаммона за то, что так своевременно сумел добраться до своих позиций. Задержись он хоть на пять минут в расположении римлян, и его безумная вылазка могла закончиться крайне плохо. Но боги опять спасли его. А легионеры Сципиона, которые буквально на плечах карфагенян едва не взобрались наверх, сейчас штурмовали бастион и все прилегавшие к нему стены.

Поначалу Чайка с некоторым самодовольством думал, что этот приступ ярости вызван тем, что римляне не смогли поймать лазутчиков и теперь пытались загладить свою вину, а также выполнить приказ того знатного командира, которого ранил в стычке Чайка. Этот римлянин явно был не простым центурионом. «Наверное, какой-нибудь представитель нобилитета, как мой старый друг Памплоний, – размышлял Федор, за спинами лучников пробираясь вдоль частокола, над которым то и дело возникала голова в римском шлеме, но только для того, чтобы рухнуть назад вместе с телом, – сейчас, небось, рвет и мечет, отправляя в бой своих солдатиков. Обидно ведь, что прямо к тебе в лагерь пролезли какие-то карфагеняне, вот так запросто. Несмотря на охрану».

Но постепенно, глядя, как бой принимает затяжной характер, Федор пришел к выводу, что ненависть римского командира к его персоне сейчас не самый главный фактор. Легионеры Сципиона с такой яростью обрушились на укрепления почти по всему фронту, что было невозможно поверить, что только он один всему виной. Нет. Это был явно подготовленный и заранее спланированный штурм, о котором Федор просто не знал. И если бы не везение, то он мог бы стать для бравого командира хилиархии последним.

«Еще не вечер, – успокаивал себя Чайка, вновь поднимаясь на главный бастион, где сражались артиллеристы вместе с пехотинцами Урбала. – Штурм, похоже, только начался. И как ловко начался, как раз, когда Гасдрубал покинул город с половиной войск. Самое время. Видно, не зря советник ошивался в штабе Офира столько времени».

Ох как ему хотелось немедленно сесть на коня и ускакать в Тарракон, в штаб, чтобы вместе с Офиром арестовать советника-предателя. Уж Федор бы нашел доводы, чтобы заставить Офира это сделать. Но штурм был такой мощный, что командир хилиархии и думать забыл о том, чтобы оставить вверенный ему участок фронта. Сначала надо было остановить натиск легионеров Сципиона, а советник никуда не денется, если конечно, он вообще вернулся в Тарракон, а не бежал через римскую территорию. Но Федор был почему-то уверен, что помощник сенатора Ганнона, даже несмотря на встречу с ним, все равно вернулся в Тарракон и попытается убедить всех, что Федор ошибся.

Сжимая в ладони очередную «сову», попавшую в его руки, Чайка даже был рад, что обнаружил ее при таких обстоятельствах. Это означало, что человека сенатора Магона, которого нашли убитым в Лилибее, могли просто завербовать или купить люди Ганнона. Тот же Асто, который много плавал по делам своего хозяина. И надо было его во что бы то ни стало уличить во лжи и предательстве. Теперь, после возвращения из рейда по тылам, Федору это хотелось сделать особенно сильно.

«Даже если Офир не поможет, надо сообщить обо всем этом Гасдрубалу, – решил Федор, приближаясь к баллисте, которая только что вышвырнула огромный камень в сторону римских солдат, кишмя кишевших между двумя оборонительными линиями, – а пока займемся легионерами Сципиона».

– Ну как вы тут, держитесь? – поинтересовался Чайка, приближаясь к Урбалу, который находился на левой окраине бастиона, откуда руководил своими солдатами, отбивавшимися от римлян. Те лезли словно муравьи по многочисленным лестницам, приставленным со всех сторон.

Римские баллисты ослабили свою бомбардировку с тех пор, как солдаты Сципиона стали карабкаться на стены. Лишь изредка они посылали ядра через стену, чтобы разрушить прилежавшие коммуникации. Зато артиллерия Карфагена работала сейчас на полную мощность, посылая заряды в сторону многочисленных и хорошо подсвеченных «мишеней». Урон римляне несли огромный, но, несмотря на упорство, так и не могли пока взобраться на стену и тем более – захватить ее.

– Держимся, – ответил Урбал, пригибаясь от свиста пролетевшего над головой ядра, которое угодило в пристроенный к бастиону амбар, развалив его со страшным грохотом, – в таких укреплениях можно долго стоять, а людей у меня хватает.

– Тогда помоги восьмой спейре, – приказал Чайка, махнув рукой вправо, где соседи обороняли стену, – там римляне лезут еще сильнее, перебили уже половину защитников. Могут прорваться.

При этом Федор задел ногой край баллисты и поморщился, вновь разбередив рану.

– Покажи ногу лекарю, – посоветовал Урбал, обратив внимание друга на едва запекшуюся кровь на его ногах и руках.

В пылу сражения Федор даже позабыл про свои кровоточащие раны. Впрочем, у его друга таких тоже было немало.

– Некогда, – отмахнулся Чайка, – ты о себе лучше позаботься. А вообще, вот отобьемся, и тогда...

В это время со стороны восьмой спейры послышался римский боевой клич и легионеры, зацепив крюками за частокол сразу три новые лестницы, посыпались с них вниз, развивая успех. За несколько минут они очистили большой участок стены от карфагенян и даже отбросили их метров на двадцать в глубь обороняемой территории. Драка шла уже внизу, между бараками и повозками.

– Дай мне человек двадцать и Летиса! – приказал Федор Урбалу. – Сам держись здесь.

Вскоре небольшой отряд, выстроившись на бегу в колонну, покинул бастион и обрушился на римлян. Федор направил главный удар на тех легионеров, которые развивали успех уже под стенами.

Продвигаясь впереди своего отряда, Чайка схлестнулся с легионером, который только что на его глазах убил двоих карфагенян. Это был здоровяк не ниже Летиса, панцирь на нем аж трещал. Он размахивал скутумом так, словно тот вообще ничего не весил. А его меч сверкал в отсветах пожарища – римская артиллерия все же смогла поджечь несколько амбаров позади укреплений, – словно это был многорукий бог. И при всей своей удали боец был простым легионером, а не центурионом.

Налетев на него, Федор сначала даже подумал, не оставить ли его для Летиса, но тот уже волею судьбы в драку между телег сразу с двумя римлянами, и Чайке пришлось самому поддерживать честь командира. Первые три удара Федора легионер отбил с легкостью, ворочая щитом, словно былинный богатырь. Но четвертым Федор отрубил угол щита, а пятым едва не расколол его надвое – по щиту пошла трещина. От неожиданности легионер остановился, а потом отбросил измочаленный щит в сторону, решив понадеяться на свою силу. Этого Чайке хватило. Увернувшись от мощного удара, которым римлянин почти перерубил борт телеги, Федор ушел в сторону и нанес хлесткий удар по руке, сразу же отрубив кисть. Не давая врагу опомниться, он рубанул еще раз по плечу, угодил по шее и бросился дальше. Когда окровавленное тело легионера упало на камни, он уже взбирался на стену по лестнице.

– Сбросить их вниз! – прокричал Федор, одним из первых оказавшись на освобожденном пятачке. – Чтобы ни одного здесь не осталось!

Расправившись внизу с прорвавшимися римлянами, карфагеняне из спейры Урбала и

те, что остались от восьмой, последовали за Федором, яростно атаковав римлян и тесня их по всей стене.

Едва поднявшись наверх, Федор своими руками оттолкнул лестницу, на которой находилось сразу трое римлян, пытавшихся проникнуть внутрь укреплений. А потом, едва увернувшись от меча налетевшего легионера, ранил его в бедро и пинком ноги отправил в полет со стены.

– Давай, ребята! – орал в упоении схватки командир двадцатой хилиархии. – Всех туда!

Вскоре прорыв римлян был отбит. Но едва Федор присел на камень, чтобы отдышаться, как новый боевой клич легионеров раздался дальше по фронту, в расположении второй спейры. Этот отряд защищал стену почти в полукилометре от углового бастиона, гораздо ближе к городу. Федор привстал, хотя в этом не было особой необходимости, – сам бастион и прилегавшие к нему укрепления и так находились на самой высокой точке обороны. Отсюда он отчетливо видел большую часть уходивших вниз к городу укреплений. Сейчас, даже со своего места, он видел, что там бушевал настоящий пожар. Горели не только прилегавшие постройки, но и сама стена. А там, где огня не было, легионеры, словно саранча, сыпались за линию обороны карфагенян. Этот прорыв был сильнее того, который они только что остановили.

– Этак они и в тыл ко мне выйти могут, – забеспокоился Федор, – а посмотрев на загибающуюся стену, которую римляне продолжали штурмовать почти непрерывно, добавил: – Или того хуже, окружить.

Подозвав командиров четырех ближайших спейр, он приказал, стараясь не смотреть на их хмурые лица:

– Выделить мне по двадцать человек из каждой спейры.

Затем снял охрану с арсенала и нескольких складов и с отрядом примерно в сто двадцать человек устремился к месту прорыва. По дороге, еще свободной от римлян, Чайка также снял с «боевого дежурства» половину солдат четвертой и пятой спейр.

– Вот они, – прошептал Федор, когда впереди показались языки пламени и порядки карфагенян, выстроенные на холмах для отражения римлян, которым уже принадлежала вся стена, – мы прибыли вовремя.

Осмотрев в предрассветной мгле римские войска, в исступлении сражавшиеся у стен и с большим трудом пытавшиеся держать строй среди многочисленных бараков, Федор увидел также, что и дальше, у самых стен Тарракона легионеры Сципиона осуществили еще один прорыв первой линии обороны. Этот бой шел почти у ворот.

– Плохо дело, – прикинул Федор, приказав атаковать фланг появившейся на дороге манипулы, – надо быстрее вышвырнуть их отсюда, пока не стало еще хуже.

Но не успел он вступить в бой, как послышались крики в самом глубоком тылу двадцатой хилиархии – у бастиона. Обернувшись, Чайка заметил на фоне бледно-розового неба фигуры легионеров, взобравшихся на стену левее этого сооружения. Оборона трещала по всем швам.

– Черт побери, – сплюнул Федор, надвигая поглубже шлем. – Сколько же людей этот Сципион бросил сегодня против нас? Видно, для него приближается судный день, раз он так хочет захватить Тарракон именно сейчас. Однако придется отступать, иначе потерю вообще всех.

Последнее соображение пришло к нему, когда он увидел отступление африканцев из других хилиархий на соседних участках, почти у самого города. А когда сквозь грохот сражения к нему каким-то чудом прибыл гонец от Офира с приказом немедленно отступить, Чайка уже был готов к такому повороту. Римляне явно побеждали. Он тут же отослал своих гонцов во все спейры, и вскоре к нему стали стекаться солдаты со всех участков стены, которые он до сих пор оборонял. И отовсюду на отступающих карфагенян наседали римляне, почуявшие вкус победы.

Впрочем, пока Федор ждал своих людей и пытался выкинуть римлян за стену малыми силами, – в чем не очень преуспел, поскольку к легионерам постоянно прибывало

подкрепление, – он все-таки оказался в окружении. Несколько манипул уже стояли на дороге между ним и воротами Тарракона.

– Братья! – воззвал к доблести своих солдат Чайка, вскинув фалькату и прохаживаясь с ней перед строем пехотинцев, построенных по спейрам в огромное каре. – Вы храбро дрались, но я получил приказ отступить в Тарракон. Теперь мы должны оставить эту стену и вернуться в город. Нам мешают сделать это всего лишь несколько римских манипул. Так порвем же их в клочья!

Ответом ему были яростные крики и бряцание оружием. Солдаты подняли большой шум, стуча мечами по щитам, и Федору на секунду показалось, что он командует племенем кельтов.

Чайка дал сигнал, и с дикими криками карфагеняне ударили вниз по склону, врубившись в ряды легионеров, которые теперь были повсюду, спереди, слева у стены и даже сзади. Почти не было римлян лишь со стороны внутренних холмов, за которыми виднелся лагерь.

«Хорошо еще, что у них нет конницы», – подумал Федор, с радостью глядя, как развивается его стремительное наступление. Впереди римлян было почти вдвое меньше, чем солдат у него за спиной, поэтому бойцы передовых спейр довольно легко пробili этот живой щит, пытавшийся не допустить возвращения финикийцев из двадцатой хилиархии в Тарракон. Мощным ударом в центре римляне были разделены на две части и почти разгромлены.

– Вперед, солдаты! – орал Федор, увидев свободное пространство за спинами нескольких оставшихся перед ними шеренг легионеров. – Еще удар и мы в городе!

Совершив столь простой маневр и добившись успеха, Чайка вдруг вспомнил, что ему невольно пришлось повторить тактику консулов. Ведь римляне почти никогда не пользовались обходными маневрами и для достижения своих целей всегда избирали мощный удар в центре.

– Учил вас Ганнибал, учил, – приговаривал Федор, нанося удар за ударом по щиту, шлему и туловищу легионера, – а вы так ничему и не научились.

Но сейчас, несмотря на тактическую победу, положение было не самым выигрышным. Проще говоря, это было самое настоящее отступление перед силами превосходящего противника с целью сохранить хотя бы остатки своих солдат. Терзавшие каре карфагенян легионеры постоянно получали подкрепление от тех римлян, что присоединялись к ним, едва успев спуститься со стены. А финикийцы вынуждены были постоянно передвигаться вдоль нее по единственной дороге к воротам.

Последним движением Федор рубанул римлянина по лицу, и тот, выронив оружие, с диким воплем скрылся где-то внизу. Африканцы продолжали продвигаться и уже почти вырвались на простор, когда им во фланг ударила еще одна манипула. А две другие атаковали арьергард, состоявший из спейры Урбала и остатков восьмой.

Движение вновь затормозилось, а вскоре и вообще забуксовало, когда двадцатая хилиархия добралась до места другого прорыва вблизи ворот. Здесь римляне уже владели стеной и даже успели развернуть в обратную сторону несколько карфагенских баллист.

– Вперед! – орал Федор, приходя в еще большую ярость, когда на его колонну начали сыпаться ядра, превращая людей в кровавую кашу. Бросившись на оказавшегося перед ним легионера, он с такой силой рубанул его по шее, что едва не снес тому голову одним ударом.

Вдохновленные примером командира солдаты устроили натиск и опрокинули одну за другой три шеренги красных щитов, вновь приблизившись к свободному пространству, что виднелось уже перед самыми воротами.

Но дело решила неожиданно подоспевшая помощь. Сначала Федор увидел летящие в небе дротики, которые обрушились на тыл римской пехоты, обошедшей его уже и со стороны лагеря. А затем увидел и самих чернокожих всадников, прискакавших к нему на выручку из лагеря. Легковооруженные нумидийцы стремительной лавиной обрушились на римлян, смешав их тылы и заставив половину солдат обернуться вспять. Нумидийцы

накатывались и откатывались на них, словно волны прибоя, до тех пор пока римляне не ослабили натиск, вынужденные перейти от наступления к обороне. Несколько отрядов прорвались к захваченной стене и осыпали дротиками разрозненные римские части, пытавшиеся закрепиться на подступах.

Но окончательный удар нанес отряд тяжелой кавалерии, показавшийся из ворот Тарракона. Сотня испанских всадников обрушилась на атаковавших Федора римлян и смяла их последние шеренги, отделявшие отряд от свободного пространства.

Оказавшись на свободе, хилиархия быстро преодолела оставшееся расстояние до ворот, миновала ров с водой по опущенному мосту и вошла в город. Сдерживать натиск ошеломленных контратакой, но не уничтоженных римлян, которые быстро приходили в себя, Чайка предоставил кавалерии. Впрочем, когда последние спейры вошли в город, вслед за ними в открытые ворота влетели испанские всадники, так вовремя пришедшие на помощь. Нумидийцы же, видимо, возвратились в лагерь.

Федор еще не успел пересчитать потери и рассмотреть командира испанцев, чтобы поблагодарить, как рядом с ним уже возник, словно из-под земли, Балезор.

– Офир требует тебя немедленно в штаб! – сообщил он. – А твоих солдат приказано немедленно выставить на стены, римляне уже пошли на приступ у гавани, преодолев наш ров.

– Как это кстати, – недобро ухмыльнулся Федор, сплевывая хрустевший на зубах песок и поглядывая в розовое от первых лучей солнца небо. – Урбал, принимай командование.

Добираясь в сопровождении Балезора и десятка пехотинцев, которых он прихватил на всякий случай, до штаба, располагавшегося в нижней части города, почти у самой гавани, Федор не раз слышал дикие крики, раздававшиеся с близлежащих стен. Несколько раз над его головой пролетали ядра.

– Как им удалось преодолеть ров, – спрашивал удивленный Федор, невольно пригибая голову при каждом попадании ядра в стену и стараясь не отставать от Балезора, – ведь он же довольно широкий? Его не засыпать за одну ночь.

– За ночь они перетащили с берега моря по земле целых четыре монеры¹⁴ и спустили их во время суматохи в ров, – пояснил Балезор, сворачивая за угол, где им повстречался отряд всадников, проскакавших в сторону ворот, – сразу после начала штурма на твоём фланге. Так у них появились два отличных моста, по которым они смогли подтянуть лестницы и начать штурм здесь. Один, правда, мы уже сожгли.

– А почему вы не сожгли его сразу, – уточнил Федор, – пока корабли еще тащили к берегу?

– Поздно заметили, – отмахнулся Балезор, направляясь к воротам сквозь охрану, узнавшую его. – Офир считал, что ров почти невозможно преодолеть. Да никто не мог и представить, что Сципион придумает такое. Сначала наши баллисты не могли их достать, а когда корабли уже были на воде, под стенами, баллисты стали давать перелет.

– Однако этот Сципион не даст нам покоя, – подумал Федор, невольно вспоминая всевозможные конструкции Архимеда, дававшие возможность атаковать врага и на дальнем и на ближнем расстоянии, – сюда бы хоть часть моего осадного обоза из Сиракуз. Хоть одну гигантскую катапульту Архимеда. Вот тогда бы Сципион у меня узнал, что такое артиллерия.

– О чем это ты? – не понял Балезор, никогда не видевший работу орудий Архимеда в действии. – У нас отличные баллисты.

– Да так, – отмахнулся Чайка, – не бери в голову. Мы римлян отобьем в любом случае.

В штабе царила привычная для Федора, не раз бывавшего в таких местах, суматоха. Появлялись с новыми сведениями о положении дел и уносились быстрее ветра, получив

---

¹⁴ Либурна-монера – гребное судно, похожее по конструкции на бирему, только меньших размеров. Использовалось для разведки, дозора и посыльной службы, преимущественно на мелководье.

новый приказ, гонцы.

Когда Федор и Балезор поднялись на второй этаж и, войдя в зал, приблизились к столу, на котором была разложена карта городских укреплений, Офир поднял свое скуластое лицо.

– Сколько людей осталось в твоей хилиархии? – спросил он, не тратя время на любезности.

Но Федор не обиделся, Офир свое дело знал и зря людей на смерть не посылал. В этом Чайка уже убедился. Ведь это по его приказу испанская конница помогла отступавшей хилиархии пробиться из окружения.

– Меньше семи сотен, – ответил Чайка, вспомнив невеселые подсчеты убитых сразу после возвращения.

– Все они должны быть на стенах, – приказал Офир.

– Они уже там, – ответил Федор. – Балезор передал мне приказ.

– Теперь ты отвечаешь за всю восточную стену и ворота, – добавил Офир.

Федор не до конца понял смысл сказанного – с одной неполной хилиархией никак нельзя было удержать половину города – и на всякий случай уточнил, проведя рукой по своей оцарапанной щеке:

– Это не та стена, что сейчас штурмуют римляне?

– Она самая. Ее держит твой помощник Карталон. Так что ты можешь отправляться немедленно. Когда отобьешь штурм, явишься с докладом.

Услышав это, Федор немного повеселел, но, поискав глазами советника Асто и не найдя его в обширном зале, все же не смог удержаться от вопроса:

– А где сейчас помощник сенатора Ганнона?

Офир, уже забывший о существовании Чайки, вновь был вынужден оторваться от карты. На его лице читалось неподдельное удивление.

– Почему ты спрашиваешь о нем? – произнес командир африканцев, пристально рассматривая Федора поверх голов офицеров. Чайка был в запыленном и окровавленном доспехе, разительно отличавшемся от еще не испачканных кирас других командиров, не успевших пока побывать в бою.

– У нас остался один незаконченный разговор, – туманно ответил Федор, не решаясь в присутствии других выложить Офиру всю правду, хотя очень хотелось, – и я надеялся увидеть его здесь.

– Боюсь, ты не скоро закончишь это дело, – неожиданно усмехнулся начальник африканцев, – сегодня ночью корабль советника, несмотря на мои уговоры, попытался прорваться сквозь римское окружение. И, хвала богам, этот дерзкий прорыв ему удался. Так что он сейчас уже на пути в Новый Карфаген, да сохранит его Баал-Хаммон!

– Прорвался под покровом темноты сквозь строй римлян? – повторил сильно разочарованный Федор, качая головой так, словно ничего другого и не мог услышать. – Этого следовало ожидать.

И не обращая внимания на округлившиеся от еще большего удивления глаза Офира, покинул штаб. «Птичка ускользнула, – горько усмехнулся Федор, спускаясь по каменным ступенькам лестницы со шлемом в руках, – ну что же, придется дожидаться Гасдрубала и предупредить его обо всем. Надеюсь, он не оставит это дело без последствий».

Глава двадцатая

Дочь Гасдрубала

Стены Нового Карфагена были гораздо мощнее, чем стены Тарракона. Они были почти такие же мощные, как оборонительные сооружения самой столицы пунов, и все же с метрополией не могла сравниться ни одна крепость из тех, что видел Чайка.

Достаточно долго взирая со стены на колыхавшееся внизу море, чтобы убедиться в отсутствии римского флота, взявшего моду в последнее время появляться в непосредственной близости от города, Федор перевел взгляд с чистого горизонта на корабли,

запрудившие гавань.

Здесь стоял настоящий флот, – только крупных кораблей Чайка насчитал больше пятидесяти квинкером, – и это не принимая во внимание того, что половина эскадры Гетрамнеста погибла в бою с римлянами, а еще три десятка судов ушли на помощь осажденному Тарракону.

Предстояла новая мощная операция против римлян, но руководить ею должен был уже новый командующий. Сенат неожиданно прислал замену Гасдрубалу, перед тем как вызывать его в Африку.

Впрочем, Федор немного сомневался в том, что смена командующих произошла так уж неожиданно, да и выбор нового главнокомандующего Испанской армией его слегка удивил. Им стал еще один брат Ганнибала Магон, тот самый, с которым Федор участвовал в свое время в «великом посольстве». Ездил просить подкреплений, да так и не получил.

Некоторое время назад вместе с Гасдрубалом Чайка прибыл в Новый Карфаген, где узнал о том, что сенатор Астор, благополучно доплывший сюда из Тарракона, сразу же отправился в столицу. Буквально на следующее утро советник отплыл в Карфаген и добрался туда тоже благополучно, о чем сообщил позже новый советник, прибывший в Испанию с небольшим флотом и новым командующим.

– Удивительное везение, – хмыкнул Федор, едва услышал об этом от Балезора, который прибыл сюда по штабным делам вместе с ним, – как ловко он миновал все римские корабли. Словно сам плыл на невидимом или флотоводцы Сципиона вдруг все разом ослепли.

– Боги хранили его, – ответил на это Балезор, не обративший на слова Чайки особенного внимания.

– Ну да, – кивнул тот, – конечно, боги.

«Я знаю, что он встречался с римлянами, – подумал тогда Чайка, – а он знает, что я его видел и вряд ли оставлю в покое. Может быть, он думает, что мне никто не поверит. Он все же помощник влиятельнейшего сенатора, а я лишь солдат. Но на его месте я бы свидетелей не оставлял. К чему ненужные разговоры? Так что, брат Федор, смотри в оба. И здесь, и в Африке. Мало ли что может с тобой случиться».

Осада Тарракона между тем не была закончена. Но когда Федор принял предложение Гасдрубала отправиться на некоторое время в Африку, где вспыхнул какой-то мятеж на подотчетных ливийских территориях, Чайка согласился, испросив разрешения взять с собой хотя бы собственную двадцатую хилиархию. Гасдрубал разрешил взять даже все прибывшие с ним силы, поскольку на замену им уже подошли новые хилиархии Аравада, прибывшие с Гетрамнестом. Впрочем, выбора у Чайки особенного не было. Ганнибал предписывал ему быть всецело в распоряжении своего брата до тех пор, пока в нем будет нужда. А кроме того, Федора до сих пор мучил вопрос, кто же плетет интриги, в которых он против воли оказался замешан. Довольно жирный след, потянувшийся за помощником сенатора Ганнона, вел прямоком в метрополию. Гасдрубал направлялся в Ливию, что было совсем рядом. И Чайка, если выпадет случай, намеревался использовать это совпадение.

Первым делом, когда Гасдрубал вновь явился с войском из Илерды на помощь осажденному городу и отшвырнул римлян от стен, вернув карфагенян на передовые рубежи, Чайка напросился к нему на прием, где неожиданно застал и второго брата.

– Рад видеть тебя, Федор, – приветствовал его по-дружески Магон, облаченный в кирасу из темного металла. Он сидел в кресле напротив окна и выглядел немного утомленным.

– И я рад видеть вас целым и невредимым, – ответил Чайка с поклоном, – осмелюсь спросить, затянулась ли ваша рана?

– Еще болит, особенно когда дует ветер с моря, – признался Магон, осторожно проводя рукой по своему боку.

Слова Федора явно заставили его вспомнить о прошлых неприятных событиях, что было видно по его лицу, сделавшемуся на миг суровым. Федор сразу пожалел о своих неуклюжих выражениях заботы, но его волновал еще один вопрос.

– Нашли ли убийцу, – Чайка снова поперхнулся, – бандита, напавшего на вас?

– Нет, – просто ответил Магон, – хотя эти толстозадые сенаторы и сотрясали воздух угрозами, так никого и не нашли. И подкреплений не дали ни мне, ни моему брату. Впрочем, это ты и сам знаешь. Ты ведь был все время рядом с Ганнибалом, пока я вынужден был ждать возможности вырваться из Карфагена хотя бы в Испанию, если не к войскам Ганнибала. – Магон подался чуть вперед и, посмотрев на Федора заговорщическим взглядом, добавил: – Но я-то знаю убийцу. Я нашел его и того, кто его послал. И уверяю тебя, друг Чайка, лучше бы он сделал свое дело чисто. Поскольку теперь возмездие настигнет неотвратно. Его самого и его хозяина, пребывающих в спокойном заблуждении о своей судьбе. Все муки жертвенного костра покажутся им просто наслаждением по сравнению с тем, что я с ними сделаю. Осталось ждать недолго.

– Что же, я рад, что вы нашли его, – ответил Федор, отвешивая еще один поклон. – Да поможет вам Баал-Хаммон в вашем отмщении.

– Нет, прав был Ганнибал, – усмехнувшись, заявил вдруг другой брат, когда-то давно, еще до похода на Рим, бывший свидетелем похожего разговора. – Этот Федор Чайка выражается скорее как хитроумный сенатор, чем как военный. И, помани мое слово, он еще покажет себя.

Чайка слегка вздрогнул от такой похвалы, прозвучавшей из уст потомственного военного скорее как издевательство.

– И тем не менее я тебя слушаю, – сказал Гасдрубал, присаживаясь на другое кресло, – ты хотел сообщить мне нечто важное. Выпей вина, промочи горло и начинай. У нас мало времени. Я жду начала нового штурма.

Жестом он разрешил Федору тоже сесть, хоть тот и был в запыленных доспехах.

Чайка сел, выпил вина из бокала, стоявшего перед ним на столе, и рассказал братьям о своем ночном рейде в тыл к римлянам. О том, что, ворвавшись в караульное помещение, видел там сенатора Асто, как тот сбежал, как он схватился с каким-то римским военачальником, ранив того в руку, и про монету, что нашел на груди его мертвого слуги.

– Когда у меня появилась возможность, я прибыл в штаб, чтобы убедить Офира арестовать предателя, – заявил Федор, – но он уже отплыл в Новый Карфаген, каким-то чудом миновав все римские кордоны.

– Хм, – заметил Магон, – это действительно странно. Такое не удавалось даже соединению наших кораблей. А когда я только отправлялся в Испанию, то видел, как он уже прибыл в Карфаген, хотя ничего не слышал о том, что сенат отозвал своего советника, который должен был все время находиться возле тебя. Такая смена обычно происходит громко. Может, он действительно бежал?

– Так это ты тот боец, что ранил в руку самого Сципиона? – громко рассмеялся Гасдрубал, не обратив, как ни странно, на информацию о советнике никакого внимания. – Вот это да, брат знал, кого прислать мне в помощь. Что же ты его не убил? Мог бы обессмертить свое имя.

– Он и так теперь будет известен всем высокопоставленным римлянам, – вставил слово Магон, – я слышал, у тебя были счеты с самим Марцеллом.

Чайка пропустил слова насчет Марцелла мимо ушей, чтобы не всплыло имя Юлии. Хорошо еще никто не спрашивал его, почему он убил Памплония.

– Я не знаю его в лицо, – поскромничал Федор, припоминая богатые доспехи римлянина, с которым ему пришлось схватиться в узком пространстве, – разве это был сам Сципион?

– Он самый, – кивнул Гасдрубал, – верные люди в стане римлян мне уже доложили об этой стычке, но я никак не мог подумать, что это ты.

Он встал и в молчании прошелся по небольшому залу, обставленному достаточно просто, без лишней помпы. Магон и Федор также молча смотрели, как он измеряет пространство своими шагами.

– А что касается сенатора, – проговорил он, наконец обернувшись к Чайке, – я проверю

твою информацию. Никто не может обманывать меня и предавать Карфаген, даже советник сенатора Ганнона. Если ты прав, он понесет наказание в любом случае, пусть даже сенаторы запретят мне это делать.

Гасдрубал помолчал, стараясь подобрать нужные слова.

– Но, прежде чем мы отправимся в Ливию, хочу дать совет, – проговорил он, словно прочитав мысли Федора, которого просто раздирало любопытство, – даже если ты в чем-то прав, не стоит тебе лезть в это дело слишком глубоко, Чайка. Эти игры опасны. Целее будешь. Просто воюй честно, как ты умеешь, а политикой предоставь заниматься нам. Однако я благодарен тебе за то, что ты так хорошо служишь нашему дому.

На том разговор и закончился. А на следующий день небольшое войско Гасдрубала, пополненное за счет трех потрепанных хилиархий Чайки, покинуло Тарракон, направившись уже знакомой дорогой обратно в Новый Карфаген. Незадолго до этого Гасдрубал рассказал ему о смерти Атебана и гибели всей его хилиархии.

– После того как я отогнал римлян от Илерды, лазутчики сообщили мне, что небольшой флот поднялся по реке и зашел нам в тыл, захватив переправу через Ибер, – неожиданно проговорил Гасдрубал, когда они ехали рядом на конях, минуя последний до реки перевал, где Чайка видел в прошлый раз мертвые тела римлян и карфагенян, – я немедленно отправился туда сам, зная о том, что твои люди держат мост и от них давно нет вестей. Но было поздно. Когда я прибыл, переправа была полностью в руках солдат Сципиона, ожидавших подхода подкреплений. Но вместо свежих сил появился я и утопил их всех в водах Ибера, захватив десяток бирем. Однако Атебан и все его воины погибли.

– Не повезло, – сказал Федор, пожалев о столь быстрой смерти своего военачальника и потере людей, – так и не удалось ему здесь повоевать толком.

– Он умер как герой, – сказал на это Гасдрубал, – пленные римляне рассказали, что едва смогли взять мост, столь сильным было сопротивление. Атебан уничтожил больше половины римлян, что приплыли на кораблях, поэтому моя победа была легкой. Я приказал похоронить его с почестями как героя.

День выдался жарким. Когда войско достигло того самого моста, Федор заметил вдоль дороги множество трупов римских солдат, которые клевали птицы.

– Всех погибших карфагенян похоронили, – заметил Гасдрубал, когда мост остался позади, – а этих погибло так много, что еще не успели сжечь, вот и пируют стервятники. Жаль, ни одного из братьев Сципионов среди них нет.

При упоминании этого имени Федор даже расстроился. «Как же так, черт возьми, – терзал он себя, разглядывая желто-песчаные горы, поросшие сухим кустарником, – ведь он был у меня в руках. Впрочем, как и Марцелл, однажды. Везучие мне достались римляне. Ну да ничего, прекрасный Памплоний наконец встретил свою смерть. Придет и их час».

Он на мгновение задумался о том, как расскажет Юлии об этом. Но потом отогнал эту мысль от себя. В ближайшем будущем о возвращении можно было и не думать. Сначала предстояло путешествие в Африку с армией Гасдрубала, а уж потом можно было подумать и об Италии.

«Интересно, что там происходит? – размышлял Чайка, подумывая, не спросить ли об этом командующего, но тот казался погруженным в собственные мысли. – Не пошел ли уже Ганнибал на Рим?»

Однако интуиция подсказывала ему, что Ганнибал пока находится там же, где он его и оставил. А все самое главное происходит сейчас здесь, в Испании. Вернее, там, где находится Гасдрубал. Федор не мог себе объяснить этого, фактов не было, но догадки казались ему верными.

«Будущее покажет, – решил он наконец, – недолго осталось ждать. Скоро уже будем на месте».

Через несколько дней они прибыли в Новый Карфаген, где Чайка с удивлением увидел огромный флот и большую армию, усиленную осадным обозом и двадцатью слонами. В основном здесь были испанцы – иберы, кельты, лузитаны и множество других местных

народностей из подвластных Карфагену отдаленных провинций, названия которых Чайка еще не запомнил. Африканскими можно было назвать только его хилиархии. Солдат было так много, что кораблей могло и не хватить, но Гасдрубал успокоил его, сообщив, что скоро прибудет еще один флот из Гадеса, а высадка на побережье будет происходить в несколько этапов.

– Ждать всех не будем, – сказал главнокомандующий, беседуя с Федором в порту незадолго до отправления, – когда первые двадцать тысяч займут свое место на кораблях, отплываем. Остальные догонят нас в Африке.

Когда началась погрузка на корабли, Чайка, находясь под впечатлением от той военной мощи, с которой они собирались отплыть в Ливию, все же поинтересовался у своего нового начальника:

– А с кем мы будем воевать?

Федору казалось, что с такой армией вполне можно было идти в поход на Рим. Например, на помощь Ганнибалу.

– Мы должны подавить мятеж царя Масиниссы, – ответил Гасдрубал и, видя по лицу Чайки, что тот слышит это имя впервые, пояснил: – Это один из наших нумидийских вассалов, как и царь Сифакс. Оба поставляют Карфагену своих всадников.

Федор кивнул, нумидийцев, с которыми ему приходилось воевать, он знал прекрасно. Первоклассные наездники и разведчики. Теперь, похоже, из союзников они стали врагами. Не все, конечно. Как оказалось, и среди темнокожих вассалов Карфагена были разногласия. Впрочем, повод, из-за которого восстал Масинисса, его даже несколько позабавил.

– Почему он восстал, – все же решил узнать Федор, – разве ему мало платили?

– Нет, просто Масиниссе приглянулась моя дочь, – сообщил неожиданно Гасдрубал, – и Сифаксу тоже. Но сенату было важнее сохранить дружбу с Сифаксом, у которого больше земель и воинов, и они принудили меня отдать ее замуж за него, хотя я и обещал дочь Масиниссе.¹⁵

Федор помолчал, обдумывая услышанное, и, кажется, понял, из-за чего разгорелась война. Следующие слова Гасдрубала только убедили его в этом.

– Масинисса обиделся на меня, восстал и заключил мир с римлянами, едва узнал об этом, – пояснил Гасдрубал, глядя куда-то в морскую даль. – Сципион немедленно воспользовался этим, перебросив в Ливию часть своих легионов и военных советников, чтобы мятеж горел подольше. И вот теперь я вынужден уничтожить Масиниссу, хотя должен признать, что не осуждаю его. Я поступил бы так же.

«Вот оно что, вечная проблема, – осторожно, так чтобы не заметил собеседник, улыбнулся Чайка, – любовный треугольник, способный вызвать войну между союзниками. Серьезное дело. Только оно Гасдрубалу, похоже, не слишком по душе. Ведь получается, он не сдержал слова, пусть даже его и вынудили к этому сенаторы. Брак на таком уровне – дело тонкое».

Теперь было ясно, куда и зачем они плывут. А Федор даже, грешным делом, успел подумать, что Гасдрубал водит его за нос и вместо Ливии на самом деле собирается отплыть в Тарент. Хотя червячок сомнения все же терзал командира двадцатой хилиархии даже после откровений командующего, – зачем понадобилось присылать его сюда, если у Гасдрубала было достаточно сил, чтоб отбить римлян и справиться самому. «Неужели все дело в письме, которое нельзя было поручить другому, – озадачился Чайка, – и братья все же ведут какую-то игру, не посвящая меня в суть?»

Вскоре, однако, конкретные заботы заставили позабыть его все сомнения. Размышлять о хитросплетениях политики было некогда, и он решил последовать совету Гасдрубала.

---

¹⁵ Эта история имела место на самом деле, но несколько позже. Кроме того, некоторые источники считают, что свою дочь за Сифакса выдал другой военачальник по имени Гасдрубал – сын Гисгона, не Гамилькара. Надеемся, читатель не забыл, что держит в руках альтернативно-историческое произведение и благосклонно отнесется к тому, что в интересах повествования мы изменили некоторые события и сдвинули сроки.

Нужно было грузить солдат на корабли.

К своей радости, Федор среди стоявших в порту квинкерем отыскал «Агригент», корабль Бибракта. Получив у главнокомандующего разрешение вновь использовать его, он немедленно погрузил на «Агригент» часть своей хилиархии, а на остальные выделенные суда пристроил солдат Карталона и Адгерона. К счастью, никто из его офицеров больше не погиб на этой земле, и, отправляясь в Африку, Чайка мог опереться на знакомых людей.

Через пару дней все было готово. Флот Гасдрубала вышел в море. День был ясный, а ветер попутный. Корабли подняли паруса, направившись к берегам Ливии. Караван из множества судов, вытянувшись в две параллельные линии, шел быстро, и вскоре скалистый берег стал пропадать из вида.

– Прощай, Испания, – подумал Федор, глядя на исчезающий за горизонтом берег, – и здравствуй, Африка.

Впрочем, до Африки еще надо было доплыть. Римляне, несмотря на близость карфагенских владений, чувствовали себя здесь довольно вольготно. Их эскадры и большие соединения кораблей даже рисковали бороздить воды у самого африканского побережья, словно издеваясь над финикийскими моряками. Ведь Карфаген уже много веков считал эти воды чуть ли не своими внутренними, стараясь не пускать за Мелькартовы столбы купцов из других стран, особенно из Греции и Рима. Но настали другие времена. Рим возмужал и окреп, а после первой войны с пунами стал все чаще беспокоить их даже на своей сухопутной территории, не говоря уже о море.

«Ничего, – думал Чайка, разглядывая волны лазурного цвета, среди которых резвились дельфины, сопровождавшие их от самых берегов Испании, – еще несколько месяцев, от силы полгода и мы раздавим Рим, а затем добьем и всех остальных, окопавшихся вдали от берегов Тибра».

Он был удивлен, что братья Сципионы, еще не одержав победы в Испании и зная о положении в Риме, активно вмешивались во внутренние дела Карфагена, стараясь сеять раздор между его вассалами, используя для этого любую возможность. В этом случае размолвка между Гасдрубалом и Масиниссой из-за прекрасной дочери карфагенского вельможи пришлось как нельзя кстати. Если верить Гасдрубалу, так и не взяв Илерду и Тарракон, братья уже перебросили часть легионеров прямо в Ливию, в самое сердце владений пунов.

«Впрочем, их можно только похвалить, – все же отдал должное Федор римским политикам, – они далеко не дураки и смотрят вперед. Чем больше проблем у Карфагена на собственной земле, тем меньше его сенат будет уделять внимания просьбам Ганнибала или Гасдрубала о помощи. Скорее даже привлечет их обратно в метрополию, чтобы защитить себя. Ведь им кажется, что из Карфагена виднее, как вести войну за морями. Да так, в сущности, уже и происходит, во всяком случае с одним из братьев».

На следующий день с рассветом Федор услышал звуки труб и зычные окрики командиров гребцов. Выйдя на палубу, Чайка увидел соединение римских кораблей примерно из пятнадцати квинкерем и десятка триер, которое бесстрашно атаковало почти вдвое превосходивший их караван финикийцев.

В этом плавании «Агригент» не был флагманом и находился почти в самом конце колонны. Позади него шли еще два военных корабля, а за ними виднелись многочисленные транспортные суда, перевозившие слонов и коней. Поэтому Федор, не вступая в бой, имел возможность видеть все со своего места на корме. Рядом с ним находился капитан Бибракт, а также Летис и Урбал, которых он вызвал, чтобы поделиться последними новостями. Оба друга не общались с ним накоротке с того самого момента, как Чайка привел своих людей в Новый Карфаген.

Сражение началось атакой триер на головные суда каравана. Где-то среди них находилась квинкерема, на которой плыл Гасдрубал. Едва поняв направление главного удара, Чайка подумал, что римским капитанам это тоже отлично известно. Ведь они видели, что легче всего нанести большой урон, напав на замыкавшие колонну транспорты, оставив

армию без обозов. Но не сделали это.

«Значит, их цель – Гасдрубал, – почему-то быстро принял это на веру Федор, – посмотрим, как далеко они готовы зайти».

Триеры римлян бросались в атаку как голодные акулы и, несмотря на то что их встретили триеры карфагенян, смогли прорваться сквозь строй охранения и даже таранить две квинкеремы. К счастью, ни на одной из них Гасдрубала не было – его корабль был хорошо известен и виден Чайке. Квинкерема Гасдрубала шла на правом фланге строя, отделенная от римлян множеством кораблей. Но римляне, не обращая внимания на потери, ввели в бой все имевшиеся корабли. Закипело мощнейшее сражение. В воздух взлетели зажигательные снаряды, и ясное небо над караваном окрасилось черными дымами.

– Смотри, Бибракт, уже четыре корабля горят! – не выдержал Чайка. – Упорные римляне нам попались.

– Это верно, – кивнул капитан, – правда, их триеры уничтожены почти все. Ни одна не прорвалась к кораблю Гасдрубала. А квинкеремы увязли в абордажных боях.

– Мы их победим, – вставил слово Летис, – тут и думать нечего.

– Победим, конечно, – согласился Федор, переводя взгляд с лица друга обратно на море, где уже стало тесно от полыхавших кораблей, – на этот раз у нас больше сил. Но чего это будет стоить.

– Да, Масинисса может поблагодарить своих новых друзей, – заметил капитан.

– Ты знаешь, куда мы плывем? – удивился Федор.

– Конечно, – признался капитан, – хотя мне только и сказали, что мы плывем в Ливию, но во флоте все об этом говорят.

– О чем об этом? – уточнил Федор, пристально взглянув на капитана.

– Про царя нумидийцев, который влюбился в дочь нашего командующего, – нехотя вымолвил Бибракт, – и про то, что его обманули, отдав девушку Сифаксу. Теперь будет война. Иначе зачем нам столько солдат.

– Пожалуй, ты прав, – кивнул Федор, уязвленный тем, что узнал о настоящей подоплеке событий едва ли не позже всех. Все-таки иногда он по-прежнему ощущал себя здесь чужим, пришельцем из другого мира. Воюя в Италии, Федор мало интересовался новостями жизни в метрополии. Не до того было. А здесь, оказывается, кипели страсти ничуть не меньше, чем там. И наверняка все, включая капитана корабля, да Федор не удивился бы, узнав про матросов, были в курсе дела. Слухами, как известно, земля полнится.

– А ты видел дочь Гасдрубала? – спросил вдруг Федор, мысленно отдаляясь от политических проблем.

– Один раз, – ответил Бибракт, с удивлением посмотрев на своего командира, словно тот мог видеть ее чаще.

– И какая она? – не отставал Федор.

Бибракт помолчал, скрестив руки на груди, словно размышляя, что можно говорить Федору, а чего нет. Но, видимо, решил не темнить.

– Красавица. За такую можно жизнь отдать.

«Похоже, дело тут не в политике и не в деньгах, – подумал Федор, услышав это. – Масинисса был влюблен, а теперь еще и серьезно обижен. В общем, легкой победы нам не видать. Война будет не на жизнь, а на смерть, раз в деле замешана женщина».

Невольно Чайка вспомнил свою Юлию, оставшуюся в Таренте, и то, с каким наслаждением он убил Памплония, едва повстречав его. Просто изрубил на куски. А если бы выпал случай, то сделал бы это снова, не колеблясь. Чувства Масиниссы стали ему понятны. Оскобленная любовь жаждет мести. Только мести. И плевать, на что можно пойти ради этого.

Между тем сражение закончилось. Едва вырвавшись из окружения, несколько римских квинкерем уходили в открытое море, спасаясь от преследования карфагенян. Но это преследование вскоре прекратилось, и все суда вернулись в строй колонны, продолжившей путь к берегам Африки. Почти вся римская эскадра погибла, нанеся при этом значительный

ущерб финикийцам ценою жизни своих моряков.

Вообще у Федора создалось впечатление, что римляне дрались так отчаянно, словно перед ними стояла задача не просто пустить на дно как можно больше финикийских кораблей, но изо всех сил старались не пустить Гасдрубала в Африку. Чайка вспомнил советника Асто и вновь подумал о том, что явно упустил что-то во всей этой схеме с несчастной любовью, монетами, послами, предательством и римлянами. Предательство, конечно, было. Только вот кто и кого предал, Федор уже не понимал до конца. И хотя с поступком Сифакса было все ясно, не выстраивалось у него в голове логической цепи, слишком много в ней было общих мест и неизвестных. И хотя Гасдрубал прямо намекнул ему, что лучше не лезть в игры политиков, Федор уже не мог остановиться. Слишком уж глубоко влез, пусть и против воли. Теперь ему больше прежнего хотелось знать, кто же за всем этим стоит, даже невзирая на опасность для собственной жизни, которая теперь могла грозить ему не только на поле битвы.

Следующим утром наконец показались берега Африки, и флот пристал к побережью в удобной гавани неизвестного городка, оказавшегося владением царя Сифакса. Едва спустившись на жаркий берег Нумидии, Чайка узнал еще одну новость, добавившую ему пищи для размышлений.

– После того как мы выгрузим солдат и слонов, – сообщил Гасдрубал всем командирам, собрав их на первое совещание в лучшем каменном здании порта, небогатом на особняки, – мы немедленно выступаем в сторону Цирты. Там, в своей столице, к нам присоединится и сам царь Сифакс с пятью тысячами всадников. Он уже прислал своих послов с извинениями, что не смог встретить меня лично, – Масинисса, лагеря которого находятся на земле, захваченной у сенатора Ганнона, напал на одно из его пограничных владений. Там сейчас идут жестокие бои. Так что нам следует поторопиться. До Цирты нам идти не меньше четырех дней.

Узнав, что главный «очаг возгорания» произошел не где-нибудь, а именно в обширных ливийских угодьях сенатора Ганнона, Федор не очень удивился. Слишком уж много в последнее время было связано совпадений с этим именем. И напротив, никаких новых подозрений насчет своего благодетеля Магона у Чайки не возникло, что не могло его не радовать.

«Видимо, зря я грешил на него, – подумал Федор, рассеянно слушая, где и когда должны построиться хилиархии для похода, – старик наверняка друг Ганнибала, а тот его человек в Лилибее мог быть действительно предателем. У такой известной личности, как Магон, много людей, и не все могут быть благонадежными».

От этих размышлений Федор немного повеселел. Кроме того, не стоило забывать и про «политические программы» противоборствующих партий. Федор, конечно, не все знал о противоречиях внутри сената, но кое-что слышал в штабах и на совещаниях, и одно было очевидно. Магон выступал за активную колонизацию. Морской флот всегда пользовался его поддержкой, и Ганнибал с его заморскими походами тоже. Сенатор же Ганнон не хотел войны с Римом и ратовал за расширение сухопутных владений Карфагена на континенте. Тем более что Ганнон был очень богат, имел огромные земельные угодья вблизи столицы и даже в Ливии, о чем Чайка только что узнал.

«Что ему стоило подкинуть идею Масиниссе, использовав обиду на Гасдрубала, – прикидывал Федор, уже вернувшись на берег и глядя, как выгружаются с корабля по сходящим его солдаты. – Сговор вполне мог быть. Ведь его человек общался с римлянами. Этот Ганнон наверняка отправляет вести самому Марцеллу. Да и в решении судьбы дочери Гасдрубала тоже мог поучаствовать».

Глава двадцать первая

Томы и Одесс

Первый из своих городов, который они отбили у греков, вновь появившись в дельте

Истра, был Тернул, с которым Ларина связывало так много воспоминаний. Именно здесь он оставил свою триеру с бойцами и Гнуром, сгинувшим навсегда. Именно отсюда он уехал в гости к старейшине Иседону, которого теперь жаждал задушить собственными руками. Тем более что отсюда до берега моря оставалось уже недалеко, если по прямой.

Путь сюда оказался, однако, труден. Прежде чем добраться до Тернула, от которого было уже и рукой подать до большой воды, Ларину пришлось выиграть несколько морских и сухопутных сражений у греков. А по мере продвижения их сопротивление лишь возрастало. Так что, захватив после кровопролитных боев Тернул, Ларин решил дать своей новой армии небольшой отдых.

Впрочем, еще на подходе к дельте, дня за три, Леха не раз подумывал сделать пешую вылазку и добраться с десантниками до Одесса. Поскольку в этом месте полноводная река совершала поворот и долгое время текла вдоль побережья, на котором друг за другом располагались греческие фактории. Ближе всех Тома, а потом тот самый Одесс, где обосновался старейшина-предатель. Дальше, в сторону пролива, стояли Месембрия и Аполлония.

Но приказ Иллуря был ясен – прежде всего пробить выход к морю, освободив дельту реки от греческих кораблей. Осадами городов не заниматься. А греческие колонии были укреплены хорошо. С наскока не возьмешь. И Леха, хочешь не хочешь, вынужден был выполнять приказ, отложив сведение личных счетов на потом.

– Только бы эта сволочь не сбежала опять, – переживал Ларин, расхаживая по стене, с которой наблюдал за ремонтом поврежденных в последнем бою с греками кораблей, – только бы не спугнуть. А то ищи потом, как ветра в поле. Скользкий старик.

Как и раньше, у самых стен встала лагерем конная армия Аргима, которого кровный брат вновь выделил адмиралу в помощники для освобождения дельты Истра. На сей раз у Аргима было почти тридцать тысяч всадников, которые оказали большую помощь морякам и морпехам скифского адмирала.

С того момента, как они покинули крепость, отбившись от воинов Аргоса, и устремились вниз по течению, ни одна стоянка не проходила спокойно. Все время какой-нибудь отряд нарушал отдых скифских моряков, внезапно появляясь из глубины примыкавших к воде лесов и холмов. По берегу их постоянно сопровождали то явно, то тайно, но ни на миг не выпускали из вида. Не было случая, чтобы ночь прошла спокойно, и Ларин, отдавая приказание о ночлеге, уже заранее искал место, которое будет легче оборонять, даже не надеясь хорошо выспаться.

Поначалу это были местные племена, решившие отказать Иллuru в повиновении. А затем, когда они вошли в земли, смыкавшиеся с греческими полисами, появились и сами греки. Сухопутные отряды из Тома и Одесса действовали решительно, и если бы не конница Аргима, железными потоками растекавшаяся по прибрежным землям, то вряд ли эскадра скифского адмирала дошла бы до Тернула даже в том потрепанном виде, который она имела сейчас. Ведь на воде тоже было не все спокойно.

В одной из таких стычек греки из Одесса едва не захватили в плен мирно спавшего Каранадиса. Этот гений подрывного дела, как выяснилось, был довольно ленив во всех вопросах, кроме изготовления горшков с зажигательной смесью. Он не проснулся даже тогда, когда греки прорвались к самому побережью, и несколько гоплитов успели вскочить на палубу приткнувшейся к берегу триеры, прежде чем получили по стреле в грудь.

Двое из них подхватили спавшего на палубе Каранадиса под руки и поволокли в сторону ближайшего холма, решив, что он может быть ценным пленником. Но Ларин, увидев это, догнал их с небольшим отрядом пехотинцев и собственноручно зарубил обоих на глазах изумленного алхимика, который спросонья не мог понять, что происходит. А когда увидел окровавленные трупы и узнал доспехи родного Одесса, едва не упал в обморок от опасности, что только что миновала.

– Не бойсь, – успокоил его адмирал, вытирая о траву окровавленный клинок, – ты мне еще Иседона должен выдать. Так что умирать тебе, брат, рановато.

Небольшой флот Ларина, который он забрал с собой из крепости и пополнил в промежуточных портах, основанных скифами, выдержал три жестоких сражения с объединенным флотом Том и Одесса. Ларин уничтожил всех греков, противостоявших ему, но и сам потерял почти половину кораблей. Несколько триер сожгли «летучие отряды», нападавшие на его стоянки по дороге к Тернулу. Поэтому, как ни торопил его Иллур, увязший в сражениях с гетами в глубине степных территорий, очистить водный путь, адмирал решил дать морякам отдых, а кораблям ремонт.

До побережья было уже недалеко, но Ларин не торопился, рассылая разведчиков в греческие полисы. Вскоре подтвердилась информация пленников, захваченных еще в бою с первой триерой греков. Томы и Одесс еще имели в запасе корабли, которые немедленно ввели в дельту, готовясь к дальнейшим атакам скифов или, скорее, к собственному контрнаступлению. Со дня на день ожидалось появление в этом районе афинской эскадры. По суше, вдоль побережья, двигался корпус фиванцев, который не пошел через горы, чем только облегчил задачу Иллuru и македонскому царю, совместными усилиями рассеявшим высланные к ним навстречу армии Аргоса и Аркадии. Правда, и здесь все прошло не так уж гладко. Основное македонское войско, державшее перевалы, было уничтожено Аргосом, воины которого и повстречались с адмиралом. Филипп в спешном порядке теперь набирал новую армию по всем закоулкам своей немалой, по греческим меркам, державы. А охрана перевалов временно стала делом скифов. Именно там Иллур и задержался. Разбив аркадцев, он все же вышел к назначенному месту встречи с небольшим опозданием, где и обнял кровного брата.

– Завтра же я переправлю свою армию на другой берег реки и отправлюсь к столице, – заявил Иллур, не успев появиться на берегах Истра, – разведчики сообщили мне, что геты ждут моего появления и все чаще нападают на наши поселения. Я должен уничтожить весь этот род, иначе он не оставит меня в покое.

– А мне что делать? – уточнил Ларин, уже подозревавший, что надолго здесь не задержится.

– Ближние перевалы в наших руках, так что пока здесь будет спокойно, и ты тут не нужен, – разъяснил Иллур, попивая вино в своем походном шатре и поглядывая на сундук с римским золотом, который преподнес ему кровный брат, – ты, Ал-лэк-сей, отправишься дальше и очистишь мне водный путь до самого моря. По нему должны ходить только мои корабли.

– Очищу, конечно, – кивнул адмирал, – да только сил там у греков гораздо больше, чем у меня, даже если все, что мне рассказали пленники, поделить на два.

– Отправь гонца посуху в Тиру, пусть тебе еще кораблей пришлют, – отмахнулся Иллур, вытирая усы, – или Гиლისподис новые построит. Он ведь этим только и занят. Пока мы в походе были, должен был еще несколько кораблей на воду спустить. Можешь взять, но не все.

– Почему? – озадачился Ларин. – Что там охранять, в тылу, если здесь от греческих триер не продохнуть?

– Нельзя, – повторил Иллур, – что-то неладное творится с сарматами, надо выждать, пока не получу верных сведений.

– А что с сарматами не так? – насторожился Ларин, невольно вспомнив последний разговор с Исилеей перед расставанием. – Они же должны были гетов бить уже давно. Я думал, эта бой-баба Орития всех извела.

Иллур нахмурился.

– Мы с Оритией разделились в горах. Она первой прошла через освобожденные перевалы, но в назначенный час не явилась к месту сбора, – проговорил Иллур сквозь зубы, – а потом мне донесли, что сарматы по приказу Гатара ушли в Крым и что их царь тайно принял послов от римлян.

– Разве он дружил с римлянами? – не поверил своим ушам Леха. – Зачем тогда послал с нами войско против них?

– До сих пор не дружил, – осторожно заметил Иллур, – но сейчас все меняется, брат. И никто не знает, что будет завтра. А потому...

Он встал и прошелся по юрте.

– Часть кораблей останется в портах. Особенно в Крыму, который к Гатару ближе всех.

Услышав о таких вариантах развития событий, Леха даже слегка напрягся оттого, что его немедленно перебросят в Крым укреплять тылы в ожидании возможного нападения сарматов. Но это могло произойти не раньше, чем он разделается с греками тут. А здесь все только начиналось. Прибытие фиванцев и афинян создавало большой перевес сил не в пользу скифов в войне на суше. Конечно, конница Аргима – это сила, но греки все прибывали. Не ровен час, должны были появиться спартанцы и армии других полисов. Тогда положение на суше, во всяком случае по части пеших отрядов, будет далеко не в пользу подданных Великой Скифии.

А если в этот момент еще и сарматы вдруг предадут Иллур, нанесут удар в спину, как-то все будет невесело. Защитить от ударов со всех сторон огромную, но еще не окрепшую кочевую империю, которая обростала не только землями и пастбищами, но городами и флотом, будет не так уж просто. При всем этом Лехе не давало покоя еще одно соображение – как же теперь быть с Ганнибалом, которому скифы обещали мощный удар по легионам в Северной Италии? Наступление на Рим уже наверняка началось, а скифы и не думают приходить на помощь. Самим бы разгрести все, что приключилось.

«Где теперь я, – подумал невесело Ларин, – и где эта Северная Италия. Вернусь ли вообще туда или здесь придется сложить свою буйную голову, еще вопрос. Но одно знаю точно: пока всех греков здесь не повыведу, Иседона не убью, не вернусь. Так что извини, Федор, придется отложить нашу встречу. Никак не успеваю в срок».

Конечно, с Ганнибалом вышло не очень правильно, но Ларин отогнал от себя эти мысли. Не его это был вопрос по большому счету. А Иллур. И все же сомнения не отпускали адмирала, а совесть покусывала.

– Да и хрен с ним, – сказал он по-русски вслух, позабывшись, – разберемся. Где наша не пропадала.

На следующий день Иллур, оставив Аргима с тридцатитысячным корпусом, увел свою конницу в степи, переправившись на другой берег. Римское золото царь забрал с собой, отблагодарив Леху его частью. Вслед за этим и сам адмирал стал готовиться к отплытию, благо все корабли после нападения аргивцев были в порядке.

– Смотри тут, – наставлял Ларин коменданта крепости, – стены в порядок приведи да будь готов к новым нападениям. Иллур, конечно, оставил воинов на ближних перевалах, но от греков можно всего ожидать.

– Каранадиса с собой забираете? – не то спросил, не то пожаловался Гирун, теребя ножны меча и разглядывая обсыпавшуюся после взрыва «ракет» часть стены.

– Забираю, – подтвердил адмирал, проследив за направлением взгляда коменданта, – то, что мы с ним придумали, надо еще до ума довести, прежде чем снова в дело пускать. Так что и тебе спокойней будет.

Гирун, который вполне был доволен горшками с зажигательной смесью, только вздохнул.

– Запас ведь у тебя имеется, – добавил Леха, чтобы поддержать коменданта, расстроенного расставанием с лучшим взрывником.

– Имеется, – кивнул тот, – на две такие осады хватит.

– Ну вот, значит, порядок. Катапульту Архимеда погрузили? – уточнил он, увидев, как Токсар с морпехами занимается погрузкой на телеги обычных орудий.

– Еще вчера, – кивнул Гирун с восхищением, позабыв о своих неприятностях, едва заговорили об этом чудо-оружии, – знатная вещь. Одним ударом столько греков отправляет на встречу с богами. А то, может, оставили бы? Вещь тяжелая, чего ее с собой таскать.

– Нет, брат, – усмехнулся Ларин, – мне еще города брать. Пригодится.

Глава двадцать вторая

Новый рассвет

Жара стояла невообразимая. От нее не спасал даже ветер, приносивший вместо прохлады тучи пыли с холмов. Песок забивался в глаза, хрустел на зубах. Четырехдневный марш по землям Ливии выдался на редкость трудным даже для закаленных зноем солдат из африканских хилиархий Федора. Особенно начало похода, пока они еще не достигли гор, укрывшись от ветра. Впрочем, никто не жаловался. Тяготы и лишения пехотинцам Атарбала приходилось терпеть постоянно, на то она и служба.

Закрывая лицо плащом, Федор шел по узкой дороге впереди своих солдат, то и дело сплевывая песок и вспоминая спокойные деньки в Таранте, после взятия города, которые он провел вместе с любимой женщиной и ребенком.

– А как хорошо было стоять лагерем в Северной Италии, – словно в ответ на его мысли мечтательно заметил здоровяк на одном из привалов, уткнувшись спиной в камень, что находился в тени холма, – тогда, перед самым началом похода на Рим.

– Тебе понравилось бездельничать и подглядывать за купанием кельтских женщин? – усмехнулся Урбал, отдыхавший рядом. – Тем более что пришлось проторчать там без дела не один месяц.

– В самом деле, почему ты не рад, ты же почти на родине? – удивился Федор, присаживаясь рядом.

– Моя родина – Утика, – заявил сын владельца гончарной мастерской, протирая глаза тыльной стороной ладони, но лишь еще больше размазал грязь по лицу, – она стоит на берегу моря, и там не бывает таких песчаных бурь.

– Ничего, – успокоил его Федор, – вот разгоним мятежных нумидийцев этого влюбленного царька Масиниссы, и, может быть, нам дадут небольшой отдых. Тогда и съездишь к себе на родину.

– Это еще не скоро случится, – заявил Летис, прикрывая ладонью глаза от солнца, – этот Масинисса, говорят, хитер, как злые духи пустыни. Появляется из ниоткуда, нападает и вновь исчезает, только его и видели.

– А ты-то откуда это знаешь? – удивился Федор. – Ты раньше с ним не воевал?

– Я нет, – отмахнулся Летис, поглаживая ножны кинжала, который получил взамен утерянного после рейда в тыл к римлянам, – я воевать только в Испании начал, да и то морским пехотинцем. Ты же сам знаешь.

Он чуть привстал и нагнулся к сидевшему рядом Федору.

– Но другие бойцы рассказывали, из тех, кто бывал в дальних походах по Ливии. Они ходили усмирять восстание наемников, и этот Масинисса тогда воевал еще за нас. Ох и ловок, говорят.

– Как же ты его победить собрался, солдат хваленой армии Ганнибала, – упрекнул друга Федор, – если так превозносишь. Тебе поверить, так он вообще непобедим.

– Да это я так, – действительно устыдился Летис, – рассказываю, что парни говорили, узнав, на кого идем охотиться. А что до меня, так мне все равно с кем воевать, ты же знаешь. Я не боюсь ни римлян, ни кельтов, ни нумидийцев.

Последние слова Летис сказал громко, чтобы его не уличили в трусости, не обращая внимания на проходивший мимо отряд кельтов. В своих пестрых одеяниях и с неизменно размазанными лицами, эти воины двигались достаточно быстро, даже казались менее уставшими, чем сами ливийцы, словно были двужильными. Каждый из них нес за спиной огромный меч, сеявший смерть в бою, а некоторые кельты были вооружены боевыми топорами, не менее грозным оружием.

Глядя, как проходят эти пестро одетые племена из Испании, которых здесь было просто невообразимое количество, Федор поймал себя на странной мысли – почему Гасдрубал взял в этот поход с собой так много кельтов, ведь африканских пехотинцев, выросших в этих местах, под его началом тоже находилось немало. И тем не менее армия на восемьдесят

процентов была испанской.

«Может быть, он так решил поднять боевой дух, – рассудил Чайка. – Ганнибал ведь перед походом на Рим тоже перебрал ливийцев в Испанию, а испанцев сюда, чтобы те меньше думали о родине и больше о войне. Гасдрубал полководец не менее опытный, ему виднее».

Вскоре, буквально к концу первого дня пути, экспедиционный корпус вошел в горы, протянувшиеся вдоль всего побережья, насколько хватало глаз.

«Кажется, в моем времени эти горы назывались Атласскими», – невольно вспомнил Федор, шагая по каменистой дороге вверх.

За первый день никаких вооруженных столкновений не произошло. Солдаты были готовы к бою, но их также «охраняли» нумидийцы царя Сифакса, постоянно мелькавшие на холмах до тех самых пор, пока они не втянулись в горы.

– Как же мы их будем различать в бою? – насторожился Урбал, так же как и Федор наблюдавший за перемещениями чернокожих всадников. – Ведь нумидийцы Масиниссы наверняка выглядят как наши союзники.

– Думаю, ты прав, – кивнул Федор, провожая взглядом один из отрядов, быстро проскакавший по хребту холма и скрывшийся в овраге, – надеюсь, в ближайшие дни мы с ними не встретимся, а когда достигнем Цирты, Гасдрубал и Сифакс нам разъяснят, как их различать.

Слоны на этот раз шли впереди колонны. Предстоял бой с противником, передвигавшимся почти исключительно на конях, и слоны могли быть введены в сражение сразу же, едва оно начнется, чтобы рассеять всадников. Правда, никто не гарантировал, что Масинисса нападет именно на голову колонны. В глубине души Федор, осматривая окрестные скалы, желтые, поросшие чахлым кустарником, ожидал нападения в любую минуту, несмотря на уверения Гасдрубала о том, что в пути до самой Цирты им ничего не угрожает.

«Может, на меня рассказ Летиса так подействовал, – усмехнулся Федор, разглядывая очередной поворот, за которым дорога расходилась сразу на три колеи. Там на возвышении, чуть в стороне, стоял пост из кельтов, человек тридцать, рядом с которыми дремали от зноя на своих конях нумидийцы Сифакса. Чернокожих воинов было тоже человек тридцать. От этой группы то отъезжали несколько всадников, то вновь возвращались к ней. Поэтому Чайка не обратил особенного внимания на другой отряд нумидийцев, появившийся из-за поворота дороги и устремившийся к посту. Лишь когда пронесшиеся мимо всадники окатили всех, кто там находился, лавиной дротиков, Чайка понял, что это враги.

– Развернуться! – приказал он своим солдатам, приближавшимся к месту разыгравшейся битвы. – Поднять щиты! Это солдаты Масиниссы!

Пока африканцы перебрасывали щиты, что несли за спиной на ремне, в руку, Чайка видел, как сыпались со своих коней нумидийцы Сифакса, получив по дротику в грудь или спину. Весь дозор был перебит мгновенно. Даже кельты не успели толком среагировать – так молниеносно и дерзко была проведена атака. Человек десять кельтов уже валялись в пыли, пронзенные дротиками. Остальные безуспешно пытались отбиться от пронесившихся мимо и не пытавшихся вступить в контакт всадников.

Конница Масиниссы приближалась. Их было около двух сотен. Африканские пехотинцы уже изготовились к отражению атаки, прикрывшись щитами. Федор был почти уверен, что выдержит удар, все же перед ним была легкая конница, а ему приходилось сталкиваться и выходить победителем из боя с тяжеловооруженными всадниками. Чего стоила атака римских катафрактариев у моста через Ибер.

– Стоять на месте! – приказал он, когда чернокожие всадники оказались рядом. – Сомкнуть ряды!

Забарабанившие по щитам дротики смогли поразить лишь немногих. Выучка у африканцев была на высоте, но и нумидийцы не отличались глупостью. Им нужно было постараться использовать внезапность и нанести противнику максимальный ущерб, не

ввязываясь в длительное сражение. Что они и сделали. Налетев на передние ряды пехотинцев Чайки с правого фланга, они попытались с ходу проломить и разорвать их строй, потоптав конями. В ближнем бою они использовали свои короткие копья, пригодные больше для метания и не очень удобные для ближнего боя всадника с пехотинцем. Но тем не менее им удалось на время пробить строй пехотинцев и поразить человек пятнадцать своими копьями.

– Руби их! – крикнул Федор и, решив подать пример своим воинам, бросился навстречу ближнему всаднику.

Отбив щитом пущенный в него дротик, он сумел ссадить ловким ударом фалькаты нумидийского всадника со скакуна. Изогнутый клинок легко вошел в плоть и рассек нумидийцу бок. Тот вскрикнул, рухнув в дорожную пыль, и Чайка добил его вторым ударом, когда тот попытался встать.

Некоторое время нумидийцы вертелись на своих конях перед строем, уклоняясь от сверкавших на солнце фалькат пехотинцев, и с успехом продолжали бой. Но когда в дело вступили лучники, – последние шеренги седьмой спейры состояли из лучников, – их везение мгновенно прекратилось.

На глазах Федора то один, то другой всадник противника падал со своего коня, пронзенный карфагенской стрелой. Увидев это, командир нумидийского отряда – здоровенный чернокожий воин в белой тунике, заколовший уже нескольких пехотинцев, – вскинул руку вверх, издав боевой клич. Затем он развернул коня и первым поскакал прочь, увлекая за собой своих воинов обратно к развилке дорог, куда уже спешили кельтские воины, стремясь отрезать им путь к отступлению.

Но воинам Масиниссы удалось уйти с небольшими потерями. Они пронеслись как вихрь мимо кельтов с их устрашающего вида топорами и вскоре исчезли за одним из ближних перевалов. Лишь облако пыли осталось висеть над дорогой, да несколько десятков неоседланных коней теперь носились по ущелью, потеряв своих седоков.

– Не соврал Летис, – усмехнулся Федор, когда с ним рядом остановился командир седьмой спейры, – действительно быстрые ребята.

– И местность знают отлично, – подтвердил выводы друга Урбал, опуская вниз окровавленную фалькату, которой успел зарубить двух нумидийцев. Один из них оставил отметину на его кирасе, царапнув копьем плечо. – А ведь мы их ждали не раньше чем послезавтра.

– У Масиниссы, видимо, другие планы, – проговорил Федор, – не удивлюсь, если он решил выиграть эту войну.

– Гасдрубал не позволит, – уверенно заявил на это Урбал.

Федор промолчал, решив на этот раз оставить свои сомнения при себе.

Следующие два дня боев больше не происходило, и они благополучно прибыли в Цирту, где встали лагерем. Столица Сифакса не произвела на уставшего командира двадцатой хилиархии большого впечатления. Небольшой городок, если не деревня по сравнению с Римом и Карфагеном, зажатым между двумя хребтами и руслом реки. Вокруг Цирты им попало множество стойбищ кочевников, где бродили стада коз и лошадей. Но были и пахотные земли, очень редкие, правда, в этой горной местности.

На первый взгляд образ жизни нумидийцев напомнил Федору образ жизни скифов, тоже проводивших большую часть жизни в седле. Только в отличие от нумидийцев, скифы делали отличные доспехи, и оружие у них было не в пример лучше. Впрочем, это было не новостью. Федор, воюя с нумидийцами бок о бок уже много лет, и раньше отлично знал о том, что конные соединения чернокожих воинов не годились на роль ударных войск. Зато были отличными застрельщиками, разведчиками и преследователями разбегавшегося противника.

«Напади на нас отряд скифов, мы бы конечно выстояли, – сделал неутешительный вывод Федор, – но от моей хилиархии осталась бы ровно половина. Дело не ограничилось бы дюжиной убитых, как сейчас».

По дороге сюда корпусу пришлось миновать протяженные горы, иногда сменявшиеся

небольшими плато, подобными тому, на котором стояла Цирта. Но горная страна еще не закончилась, дальше в глубь Ливии уходили еще несколько хребтов Атласских гор, как их называл про себя для удобства Федор Чайка. Где-то в том направлении шли сейчас основные бои.

– Послезавтра мы выступаем отсюда, – сообщил ему новую вводную Гасдрубал на совете, который состоялся в его новой резиденции – огромном каменном доме, назвать который особняком у Федора язык не поднялся. Высеченные из камня глыбы для стен и узкие окна-бойницы служили хорошей защитой при нападении, но это массивное строение никак не походило на те изящные сооружения, которые командир двадцатой хилярии уже не раз видел в Карфагене. Дом стоял почти в самом центре обнесенного невысокой стеной города, напоминавшего Федору нечто среднее между базаром и растрепанным муравейником. Лагерь армии Гасдрубала находился чуть в стороне от его восточных ворот.

Едва прибыв сюда, Чайка увидел, как дом покидает небольшой караван из закрытых повозок в окружении большого числа нумидийцев, больше походивших на почетный эскорт, чем на охрану. Когда повозки тронулись по улицам города, запруженным разношерстным кочевым народом, Чайке показалось, что в окне самой большой из них мелькнуло личико невообразимой красоты. Всего на мгновение, но этого было достаточно, чтобы понять, почему так яростно нападает на них Масинисса, так и не получивший эту красоту.

– Похоже, здесь только что побывала дочь Гасдрубала, – пробормотал он, останавливаясь на мгновение у крыльца и провожая взглядом повозки.

– Может быть, – кивнул Урбал, – но не стоит так откровенно разглядывать ее. Здесь хоть и владения Карфагена, но Сифаксу вряд ли понравится, что ты так глазеешь на его жену. А донести об этом может всякий. Любого его подданный уже шпион.

– Идем, – хмуро заметил на это Федор, вспомнив слова Бибракта и мысленно соглашаясь с ним.

На совете оказалось, что дела идут не так хорошо, как планировалось.

– Пока мы добирались сюда, Сифакс потерпел несколько поражений, – сообщил командирам Гасдрубал, – и его силы уменьшились почти на треть. Прибывших со мной воинов хватит для победоносной войны. И все же я хочу иметь большой перевес. Поэтому послезавтра вся армия отправится со мной в новый поход в глубь Ливии на поиски Масиниссы, который постоянно меняет свои лагеря, а ты, Федор, отправишься, обратно к морю.

– Но зачем? – не сдержал удивления Чайка, у которого еще не изгладились из памяти песчаные бури и страшная жара, которая здесь, в оазисе, ощущалась гораздо меньше.

– Чтобы привести сюда прибывшие подкрепления, – отрезал Гасдрубал, – пока ты будешь добираться до берега, где мы высадились, туда уже должны приплыть корабли с пятью хиляриями пехотинцев из Испании. Ты примешь командование и проводишь их сюда, в Цирту.

А когда все офицеры разошлись, Гасдрубал оставил слегка обескураженного Федора, чтобы сказать ему пару слов наедине.

– Но твоей главной задачей, Чайка, будет не только это, – проговорил командующий армии, – есть еще одно деликатное дело, которое я могу в этой стране поручить только тебе.

Федор застыл как изваяние из глины, ожидая, в какую еще авантюру попадет по милости семейства Барка. «Наверняка опять какое-нибудь тайное задание, – подумал он, глядя, как Гасдрубал раскрыл небольшой ларец на массивном столе и достал оттуда свиток, – нет, братья явно что-то задумали. Только вот что?»

– Прибыв к морю, ты должен будешь разыскать квинкерему под названием «Тапс», – сказал пуниец, протягивая ему запечатанный свиток, – и передать ее капитану вот этот свиток. У капитана рассечена левая бровь, так что ты не ошибешься. Как вернешься, мы поговорим с тобой о награде за верность. А я умею быть щедрым.

«Видимо, я умру очень богатым человеком, – подумал при этом Федор, безмолвно принимая письмо от недавнего властителя Испании, – раз уж оба брата обещают мне награду

всего лишь за доставку письма в один конец. Впрочем, наверное, потому что все другие посыльные уже мертвы, а посвящать в это дело новых людей небезопасно».

Отказаться он, понятное дело, не мог, хотя и печенкой чувал, что все глубже погружается в то самое болото, от которого сам же Гасдрубал советовал ему держаться подальше. «Может быть, он забыл о своих словах, – рассуждал Чайка, направляясь в конюшню, где специально для него держали пару лошадей. – Ладно, доскакать до побережья можно довольно быстро, если никто из людей Масиниссы не будет пытаться остановить меня. Да поможет мне Баал-Хаммон».

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Гасдрубал разрешил ему взять с собой лишь пятьдесят человек, поэтому эскортом Чайки стали пятьдесят тяжеловооруженных иберийских всадников.

«Не слишком большой отряд, но Гасдрубал прав, привлекать внимание не стоит. Главное, быстрее добраться туда. Зато обратно буду возвращаться с целой армией», – успокаивал себя Федор, верхом покидая Цирту, где он оставил солдат хилиархии на своего вечного заместителя. У остальных африканских отрядов были собственные достойные командиры, Адгерон и Карталон, по воле случая везде следовавшие за Чайкой.

– Я скоро вернусь, – напутствовал Федор Урбала, перед тем как покинуть город, – вы еще не успеете даже найти и окружить Масиниссу, а я буду уже здесь.

– Мы подождем, – ухмыльнулся пуниец.

На этот раз путь выдался вдвое быстрее и безопаснее. На каждом перевале его встречали либо кельты, либо разъезд нумидийцев Сифакса. Съезжая с последнего холма, Чайка увидел морское побережье. Он даже остановился ненадолго, чтобы полюбоваться открывшимся перед ним зрелищем – около двух десятков квинкерем и грузовых судов уже стояли в гавани. Еще несколько кораблей спешили к ней.

– Ого, – вырвалось у Федора, – да здесь гораздо больше солдат, чем мне приказал встретить Гасдрубал. Может быть, его брат прислал новые подкрепления из Испании? Только вот где он их взял.

Решив не вдаваться в детали, Федор погнал коня вскачь, чтобы как можно быстрее расстаться с письмом, которое жгло ему грудь. Прибыв в порт, где полным ходом шла выгрузка подкрепления, больше походившая на прибытие второй армии, он пробрался сквозь патрули и разыскал нужный корабль.

– Я хочу видеть капитана, – заявил он, едва поднявшись по сходням.

– Он сейчас вон там, – указал его помощник на приземистое каменное здание на краю гавани, – о чем-то разговаривает с местными властями. Обещал скоро вернуться, но пока задерживается. Если хотите, можете подождать его здесь.

– Я тороплюсь, – отказался Федор и направился в указанную сторону, решив передать письмо прямо там, пользуясь своим статусом. Он знал, что по первому требованию ему предоставят свободное помещение, где он сможет переговорить с капитаном с глазу на глаз.

Свой эскорт Федор оставил в порту, наказав ждать его возвращения. Он решил, что встречу не должны видеть посторонние люди, пусть даже и охранники. Тем более что ему здесь ничто уже не угрожало.

У ворот дома, обнесенного высоким забором, к его удивлению, дежурили не нумидийцы, а пехотинцы из африканских частей. Бесцеремонно остановив его, они поинтересовались, кто он и куда направляется, рассматривая его так, словно он был шпионом Масиниссы. Чайка едва не возмутился таким досмотром, но решил оставить все разбирательства на потом, сначала надо было сделать дело.

– Я, Федор Чайка, помощник Гасдрубала. Мне нужен капитан квинкеремы «Тапс». На корабле мне сказали, что он здесь.

– Да, здесь, – кивнул начальник пехотинцев в чине помощника командира спейры, хитро прищурившись, словно хотел пробуравить его своим взглядом насквозь. – Проходите. Он ждал вас.

«Откуда он знает, – промелькнуло в мозгу Федора, когда он толкал одной рукой дверь в

полутемное помещение, а другой держал шлем, – нет, все-таки я накажу этих наглецов, что так непочтительно обходятся с помощником самого Гасдрубала».

Но то, что он увидел, заставило его замереть на месте, а ладонь лечь на рукоять фалькаты. Капитан корабля был привязан к стулу веревками, а по его безвольно повисшей голове текла кровь. Позади бесчувственного тела находились четверо пехотинцев, один из которых вытирал окровавленные руки о ткань полотенца.

– Да, он ждал вас, – подтвердил голос из-за спины Федора, – очень ждал. И мы тоже.

Фалькату Чайка выхватить не успел. Удар по голове чем-то тяжелым погасил свет в его глазах.

Сознание вернулось не сразу. В голове шумело, но не только от удара. Было ощущение, что его чем-то опоили и он пробыл в состоянии отрешенности довольно долго. Сначала Федор ощутил, что по-прежнему одет в свои доспехи и лежит на чем-то мягком и удобном, явно в кресле. Затем, по укоренившейся за время войны привычке, не открывая глаз, он прислушался. Звуки могли многое сказать. Он услышал слабый шум ветра и перешептывание деревьев, словно из помещения, в котором он находился, была открыта дверь, что вела во двор или сад, полный высоких деревьев.

«Откуда здесь деревья? – удивился Чайка, все еще лежа с закрытыми глазами и пытаясь заглушить боль в затылке, вернувшуюся вместе с сознанием. – На побережье ничего выше кустарников не росло. Значит, меня перевезли в другое место. Но кто и зачем?»

Здесь было также заметно прохладнее, чем в том месте, где на него напали. А кроме того, вокруг были запахи жилища, просторного, хорошего и богатого. Здесь пахло совсем не так, как в той хижине на берегу. Это Федор понял сразу, едва втянув запахи.

«Во что же ты вляпался, брат Федор», – подумал Чайка, осторожно попытавшись пошевелить руками, и вдруг понял, что не связан. Он лежал абсолютно свободно в кресле и мог двигать руками и ногами. Это открытие потрясло его. А спустя мгновение он уловил шорох и ощутил чужую энергию. Рядом находился человек. И этот человек уже давно наблюдал за ним.

– Баал-Хаммон действительно благоволит к тебе, Чайка, – произнес очень знакомый голос, поняв, что Федор уже пришел в себя. – Если бы Гасдрубал прислал с письмом кого-нибудь другого, то посланец был бы уже мертв. Но тебе повезло, что с моими людьми был Акир. Он спас тебе жизнь.

Сделав над собой усилие, Федор открыл глаза и посмотрел на сенатора. Магон стоял напротив, всего в трех шагах, сложив руки на груди и закутавшись в темно-зеленый балахон. Поверх сложенных рук тускло поблескивала золотая цепь с амулетом, символом Карфагена. Дородная фигура седовласого сенатора возвышалась посреди знакомого кабинета, – не раз Федор уже бывал здесь, – рядом с массивным креслом, украшенным золочеными ручками в форме птичьих голов.

– Меня перевезли в Карфаген? – не поверил своим глазам Чайка, осторожно пошевелив руками, и, чуть подаваясь вперед в кресле, осмотрелся. – Но зачем? И кто эти люди, напавшие на меня?

– Это мои люди, – ответил Магон и тоже сел в кресло напротив, взяв со столика чашу с вином.

За окном вечерело. Сквозь открытую на террасу дверь пробивался неровный свет уже горевших на ее полу жаровен с углями. Сенатор неторопливо потягивал вино из чаши, украшенной драгоценными камнями, ничего не спеша объяснять и словно давая Федору время обо всем догадаться самому. По всему было видно, что Магон не торопится, но все же намерен о чем-то поговорить со своим пленником. Отсутствие пут на руках и ногах ничуть не обмануло Федора, на этот раз он был в этом кабинете не гостем, а именно пленником.

Никого из охранников поблизости Чайка не заметил. Кабинет был абсолютно пуст. Но это тоже еще ни о чем не говорило. Вернее, наоборот, говорило о многом. Наверняка охранники были у дверей и в саду, под террасой, так что Федор даже и не думал, что сможет

легко сбежать при случае. Но, как боец, все же просчитывал варианты. Хоть его и опоили какой-то гадостью, державшей в забытии несколько дней, необходимых, чтобы добраться до Карфагена, но своим сознанием он уже вновь овладел полностью. Тело тоже подчинялось, это он понял, пошевелив рукам и ногами.

– Ты хочешь сбежать? – усмехнулся Магон, посмотрев сначала на закрытую дверь в кабинет, а потом на открытую, ту, что вела на террасу.

«Значит, я не ошибся, – прикинул Чайка, – охраны полно. Но этот старик, которого я при желании могу убить одной рукой, совсем не боится оставаться наедине с человеком, которого почему-то теперь считает своим врагом. Почему?»

– Зачем мне бежать? – не очень уверенно изобразил удивление Федор, тоже решив не торопиться с выводами. – Разве я враг вам?

– Вот это я и хочу понять, – проговорил Магон, отпивая еще вина и делая жест рукой, разрешавший Федору сделать то же самое, – нас с тобой связывает кое-что в этой жизни. Именно поэтому я не разрешил казнить тебя немедленно как изменника.

– Изменника? – едва не вскочил со своего места Чайка. – Я получил уже несколько ранений, воюя за Карфаген! Как вы могли назвать меня изменником?

– Уже много времени, Федор, ты воюешь на стороне изменника, – медленно произнес сенатор, – и ты слишком близок к нему, чтобы ни о чем не догадываться. Я полагаю, либо ты искренне предан ему, либо ты слепец.

– Теперь вы называете изменником Гасдрубала... – не поверил своим ушам Федор, но невольно продолжил логическую цепь, которая напрашивалась после слов сенатора, – или даже самого Ганнибала. Того, кто верой и правдой бьется с римлянами, чтобы привести армию Карфагена к победе. Я не понимаю вас.

– Армия Карфагена, если ты этого не заметил, уже давно стала армией семьи Барка, – проговорил сенатор, словно окатил его ведром холодной воды, от которой в усталой голове командира двадцатой хилиархии все вдруг начало вставать на свои места, – воины боготворят Ганнибала и его братьев, но отнюдь не сенат и законную власть Карфагена.

– Но разве плохо, что солдаты любят своих командиров, – осторожно возразил Федор, все же рискнув взять чашу с вином, стоявшую на столике на расстоянии вытянутой руки, – ведь от этого они будут только лучше воевать с любым врагом. И пойдут за ним, куда бы он ни повел их.

– Я всегда считал, что ты неглуп, Федор Чайка, – только и сказал сенатор, откидываясь на кресле.

Других объяснений Федор не услышал. Сенатор явно подводил его к какой-то мысли, но не разжевывал ее, а предпочитал, чтобы Федор думал сам.

– Вы хотите сказать, – начал Федор, подумав немного и припомнив свои старые сомнения, – что Ганнибал не хочет подчиняться сенату Карфагена? Но не сенат ли отправил его воевать в Италию и захватить Рим. И Ганнибал почти сделал это, а если бы ему прислали вовремя подкрепления, то Рим давно бы уже пал.

Сказав это, Федор осекся... подкрепления, которых не было уже так давно. А едва появившись на Сицилии, они не спешили переправляться в Италию, да и командир у них был новый, Аравад, а не Ганнибал, так и не дождавшийся обещанного. Вывод напрашивался сам собой.

– Сенат не хочет, чтобы Ганнибал взял Рим? – пробормотал совершенно уничтоженный Федор. – Но почему? Разве у него есть какие-то опасения, что...

Магон молчал, попивая вино и продолжая смотреть в лицо Федора исподлобья, словно изучая его мысли.

– Власть над миром, Федор, очень опасная вещь, – медленно, словно обдумывая каждое слово, начал откровенничать седовласый сенатор, – а Ганнибалу и его семье, по сути, принадлежит уже полмира. Половина того самого мира, который должен принадлежать всем гражданам Карфагена, а не только тем, кто поддерживает Баркидов.

Магон поставил пустую чашу на столик и закинул в рот засахаренную дольку персика,

подцепив ее пальцами из вазы.

– О том, что после взятия Рима Ганнибал повернет свои войска против самого Карфагена и чернь поддержит его, – продолжил он спокойно, словно речь шла о сущих пустяках, – я стал догадываться уже давно. Но до последнего времени не верил Ганнону, старому врагу семьи Баркидов, поддерживая Ганнибала, нашего лучшего полководца. Ведь мы одерживали одну победу за другой.

Магон все же немного разволновался, заговорив об этом, и встал, начав прохаживаться по кабинету. Несколько раз он даже поворачивался к Федору спиной. Но тот был так заморожен услышанным, что давно позабыл об открытой двери на террасу.

– Однако веские доказательства от Ганнона я получил совсем недавно, – сказал Магон, обернувшись.

– Ганнон поддерживает связь с римлянами, Ганнон – предатель! – не выдержал Федор, вновь услышав это ненавистное имя. И резким движением выдернув из-под кирасы чудом сохранившиеся там монеты с совой, бросил их на стол. – Вы не должны верить ему. Это он убил вашего человека в Лилибее. И едва не убил меня, подослав своих людей.

– Что еще ты об этом знаешь? – удивился сенатор, заметив блеснувшие монеты заговорщиков с просверленными отверстиями. – Я опять недооценил тебя.

– Это он хотел, чтобы пал Тарракон, подослав туда своего помощника, советника Асто. Я сам видел, как Сципион беседовал с ним, и едва не захватил предателя! Ганнон вредит нам, он хочет, чтобы римляне победили.

– Да советник рассказывал нам о том, что едва не был пленен одним очень бойким офицером, – заметил на это Магон, – значит, это ты едва не пленил советника Асто и не убил самого Сципиона. Ты ловок, Федор. Очень ловок. Но, повторяю, ты уже очень долго воюешь против Карфагена.

– Рассказывал.. – пробормотал в растерянности Чайка, отставив чашу с вином и заерзав в своем кресле, – значит, вы... заодно с Ганноном? Значит...

– Это значит, что власть должна избавиться от реальной угрозы, происходящей от того, кто хочет видеть себя тираном, – прошипел Магон, теряя хладнокровие и наклоняясь к Чайке, все еще сидевшему в кресле. – Это значит, что сенат принял решение, не поднимая шума, что будет вредно для народа, который его тоже обожает, отозвать Ганнибала из Италии. И тогда он отказался подчиниться, показав свое истинное лицо.

– Отказался?... – повторил Чайка.

– Да, отказался, – повторил старик, едва ли не брызжа слюной, – конечно, найдя благовидный предлог, чтобы потянуть время. Но кто в это поверит? И когда ты плыл в Испанию с планом нападения армии его брата на метрополию – сам он не может этого сделать, пока не возьмет Рим, – Ганнибал уже арестовал Аравада и всех его командиров. И вот тогда сенат единодушно принял решение тайно поддержать римлян, поскольку только они могут сейчас удержать Ганнибала в пределах Италии и связать его по рукам на других фронтах. И если раньше противодействие Ганнибалу происходило только благодаря Ганнону, оказавшемуся дальновиднее всех, то теперь этот план поддерживают все сенаторы.

– Но Рим окружен, ему осталось недолго, – пролепетал уничтоженный этой информацией Федор, пытаясь как-то защититься, – а скифы и македонцы помогут ему довершить дело. Ведь вы сами отправляли меня к царю скифов с письмом...

– Тогда я еще верил, что Ганнибал может остановиться, – отрезал сенатор, беря себя в руки и вновь опускаясь в массивное кресло, – а теперь уже нет. Выбор сделан. Скифы ему не помогут, объединенные армии греческих полисов, действуя заодно с римлянами, ударили скифам в тыл. Иллур завязнет там надолго. И, хотя я этого ему не приказывал, такие события нам только на руку. А войска Филиппа уже переправились обратно в Грецию. Едва пожар запылал недалеко от дома, царь Македонии позабыл о своем договоре с Ганнибалом.

– Вы можете приказывать Иллуру, царю скифов? – Глаза Федора вновь полезли на лоб, слишком много удивительных фактов он узнал за этот вечер.

– А как ты думаешь, этот молодой вождь несколько лет назад стал царем? – усмехнулся

Магон, отпивая вина, которое не погнушался сам налить себе в чашу. – У него не было тогда таких денег, чтобы купить царскую власть. Но они были у меня, и я дал их ему. В обмен на будущие услуги, конечно. Он уже очистил от греков место в Крыму для новой колонии Карфагена, когда мне пришлось привлечь его на помощь Ганнибалу даже против воли сената, убедив совет ста четырех. Но, к счастью, боги остановили его в тот самый момент, когда было еще не поздно все переиграть. И теперь Ганнибал не скоро дождется помощи скифов.

Федор молчал, переваривая услышанное и пытаясь понять, почему сенатор так откровенничает с ним. «Обычно, – горько усмехнулся он, – барашка откармливают, прежде чем пустить на шашлык».

– Насколько я понял, Гасдрубал, которому я служил последнее время, по-вашему, тоже мятежник, – все же осмелился поднять голову Федор, – почему тогда вы не заперли его в Испании, а позволили переправить сюда целую армию. Которую, как я только что узнал, он привел сюда совсем не для того, чтобы привести к покорности Масиниссу.

– Ты прав, Масинисса лишь предлог, придуманный и созданный Ганноном, – усмехнулся Магон, оценив догадливость собеседника, – несчастный влюбленный, который так вовремя потерял голову. Но ты видел эту армию. Ее нелегко запереть в Испании. Гасдрубал готовился долгое время, накапливая силы. Но и мы, зная его планы, готовились к этому. Сейчас во что бы то ни стало надо удержать народ в узде. Поэтому никаких заявлений и обвинений в предательстве семьи Барка пока не будет.

Магон замолчал, но, видя недоумение в глазах Федора, удовлетворил его любопытство, которое было сильнее страха смерти.

– Из глубины Ливии на встречу с Гасдрубалом спешит не только Масинисса со своими легковооруженными всадниками. К нему движется новая армия под руководством спартанского военачальника, которого мы вызвали сюда втайне от всех. Эту армию мы также собрали втайне, но она достаточно велика, для того чтобы уничтожить одного мятежника, пусть и очень талантливого. А кроме армии, сенат располагает мощным флотом, который ждет своего часа в гаванях. Ждет, чтобы двинуться туда, где в нем возникнет больше нужды. В Испанию или... в Италию, чтобы решить нашу главную проблему.

Чайка молчал, теперь ему было понятно все. Он ждал приговора.

– Я рассказал тебе все это только потому, что ты однажды спас мне жизнь, – проговорил Магон, глядя в глаза Чайке, – а я не люблю быть в долгу...

– Вы уже вернули мне его сполна, – заметил Чайка, усмехнувшись, – наградив имением и деньгами.

– Не перебивай, – сверкнул глазами сенатор, и Чайка вновь ощутил себя ничтожным человеком, от которого мало что зависит в этом мире олигархов. – Жизнь раба, конечно, ничего не стоит. Но ты не раб. Поэтому я оставляю тебе выбор.

Магон опять встал, приблизившись к окну, из которого виднелся подсвеченный жаровнями огромный парк.

– Даже если бы ты сбежал сейчас и попытался предупредить Ганнибала или его брата, что идет прямо в западню, ты уже ничего не изменил бы, – проговорил сенатор, глядя в глубину парка. – Все уже давно движется своим чередом и случится, как намечено богами. Никого из Баркидов ты уже не спасешь. Но ты можешь спасти себя.

Магон резко обернулся, посмотрев на Федора, что сидел в кресле, словно оглушенный.

– Я дам тебе время до рассвета. И даже возможность отплыть в Италию, если захочешь. До того часа, когда начнется торг на рынке, у внешнего причала тебя будет ждать триера, ее капитана зовут Йехавмилк. Он предупрежден, что ты можешь появиться. Но если ты не появишься в назначенное время, корабль уйдет. Это последний корабль, который уйдет в Италию с командой, ничего не знающей о надвигающейся грозе. – Сенатор помолчал немного и закончил: – Но есть и другой путь. Ты хороший военный. Я сделаю тебя командиром африканских пехотинцев в новой армии. Такой же пост у Ганнибала занимает Атарбал, дни которого сочтены. Если выберешь этот путь, то останешься у себя до полудня,

когда за тобой зайдет Акир. Он приведет тебя ко мне, и здесь мы обсудим твоё будущее. А сейчас ты вернешься к себе домой и до рассвета сделаешь свой выбор. Ты свободен, Чайка.

Услышав эти слова, Федор вздрогнул. Свобода предполагает многое. Даже то, чего ты не хочешь. Сделав усилие, Чайка встал впервые за время разговора. Бросив взгляд на сенатора, он медленно покинул его кабинет, передвигаясь на ватных ногах.

Когда он был у ворот собственного особняка, Карфаген уже погрузился во тьму. Небольшое трехэтажное здание, окруженное садом, тоже пребывало во тьме. Лишь у массивных ворот, где виднелся охранник, горела небольшая жаровня. Слуги, а особенно кухарка, не видевшие его уже очень давно, обрадовались возвращению хозяина. Ему предложили отличный ужин, но Федор отказался.

– Принеси на балкон кресло, – приказал он слуге, отстегнув фалькату и поднимаясь по лестнице вверх.

– Разве вы не будете спать? – удивился тот, с интересом разглядывая изможденного Федора.

Чайка не ответил. А когда тот, исполнив приказание, удалился, Федор устало опустился в большое кресло, вдохнул терпкие южные запахи и пробормотал, слушая звуки засыпающего города:

– Мне есть о чем подумать до рассвета.